

**ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ
1914-1917 гг.**

Т. 3

ТАЛЕРГОФСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-руссскимъ народомъ
во время всемірной войны 1914 — 1917 г. г.

Выпускъ третій.
ТАЛЕРГОФЪ

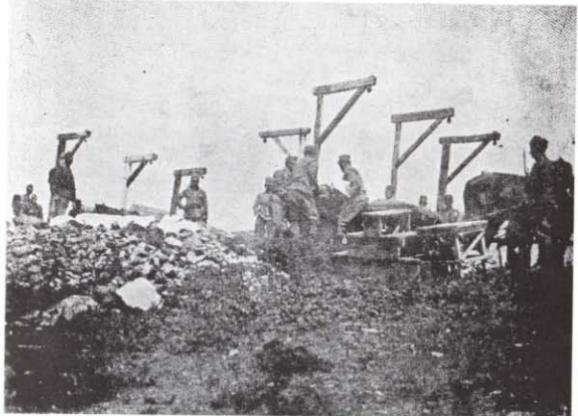
Часть первая

Високогородському ліго-
нисцю Талергрофського
чародійного ліхоманки
1914 — 1915

Доктору В. Р. Ваврикови
з побажаннямъ здоров'я,
сподоби і від'їзда.

Михайлові Дуктів
14. XI. 60

— ЛЬВОВЪ, 1930. —
Издание „Талергрофского Комитета“. афія Ставронігійского Інститута підъ управлениемъ Мирона Мацана.

В ПАМЯТЬ ВОЕННЫХ МУЧЕНИКОВ

Кобы вітры не віяли,
То бы тут не были,
Коб не люты вороженьки,
Мы бы ся любили.
Кажут люде, што суд буде,
А суда не буде,
Бо без суда нас связали,
Поламали груди.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ III ВЫПУСКУ.

Осенью 1928 г., 31-го октября, состоялся по Львовѣ грандиозный Тадергрофскій Съездъ: всенародная поминальная манифестація Галицкой Руси, посвященная памяти уже погибшихъ многихъ жертвъ австрійского военного и доевенного террора, нѣсколькоъ здѣшнихъ узниковъ Тадергрофа, Терезина и др. австро-венгерскихъ тюрьмъ и концентрационныхъ лагерей, и чествованію немногихъ изъ нихъ оставшихся еще въ живыхъ.

Въ Съездѣ принялъ участие нѣсколькоъ тысячъ человѣкъ, представителей всѣхъ уголовковъ Галицкой Руси, какъ интеллигентіи, такъ и крестьянства, были также делегаты Закарпатской Руси и представители Волыни и др. русскихъ земель въ Польши.

Программа, содержаніе въ ходѣ торжествъ Съезда, постановленій и резолюціи его, представлены въ вышедшихъ посвѣдѣніи письмахъ галицко-русской печати (газ. "Русский Голосъ", "Земли и Вода", "Наука" О-ва им. М. Качинскаго) и русской заграничной. Въ числѣ цѣлаго рида вынесенныхъ постановлений Съезда, обсужденено и принято было и то, что садѣуетъ, пока еще не поздно, повести и усилить собиранный материалъ для истории мученичества галицко-русскаго народа до и по время всемирной войны за свою национальную русскую идею, народность и иѣзу, и продолжать изданіе Тадергрофскаго Альманаха, первые два выпуска котораго уже напечатаны — первый въ 1924 г., второй въ 1925 г.

Създомъ былъ выбранъ особый, постоянно действующій исполнительный органъ — Тадергрофскій Комитетъ, который, посвѣдѣнію своего устроенія, явился и принялъ за работу въ садѣющемъ составѣ:

Предѣдѣлатъ: сов. суда Антонъ Осиповичъ Гулла.

І. Тов. предѣдъ: Зиной Михайловичъ Медыцкій.

ІІ. " " Стефанія Ивановна Кунинская.

І. Секретарь: д-ръ Василий Романовичъ Ванрикъ.

ІІ. " " судъ унів. Романъ Григорьевичъ Максимовичъ.

Члены: сов. суда Николай Григорьевичъ Третынь.

" " д-ръ Юліанъ Семеновичъ Заяцъ.

" " Лука Константиновичъ Старікій (изъ Знесенья).

" " свящ. о. Романъ Чайковскій (изъ Бататичъ).

" " о. Іоаннъ Базилікевичъ (изъ Грибовичъ).

Воспользовавшись предоставленнымъ при выборѣ правомъ кооптаций, Комитетъ включилъ въ свой составъ и рядъ другихъ лицъ, редакцію же Талергофскаго Альманаха поручилъ С. Ю. Бендауску.

Свои вѣсійданы устраивалъ Комитетъ часто (обычно разъ въ недѣлю или разъ въ 2 недѣли) и сообщеніи о ходѣ его работъ помѣщались въ гал.-рус. печати. Комитетъ обращался въ своихъ запискахъ и позывніяхъ къ гал.-рус. общественности, и особенно къ бывшимъ узникамъ Талергофа, Теревина и др. мѣстъ заключенія, съ просьбой присыпать записки и вообще материалы къ исторіи преслѣдованій и гонений гал.-рус. народа въ б. Австро-Венгрии, для помѣщеній въ его Альманахѣ. Многіе откликнулись пріязнью запиской своихъ или же своихъ близкихъ, родныхъ и знакомыхъ. Кроме этого, Комитетомъ ведутся и подсчитываются возможно самыя точные списки пострадавшихъ.

Въ предложеніе выpusкъ помѣщены материалы, частично ранніе уже полуенные, но еще не использованные, частично же полученные въ послѣднее время.

Весь выпускъ посвященъ и отведенъ материаламъ, относящимся исключительно только къ Талергофу, и появляется теперь какъ первая часть изъ, за которой посѣдѣютъ дальѣйшія, съ заключительнымъ оглавленіемъ всѣхъ частей.

Помѣщается же въ этихъ частяхъ Альманаха не истории Талергофа, а только сырье материалы для будущей истории его, именно человѣческіе документы и памятники Талергофской Голгофы галицко-русского народа, въ такомъ видѣ, въ какомъ получены, съ незначительными только языковыми, орографическими и драматическими поправками. Немножко притомъ предваряющіяся неточностями, ошибками, пропусками и др. под. недостатки, виной окружавшаги гѣнностю и вѣрно-стью помѣщаемаго материала.

Подлинники документовъ обыкновенно, и въ частности по требованіямъ, возвращаются, поспѣшливъ, использованиемъ, прислашивши ихъ авторамъ и вообще собственникамъ, или же ихъ роднымъ и знакомымъ, причемъ высказывается просьба объ укаваній незначительныхъ неточностей и ошибокъ и представлении поправокъ и дополненій. Полученія до сихъ поръ таковыя поправки и дополненія къ предъдущимъ (I и II) выпускамъ тщательно сличаются и провѣряются и будутъ вбро-сѣдѣстнѣ также помѣщены.

Издание Альманаха влечетъ за собой громадные расходы, за отсутствіемъ же и совершенной невозможностью подученій какихъ бы ни было постороннихъ средствъ на ихъ покрытие, эти расходы покрываются исключительно только сборами пожертвованій, и потому продолженіе, расширеніе и улучшеніе и даже темы изданій зависятъ лишь отъ отыччивости и жертвенной щедрости галицко-русской общественности, которая — вѣрна и уловомъ — не покидаетъ трудовъ, стараний и средствъ, чтобы оно, какъ народный памятникъ, было въ достоинѣ.

Въ заключеніе остается только высказать глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ, кто пристрастно и материально поддерживаютъ его, и искреннюю призна-тельность тѣмъ, кто лично и непосредственно участвуетъ въ немъ, какъ прі-зылокъ материаловъ, такъ и сотрудничествомъ въ ихъ помѣщеніи.

Львовъ мартъ м. 1930 г.

Жизнь въ Талергофѣ.

Сообщеніе Ил. С. Гошовскаго изъ Станиславова.

Въ Талергофѣ очтились мы 4 сентября. Постъ опредѣленія мы-стали нашему транспорту въ чистомъ полѣ, конвойные назначили колъ-мия предѣльныя границы, въ которыхъ мы должны были оставаться до дальнѣйшаго распоряженія. Ка-узнице арестованныхъ солдатъ 27 градецкаго полка срывали путови-цы и кокарды съ чиновниковъ, находившихся среди арестован-ныхъ. Не обошлося тутъ и безъ трагикомедій. Пуговицы съ двугла-вымъ австрійскимъ орломъ, крѣп-ко прищипывались къ мундирну, никакъ не отрывались. Озлобленные сол-даты тинули тогда арестованного за собой, держа его за пуговицу до тѣхъ поръ, пока таковая не отор-валась вмѣстѣ съ кускомъ мундира.

Я отдался нѣсколькими молни-еносными ударами въ лицо, полу-ченными отъ тѣхъ-же солдатъ. Немногого въ сторонѣ отъ расположившагося нашего эшелона было назначено мѣсто для естественныхъ потребностей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Женщины собирались туда по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, чтобы такимъ образомъ хоть отчасти, за отсутствіемъ огражден-ного прикрытия, удовлетворить чувство стыдливости. Въ та-кихъ случаяхъ солдаты всячески изводили женщинъ. Они умыш-ленно сопровождали женщины въ отхожія мѣста и, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, позволяли себѣ неподдаюція, печатанію вы-ходки, приводившія женщинъ до

слезъ и истерики. Не-кому было пожаловаться, ибо начальник стражи, капитанъ нѣмецъ, былъ хуже своихъ подчиненныхъ.

Въ тотъ-же день закололи солдаты троихъ крестьянъ, не знаящихъ нѣмецкаго языка, за неисполнение приказаний и тутъ же ихъ зарыли въ общую яму, положивъ на головы мѣшокъ наполненный пескомъ.

Бечеромъ опасно заболѣла моя дочь, не бывшая въ теченіе нѣсколькихъ дней, за отсутствіемъ казеной пищи, и собственныхъ средствъ. Благодаря д-ру Могильницкому, ее привели въ чувство. Затѣмъ мы прикрыли ее рясами священниковъ о. Григорія Проца и о. Луки Иванцева. Ночи въ Талергофѣ бываютъ въ сентябрѣ туманныя и холодныя, а дочь вывезли изъ дома въ одной лѣтней блузѣ.

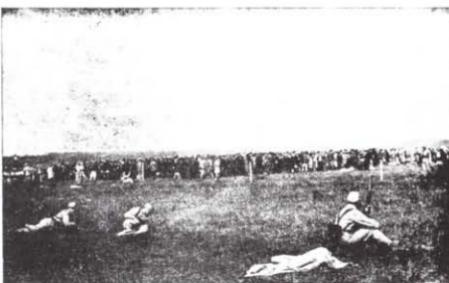
На слѣдующій день вечеромъ поданъ былъ теплый супъ. За неимѣніемъ посуды каждый устраивался, какъ могъ. Кто подбиралъ лежація пустыя бутылки и, отбивъ горлышико, пользовался ими вмѣсто котелка, другіе дѣлали углубленія въ кускахъ хлѣба и наливали туда казенную жидкость. Громадное большинство осталось безъ обѣда.

Черезъ день дочь опять упала безъ чувствъ вслѣдствіе голода и физическаго истощенія. Въ ту пору подѣхали къ нашему расположенню автомобили со стирійскимъ намѣстникомъ и его свитой. Прѣхавши заинтересовались лежащей безъ памяти дочерью; въ особенности одинъ изъ нихъ, прѣхавший съ женой и дѣтьми, послѣ краткихъ переговоровъ съ намѣстникомъ и

командантомъ лагеря велѣлъ отнести больную на кухню и напоить чорнымъ кофе, чтобы усилить дѣятельность сердца. Исполнили приказаніе два санитара: Joseph Schöneneg, учитель изъ Ebendorf-а въ Каринтии, и Joseph Podgorsek, железнодорожникъ изъ Градца, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ солдатъ. Когда дочь пришла въ себя спросила гуманнаго незнакомца, кому должна быть благодарна за человѣческое съ нею обращеніе. Спрощенный, не имѣя визитной карточки, написалъ карандашомъ на моей молитвенной книжкѣ: Graf Joseph Hegerberstein.

Съ тѣхъ поръ графъ Герберштейнъ и его супруга, по національности чешка, часто навѣдывались въ лагерь, расходуя громадныя средства для помощи арестованнѣмъ галичанамъ. Въ тотъ-же день еще графъ Герберштейнъ вторично прѣѣхалъ изъ Градца въ Градецъ и привезъ больной дочери подушку и ватное одѣяло, а графиня постоянно присыпала молоко и продукты. По одѣялу получили также престарѣлый о. Дольницкий изъ Львова, д-ръ Могильницкій изъ Бучача, о. д-ръ Козаревичъ изъ Буковины и еще одинъ православный священникъ. Часто графиня прїѣзжала со своими дѣтьми въ лагерь и привозила бѣлье для арестантскихъ дѣтей, а когда умерли двѣ заключенныхъ матери изъ Сянока, оставилъ въ лагерь маленькихъ сиротъ, графиня Герберштейнъ кормила ихъ собственной грудью. Наконецъ дождались мы перевода съ поля въ бараки. Предварительно купали нась въ лагерной банѣ, за-

ставляя раздѣваться на дворѣ и полѣ купели ждать полчаса своей одежды, находившейся въ дезинфекціонномъ котлѣ. Многіе простудились, послѣдствиемъ чего явилась эпидемія сыпнаго тифа, уносившая ежедневно по 30—40 жертвъ. Графу запрещено прїѣзжать въ Талергофъ во изѣжаніе распространенія болѣзни въ лагерѣ. Такъ жили мы до мая мѣсяца 1915 г.

Первые часы заключенія.

Къ пасхѣ послать я графу дѣйствовала перепискѣ заключенныхъ съ ихъ родными. Въ 1917 году 27-е марта меня отпустили изъ Талергофа и послѣдили въ Gross Florian k. Deutschlandsberg въ Стирии. Въ августѣ мѣсяца, послѣ долгихъ стараний, меня приняли обратно на желѣзнодорожную службу.

Изъ дневника о. Григорія Макара.
(с. Минеральныи Угерцы, Львіскій уѣзд.)

Талергофъ, небольшая мѣстность, передъ войной никому неизвѣстная, представлять же собой довольно широкую равнину, окруженну со всѣхъ сторонъ высокими Альпами. Эту мѣстности назначили австрійцы для русскихъ галичанъ, заподозрѣнныхъ въ государственной изменѣ.

Первый транспортъ въ составѣ 2000 человѣкъ обоего пола прибылъ сюда 4 сентября 1914 года изъ Львова. Четверо сутокъ держали людей подъ открытымъ небомъ, окруживъ узниковъ живыми кольцами жандармовъ и солдатъ. Рядомъ съ гарнізономъ, въ которыхъ размѣстили народъ, разбили большия палатки, служившія также помѣщеніемъ для интернированныхъ. Мѣста не хватало, было тѣсно. Уборная устроена была сади помѣщеній, на голомъ мѣстѣ, безъ всякаго прикрытия.

12-го сентября прѣѣхалъ эшелонъ изъ Сянока, состоявший изъ 150 человѣкъ, большей частью интелигенціи. Съ ними прѣѣхалъ и я съ моими прихожанами. Въ баракѣ, въ которомъ настѣ помѣщены, находилось 30 человѣкъ изъ Царства Польскаго. Въ отхожее мѣсто ходили въ сопровожденіи стражника. Ложились спать въ три ряда: въ первомъ помѣщеніи находились старики и женщины, во второмъ лодея, въ третьемъ крестьяне.

Утромъ вѣлѣли ити на прогулку вокругъ помѣщенія. Первый разъ тутъ увидѣлъ покойника, которого на носилкахъ, безъ гроба,

несли свои-же люди въ сопровождении двухъ караульныхъ на кладбище. По истеченіи двухъ недѣль студенты организовали хоръ. Сперва сѣли обѣдни безъ священника, а въ правдникъ Воздвиженія Честнаго Креста разбрѣшили власти устроить на дворѣ моленіе передъ крестомъ, сколоченнымъ изъ деревѣи. Послѣ моленія разѣрѣшили кое-кому со средствами сходить въ лагерный буфетъ, опять таки подъ надзоромъ солдата. А новые эшелоны съ каждымъ днемъ прибывали въ Талергофъ. Приблизительно въ концѣ сентября я уви-дѣлъ между вновь прибывающими свѣжую партію своихъ прихожанъ, а именно: арестованную первона-чально со мною и освобожденную въ Сянокѣ Скальчику, Ивана Гриба, Михаила Біндаса, Іосифа Устіанов-скаго, Марії Дикѣ, съ дочкою Анною, изъ дочернаго села Руденки Михаила Мельника, Іосифа Ткача, Іосифа Биковскаго, Ивана Ганчака, Михаила Пристача, Михаила Мацковиця, Михаила Чернѣнка. Въ то времѧ на-спѣхъ строили новые бараки съ сѣверо-восточной стороны талергофской долины. Въ продолженіи осени и зимы построено ихъ на пространствѣ 2 км. 80 штуки, въ три ряда съ тремя промежуточными уличками. Два ряда назначили для здоровыхъ узниковъ и подъ кухни, а третій рядъ подъ лазареты. По серединѣ часовенка и два ресторана, а въ сторонѣ отдѣленія для заразныхъ и двѣ мертвѣцкія. Въ третьемъ ряду, по серединѣ, на-

ходилась большая баня съ дезин-фициональнымъ отдѣленіемъ. Позже построили рядомъ съ бани часо-венку въ греческомъ стилѣ для православныхъ. На главной улицѣ построено два бассейна съ фонтанами, вездѣ вънутри бараковъ и по улицамъ проведено электрическое освѣщеніе и водопроводы, кромѣ того устроено нѣсколько колодезей и два ряда уборныхъ съ передѣлами изъ бетона. Собственно говоря, Талергофъ принялъ европейскій видъ въ началь 1916 года. Въ южной сто-ронѣ построено 30 бараковъ для охраны, съ пекарнями и канцеля-ріями.

Новый встрѣчъ.

5-го октября переведено 600 человѣкъ изъ гарнізона въ палатки. Ночь была холодная, около 4 градусовъ ниже нуля. Здѣсь встрѣтился я со своими прихожанами изъ Руденки. Утромъ вѣлѣли интелигенціи идти въ банию. Раздѣвались на дворѣ, одежду отдавали въ дезинфицію, а послѣ купели ждали на морозѣ выдачи одѣжды, по-слѣдствіемъ чего были массовыя за-болѣванія. Послѣ бани намъ отве-ли мѣста въ баракѣ.

Было здѣсь 180 человѣкъ изъ интелигенціи. Я помѣстился вмѣстѣ со своими школьнymi товарищиами Феофиломъ Хомицкимъ и Михаиломъ Вербницкимъ, съ сыномъ, кончившимъ гимназію. Тутъ устроился довольно "комфортабельно" благода-ря подушкѣ, присланной сыновьями изъ Терезіана, где они находились также на правахъ интернированныхъ. Такимъ образомъ улучшилась моя постель. Имѣя шинель, пальто и подушку, можно было въ теплѣ

отдохнуть. Пища была незавидная, но выдавалась довольно правильно. Утромъ кминный супъ или черный кофе, въ подень кукурузная или перловая каша, вечеромъ кофе или чай съ хлѣбомъ.

Мои прихожане остались жить въ палаткахъ, только Мих. Лешега и Ив. Ганчакъ очутились между нами. Часто встрѣчался я съ Ив. Грибомъ и со Скальчиход. Поддер-живали другъ друга надеждой. По-лучивъ по почтѣ нѣсколько коронъ отъ сына, обзавелся полотенцемъ и гребешкомъ, а когда г.г. Евста-хій и Платонъ Калуужицкіе стали присыпывать ежемѣсячно по 10-20 ко-ронъ, купилъ себѣ бѣлье. Безъ этой помощи пришлось бы поги-бать. Вѣль частую переписку съ сыновьями.

Въ концѣ октября прибыла но-вая партія интелигенціи въ первый десятъ бараковъ, а между ними четыре мои прихожанки: Анна Кур-бабичъ, Анна Лешега, Марія Біндакъ и Розалія Андрухова. Кромѣ того, два мои шурина священники Кирилло и Алек. Полянскій съ сы-номъ Несторомъ и его женою и ре-бенкомъ. Свящ. Курилло перешелъ въ пятый баракъ къ своему шурину, свящ. Мохнацкому, а за нимъ по-тянулся и я и жиль здѣсь до марта 1915 г.

Упомянутая выше женщины арестованы послѣ первого отсту-плена русской арміи.

Внутрення жизнь въ баракахъ.

Главнымъ несчастьемъ инте-рированныхъ были насѣкомыя. Тутъ разводилась особая порода вшей, назван. стирийскими. Было ихъ

невъроятное множество и борьба за ними была главнымъ содержаниемъ нашей тюремной жизни. Солома мѣнялась очень рѣдко. Еще въ гангарахъ настѣкомъ собирали однажды врачи въ фланкончикъ и отослали властямъ, какъ доказательство невозможности жизненныхъ условий въ Талергофѣ.

Насъ назначали на разныя работы, и, пр., подметать улицы между бараками, собирать руки лошадиной пометы, при томъ не дѣлалось малѣйшей разницы между рѣсой священника, сюртукомъ мірскаго интеллигента и сѣракомъ крестьянина. Въ Судный день солдаты запрягли евреевъ къ черной работе. Наклали полную тачку мусора, на него посадили священника В. Полянского и такимъ образомъ, везъ евреевъ тачку. Обратно свящ. В. Полянский везъ евреевъ. Издѣствтвствамъ не было конца, всѣхъ ихъ и не вспомнишь. Запрещено курить и читать газеты. Скуку прогоняли истребленiemъ настѣкомъ, которая кажется были главной причиной распространения эпидемии тифа.

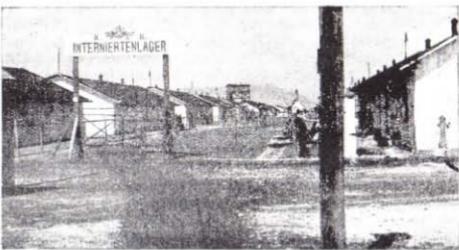
Въ началѣ декабря перегнали весь народъ въ бараки второго и третьего десятковъ. Въ одинъ холодный день стражи рѣшили вымыть въ банѣ 500 человѣкъ, изъ которыхъ половина простудилась. Не смотря на болѣзнь, наряжали народъ на работы. Къ вечеру возвращались всѣ усталые и мокрые отъ переутомленія и такъ ложились спать, а подъ утро трудно уже было подняться съ постели. Эпидемія свирѣствовала до конца марта 1915 года. Къ этому времени умер-

Начало освобожденій.

Въ Талергофѣ было до 7000 человѣкъ интернированныхъ. Между ними были также украинофилы, поляки и евреи. Они попали сюда вопреки желанію австрийскихъ властей, по ошибкѣ. Провидѣніе хотѣло, чтобы и украинофилы присмотрѣлись тому же адѣ, который они совмѣстно съ австрийскими жандармами приготовили русскому народу. Украинская интелигенція старалась еще въ началь при содѣствіи своихъ депутатовъ въ Вѣнѣ освободиться изъ Талергофа, чѣмъ частично удалось, ибо уже въ ноябрѣ 1914 года выпущено многихъ изъ нихъ на волю. Однако эпидемія

прекратила дальнѣйшія освобожденія. Благонадежныхъ изъ интернированныхъ списывали украинофиль свящ. Степанъ Макарь. Кто попалъ въ его списокъ, надѣлся на освобожденіе. А попало въ него немало слабодушныхъ русскихъ, поселенныхъ послѣ освобожденій между мѣстными швабами. Такимъ образомъ освобождали въ Талергофѣ

можно было жить довольно прілично. Всѣ 120 коронъ расходовались на стѣстные продукты. Приходъ терезинцевъ оживилъ Талергофъ. Пополнился талергофский хоръ, разсыпавшій пѣньемъ скучу. Въ Талергофѣ было много интернированныхъ женщинъ и барышень. Теперь онъ былъ похожъ, особенно въ теплые дни, на курортъ.

У воротъ лагера.

место для прибывающихъ изъ Тerezina. Изъ моихъ прихожанъ освобождено всѣхъ женщинъ къ концу августа 1915 года.

Терезинский транспортъ.

Въ первыхъ дняхъ мая 1915 года привезено изъ Тerezina около 800 человѣкъ интеллигенти и размѣщено въ баракахъ второго и третьего десятка. Пріѣхало также двое моихъ сыновей: Романъ, студентъ ветеринарного института, и Евстахій, студентъ юриста. Я жаждалъ новой жизни. На жалованье, получаемое мною съ марта мѣсяца,

Богомольный народъ вначалѣ устраивалъ общія моленія по баракамъ или на улицѣ подъ бараками. Также по баракамъ исповѣдавали интернированные священники, искашившіи утѣшения въ религії и привращали умирающихъ. Больше всѣхъ положилъ трудовъ въ этомъ отношеніи о. Владиславъ Венгриновичъ, спѣшившій съ духовной помощью къ заразнымъ больнымъ и съ разрѣшениемъ властей сопровождавшій покойниковъ на мѣсто вѣчнаго покоя подъ соснами. Если умеръ священникъ, тогда покойника клади подъ баракомъ и, послѣ совершеннія

обряда іерейскаго погребенія, отправляли на кладбище. Хоръ изъ опредѣленного количества міръя сопровождалъ покойниковъ, иногда по билетамъ. Почти всѣ священники священодѣйствовали безъ ризъ, ибо ихъ вначалѣ не имѣлось. Когда лагерная администрація отдала интегрированнымъ часовенку, назначено въ сентябрѣ 1915 настоятелемъ лагерного прихода вольного священника о. Ярослава Карпака. Священники, узниками разрѣшилось священодѣйствовать ежедневно съ 5 ч утра до 12 дня. Ставали къ обѣдѣ соборищъ по три, а когда позже получились ризы, тогда и по восьми, для между собою сбѣрь на літур. вино и на оплату псаломщицамъ. По смерти о. Ярослава его мѣсто занялъ интегрированный священникъ безъ права проповѣди. Иногда прѣѣзжалъ сюда греко-католикъ изъ Вѣны.

Въ отсутствіе законнаго священника, т. е. посль смерти о. Карпака, покойниковъ кропили священной водой подъ бараками, а затѣмъ уже безъ священника несли на кладбище.

Наборъ рекрутъ въ Талергофъ.

Военная власти назначили надзирателями для каждого десятка бараковъ трехъ офицеровъ лейтенантовъ. Между ними былъ мазепинецъ Чировскій. Онъ склонилъ за поведеніемъ русскихъ людей, въ особенности студенческой молодежи. Онъ доложилъ военнымъ властямъ, что лагерное заключеніе является для молодежки благодѣяніемъ, а лучшимъ наказаніемъ для нея является военная служба на по-

зиціи. Представленіе Чировскаго понравилось властямъ и въ юлѣ 1915 г. устроили къ набору рекрутовъ. Взято на службу всѣхъ студентовъ и крестьянъ. Во время набора спрашивали каждого, какой онъ национальности. Каждый отвѣчалъ "Russe". До обѣда комиссія вовсе не обращала на это вниманія. Во время обѣда Чировскій по всей вѣроятности обратилъ внимание комиссіи, что въ Галичинѣ нетъ "Russen" только "рутены" или "украинцы", потому одинъ изъ полковниковъ, членовъ комиссіи, сказалъ во время продолжавшагося набора: "in Galizien gibt's keine Russen". Это не смущило студентовъ, они диктовали дальше: "Muttersprache russisch". Это до того разошлись начальство, что оно распорядилось запереть въ "Einzelarest" всѣхъ студентовъ, ставившихъ къ набору до обѣда, считая ихъ солидарность предумышленнымъ упорствомъ. Всѣхъ заперто 48 человекъ, между ними также моего сына Романа. Имъ угрожалъ военный судъ. Въ продолженіе мѣсяца удалось уѣхать все же "Militärrkommando" въ Градцѣ, что слово "ruthenisch" исказенное выраженіе, имѣющее свое грамматическое начало въ словѣ "russisch". Уѣхѣдѣть военные власти помогали намъ офицеръ полякъ Осташевскій, надзиратель второго десятка бараковъ.

Наконецъ выпустили студентовъ изъ ареста, подѣливъ предварительно каждого за руки на два часа на деревѣ (т. зв. "anbinden"). На военную службу взяли ихъ 10 ноября 1915 года.

Новые транспорты изъ Галичины.

Послѣ отступленія русскихъ армій изъ Галичины, австрійскія власти арестовали, кромѣ русскихъ, также украинофиловъ, поляковъ и евреевъ, словомъ всѣхъ, кто находился въ соприкосновеніи съ русскими войсками. Пустыя мѣста въ Талергофѣ заполнились. Между новыми узниками нашелся ріаній мазепинецъ изъ Лѣска, Габлинскій, который въ 1914 году сердечно仁爱地 рѣдовалъ арестованію Угерчану. Илья полковъ было много бургомистровъ, студентовъ и чиновниковъ, которые во время оккупации Галичины служили въ разныхъ вѣдомствахъ.

Въ 1916 году число жителей каждого барака не превышало 100 человекъ. Гигиеническіе условия улучшились, каждый изъ узниковъ имѣлъ уже по два одѣяла. Въ двухъ рестораторикахъ можно было получить проѣданіе. Чиновникамъ, получавшимъ ежемѣсячно жалованье жилось не плохо, а безденежное крестьянство сильно бѣдствовало, особенно тѣ, кто изъ дома не получали малайшей помощи. Со временемъ запрещено ресторарамъ отпускать провизію узникамъ, приходилось доставать ихъ контрабанднымъ способомъ изъ Градца посредствомъ солдатъ и конницированныхъ. Много въ этомъ дѣлѣ помогалъ г. Владиславъ Грабецъ, доставлявший намъ продукты и передававший намъ письма на почту, за что былъ арестованъ въ поспѣшности и долгое время оставался въ подследственномъ заключеніи.

Казенный столь состоялъ изъ пятой части военной хлѣбной пор-

ціи на весь день. Утромъ получали отварь изъ фасоли, въ полдень, такой же отварь изъ бураковъ, иногда соленую рѣпку и кусокъ селедки, вечеромъ чай и два куска сахара. Узники теряли физическая сила, начали болѣть цингой. Многіе, спасаясь отъ голодной смерти, занимались попрошайничествомъ. Во время раздачи обѣда передъ бараками интеллигенты собирались десятками крестьяне съ просьбой отступить свою порцію.

Многія семьи посыпали изъ Галичины своимъ роднымъ въ Талергофѣ посылки со сѣстинами присасами, которые по пути портились или же, что часто случалось, пропадали.

Принудительные работы.

Вначалѣ наряжали на работы исключительно интеллигентію, въ особенности духовенство. Со временемъ, однако, интеллигентію оставлено въ покой и назначено ей ордонансовъ. На работы гоняли теперь крестьянъ безъ всякаго вознагражденія. Со временемъ разрешили ихъ на рабочія дружини землекопіи, столяровъ, поваровъ, кучеровъ и т. п. и платили въ день по 20 геллеровъ, а начальникамъ дружинъ по 30 геллеровъ, а начальникамъ къ ужину выдавалась рабочимъ прибавка изъ куска хлѣба или рыбы, болыне же, которые не могли работать, были обречены на вѣрную смерть.

Въ 1916 г. была организована лагерная почта. Съ каждаго барака избрано одного разносчика писемъ, который со спискомъ жителей своего барака являлся ежедневно на сборный пунктъ всѣхъ лагерныхъ

почтальоновъ и получалъ корреспонденцію.

Ликвидация лагеря.

Въ мартѣ 1917 г. разошлась вѣсть, что настъ отпустятъ домой. Вначалѣ не вѣрилось. Когда однако въ наши руки попалъ императорскій реескрипт отъ 8 марта 1917 г., мы убѣдились, что желаніемъ Карла I было освободить всѣхъ интернированныхъ, ибо самъ фактъ интернированія являлся безправіемъ. Въ виду этого было поручено исполнительнымъ властямъ въ спѣшномъ порядкѣ разсмотрѣть всѣ дѣла заключенныхъ и разбрить ихъ на партіи. Началась лихорадочная работа, которая означенівалась окончательнымъ освобождениемъ интеллигентіи въ день 30 апреля 1917 г. Махъ 2 го и 3-го дня освобождено 800 крестьянъ, а остальныхъ опредѣли на поселеніе по группамъ. Въ первую вошли принудительно конфирмованные съ

правомъ выбора мѣста жительства; во вторую вошли конфирмованные съ правомъ жительства за предѣлами Галичини, а въ третью конфирмованные съ правомъ возвращенія въ Галичину. Затѣмъ подѣлили узниковъ на т. зв. „bemittel“ и „unbemittel“, то есть со средствами и безъ средствъ. Послѣдніе переселились на казенный счетъ, но отпускались на волю во вторую очередь.

Я попалъ въ первую категорію. Избравъ мѣстомъ жительства свой приходъ Угерцы, вернулся домой вмѣстѣ съ прихожаніемъ Іосифомъ Устяновскимъ 10-го мая. Дома засталъ я жену съ одною дочерью въ материальной нуждѣ. Остальные члены семьи бѣжали въ Россію. Весь живой и мертвый инвентарь разграблено въ мое отсутствіе, а зданіе, где помѣщалась читальня и кооперативъ уничтожено до основанія.

**Сообщеніе Вас. Поворозника
изъ с. Великия Березовиця, Тернопольскаго у.**

Путешествіе изъ Галичини въ Градецъ предполагалось въ пять сутокъ. За все время юды кормили трижды супомъ, а конвоировавшіе настъ львовскіе поліцейскіе издѣвались надъ нами неѣйтотными образомъ. Изъ Градца прослѣдовали въ Талергофъ, а затѣмъ обратно въ Градецъ для дознанія. Было настъ изъ Вел. Березовиця семь человѣкъ: Василь Поворозникъ, Николай Крупа, Петро Українецъ, Алексій Ге-

ремея, Іосифа Грабовскаго и Дмитрий Мушастаго въ Гміндѣ, а остальныхъ на італьянскій фронтъ, гдѣ находились подъ строжайшимъ надзоромъ. Петро Українецъ потерялъ на позиціи правую руку,

Петръ Керничный умеръ на военной службѣ въ Моравской Остравѣ, Дмитрий Мушастый умеръ въ Гміндѣ, а Николай Крупа умеръ дома. Остальные вернулись благополучно и живутъ до сихъ поръ.

Подъ карауломъ.

**Сообщеніе свящ. Ант. Бучко
изъ с. Ладаницы, Перемышлянскаго у.**

4-го сентября 1914 г. привезли въ Талергофъ 2000 зинковъ въ 92 вагонахъ. 13-го сентябрь переведено изъ нихъ въ военную тюрьму въ Градцѣ (K. i. K. Garnisonsarrest in Graz, Paulustorg. 15), гдѣ прожили мы поль года. Нѣсколько-кратно водили подъ конвоемъ въ военный судъ передъ сѣмимѣсячного чеха, который, услышавъ о нашемъ русскомъ происхождѣніи, бѣсился со злости, угрожая револьверомъ.

6-го марта 1915 г., изъ-за недостатка доказательствъ, пріостановлено слѣдствіе, а 22-го марта, въ день паденія Перемышля, освобождено менъ изъ тюрьмы ст. опредѣленіемъ на поселеніе въ стирійскомъ городѣ Гнасъ (старославян. Князъ), Фельдбахскаго уѣзда, въ 7 км. отъ изѣстнаго курорта Gleichenberg. Шестимѣсячное заключеніе въ сырьихъ казематахъ сильно подорвало

мое здоровье и надѣлило меня ревматизмомъ.

Въ Гнасѣ началось новое страданіе. Ежедневная явка въ жандармское управлѣніе, ограничение свободы передвиженія до 7 км. въ окружности и враждебное отношеніе мѣстныхъ жителей нѣмцевъ, дѣлали горькой эту свободу. Тоска по роднымъ, отсутствіе извѣстій изъ родины и недостатокъ занятій убивали нравственно заточенцевъ, которыхъ число росло со временемъ. Девятнадцать священниковъ и 23 штатскихъ обоего пола и разного возраста влекло тяжелую лямку въ непривѣтной чужбинѣ. Умерли здѣсь священники: Мих. Гандакъ изъ Берески, Миронъ Черлюнчакевичъ изъ Круженичъ и учитель: Гр. Задорожный изъ Джуриня, Іос. Кульматицкий изъ Яворова-Наконечне.

Жили въ Гнасѣ два года. Когда-же страданія галичанъ были выявлены изъ парламентской австрійской трибуны всему миру, тогда однихъ отпустили на свободу, а болѣе „опасныхъ“ по мнѣнию властей задержали на поселеніи.

Въ послѣдніхъ дняхъ юня 1917 г. мѣр разрѣшено, вмѣстѣ съ пок. о. Феодосіемъ Капко изъ

Демьянова перевѣхать изъ Гнаса въ Drahotuše на Моравіи. Среди чеховъ началась совершенно иная жизнь. Въ послѣдствіи прибыли къ намъ изъ Вѣны священники: Маркелъ Раставецкій изъ Громна, Іоаннъ Мацакъ изъ Гор. Липицы и Ник. Винницкій изъ Галича.

Когда въ Гнасѣ лат. настоятель прихода разрѣшилъ только одному изъ нашихъ священниковъ служить въ мѣстномъ костель св. литургію, адѣзъ въ Drahotuše, о. д-ръ Франтишъ Přikryl, извѣстный чешскій исторіографъ, весьма сочувственно относился къ нашимъ священникамъ, разрѣшивъ всѣмъ бѣзъ исключѣній служить обѣдно. Чехи откровенно оказывали свои симпатіи русскимъ галичанамъ.

Австрія отозвала Галичину и изгнаникамъ разрѣшено вернуться домой. Въ половинѣ сентября я вернулся въ свой приходъ въ Ладанахъ, а уже на слѣдующій день явился ко мнѣ жандармъ, арестовавший меня въ 1914 г. Съ любопытствомъ рассматривалъ мои документы не подозрѣвая, что черезъ годъ, Австрія — торъма народовъ, будетъ вычеркнута со списка державъ.

Сообщеніе г. Крыжановскаго изъ с. Небыловъ, Калушъ.

Въ четвергъ вечеромъ, 3-го сентября 1914 прѣѣхали мы въ Терезинъ въ сѣверную Чехію. Сейчасъ же заперто настѣ въ крѣпости, въ помѣщеніи кавалерійской казармы. За все время путешествія это было первый ночлегъ на соломѣ. На

Здѣсь я раздѣлся и посмотрѣлъ на свои плечи. Отъ побоевъ полученныхъ въ Краковѣ кожа приняла темно-синій цвѣтъ. Свидѣтелями сму: бухгалтеръ Иванъ Пашкевичъ и купецъ Владимиръ Дришичъ, оба львовяне.

Въ подень выдано котелки и объѣтъ, а послѣ послѣобѣденной прогулки и ужина заперто настѣ на ночь въ тѣхъ же казармахъ. Въ началь получали хлѣба достаточно, съ теченіемъ времени однако порции малѣли. Гулять разрѣшалось въ узкомъ внутреннемъ дворѣ. Въ дождливые дни сидѣли почти цѣлый день подъ ключомъ въ казармахъ. Такъ жили въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Случалось, что наши ключники, иди на базаръ за покупками для кухни и буфета, брали охотниковъ изъ среды узниковъ въ городъ. Вообще жизнь въ Терезинѣ была довольно сносной благодаря сочувству и материальной поддержкѣ чеховъ. Дисциплина постепенно падала, не запирали настѣ больше въ душныхъ кавалерійскихъ помѣщеніяхъ, разрѣшалось свободно входить въ казарменный дворъ и гулять тамъ подъ надзоромъ стражи.

5 го мая 1915 г. погрузили настѣ въ специальный поѣздъ въ чрезъ двое сутокъ привезли въ Талергофъ. Здѣсь объявлено мнѣ рѣшеніе стаційной комиссіи для интернированныхъ въ Градѣ, что останусь жить до конца войны въ Талергофѣ, а въ августѣ вмѣстѣ съ другими опредѣлили на весеннюю службу. Передъ отправлениемъ въ полкъ перевели меня въ 27-й баракъ подъ надзоръ украинофилъ д-ра Вл. Чи-

ровского, извѣстнаго нашимъ талергофцамъ своей ненавистью ко всему русскому, а также вымогательствами и вяточничествомъ отъ интернированныхъ, за что быть приговоренъ военнымъ судомъ къ 6-ти лѣтней каторгѣ.

Въ октябрѣ выѣхалъ мой отецъ изъ Талергофа въ Oberhollabanicum, а я отправился въ первыхъ дняхъ ноября на военную службу въ 33 полкъ ландверы въ Краковѣ. Не смотря на офицерскій чинъ, полученный мною еще въ 1906 году, и мой протестъ, меня опредѣлили въ полкъ на правахъ рядового, а заперли въ военномъ арестѣ, вмѣстѣ съ однимъ крестьяниномъ изъ долинскаго уѣзда, заподозрѣнными въ государственной измѣѣ и вмѣстѣ съ нѣкимъ Йосифомъ Гуменчукомъ изъ Дрогобыча. Въ старѣ назначено намъ ефрейтора Антона Циору, учителя изъ Роздола, жидачевскаго уѣзда.

22-е марта 1916 вызвали меня въ канцелярію и здѣсь адъютантъ прочелъ мнѣ въ присутствіи полковника Фрайсингера рѣшеніе министерства краевой обороны, на основаніи котораго менѣ разжаловали въ нижніе чины по причинѣ моихъ опасныхъ политическихъ убѣждений. Въ качествѣ ландштурмана служилъ затѣмъ въ 33, 91, 31 пѣхотныхъ полкахъ, въ послѣднѣмъ подъ командой доброго поручика Козака. Побывалъ на итальянскомъ фронѣ, въ бояхъ на горѣ подъ Monfalcone, а послѣ болѣзни служилъ въ качествѣ военного писаря въ Перемышль вплоть до ноября 1918 года.

Сообщение Ивана А. Васюты,
Волковцы, у. Сянин.

Въ послѣднюю ночь передъ отѣзгомъ изъ сююцкой тюрмы мы узнали что насть отвезутъ въ Грацъ. Однако, мы ошиблись въ нашихъ надеждахъ на лучшую жизнь, ибо проѣхавъ черезъ Грацъ, мы очутились въ Талергофѣ.

Быть мѣсяцъ ноябрь. Въ палатахъ царилъ морозъ, грязь, насекомья. Какъ позже оказалось, тамъ уже побывали до нашего при-

поля изъ каменныхъ, холодныхъ плитъ. Всегда раздѣваться на дворѣ, на снѣгу. Одежду забираютъ для дезинфекціи, настъ гонятъ въ гангры купаться, а послѣ купели опять на снѣгъ одѣваться.

Въ новыхъ баракахъ, въ которыхъ размѣстились послѣ бани, страшная скученность. Человѣкъ по 250—280 въ одномъ, ночью лежащимъ трудно повернуться.

Группа интернированныхъ интеллигентовъ.

ѣза тысячи людей. Палатки были назначены для карантинна. Купить нечего, голодъ донимаетъ и нельзя выйти на просторъ, ибо палатки окружены колючей проволокой.

Послѣ двухънедѣльного карантина отправляютъ насть въ весьма примитивную банию. По серединѣ котель съ полутеплой водой, рядомъ разставлены грязныя корыта,

Ежедневно пригоняли въ Талергофъ новыя партии, ежедневно ихъ раздѣвали на снѣгу, послѣдствіемъ чего были массовая заболѣванія заключенныхъ сыпнымъ тифомъ и другими болѣзнями. Эпидемія косила народъ десятками и сотнями. Въ одно время казалось, что весь лагерь вымретъ и одной живой души не останется.

Были между нами свои врачи, на пр. Влад. Могильницкій изъ Бучача и д-ръ Войтовичъ изъ Перемышля. Они работали сверхъ своихъ силъ, однако результаты были незначительны. Нехватало лѣкарствъ, инструментовъ и средствъ.

Эпидемія между тѣмъ распространялась съ ужасающей скоростью. Какъ я уже выше упомянулъ, въ баракахъ находилось по 250—280 человѣкъ, а были бараки съ нарами въ три этажа, которые вмѣщали по 500 человѣкъ. Болѣли буквально всѣ. Вначалѣ такъ большой чувствовалъ себя весьма несчастнымъ и одинокимъ. Когда же позже большой тифомъ видѣть, что соѣдъ его справа не живеть, слѣва договарять, сверху стягиваютъ покойника а въ коридорѣ лежитъ вмѣстѣ и рядомъ нѣсколько человѣкъ и бредить въ тифозномъ жару, тогда дѣялся постепенно равнодушіемъ къ своей болѣзни и къ окружающей его средѣ. Сегодня тебя тащатъ на кладбище, завтра меня, и такъ продолжалось безъ конца. Поднявшись утромъ съ постели, мы первымъ дѣломъ замѣчали на улицѣ передъ бараками покойниковъ въ разныхъ позиціяхъ — голыхъ, въ лохмотьяхъ. Одни лежали подъ павѣсами крыши, другіе прямо въ грязи, а подъ часовенкой, къ полуночно, набиралось ежедневно 30—40—50 гробовъ съ покойниками.

Эпидемія унесла въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ до трехъ тысячъ жертвъ. Всѣ они скончены подъ „соснами“.

Въ другой половинѣ лѣта производился рекрутскій наборъ. Всѣхъ до 50 лѣтнаго возраста взяли на военную службу. Молодыхъ сейчасъ же погнали на позиціи, кто постарше, тѣхъ отправили въ начальство. Настало именно время когда австрійскіе вожди почувствовали недостатокъ въ пушечномъ мясѣ. Тутъ уже не разбирали, благона дежный ли человѣкъ или же политически заподозрѣнныи, всѣ мало мацкіи вѣнчаные здоровые оказывались подходящими солдатами.

И меня опредѣлили въ началѣ марта 1916 на военную службу. Не стану скрывать, не понравился мнѣ этотъ сюрпризъ, однако съ другой стороны, почувствовавъ удовольствіе, что вырвусь изъ грязной кѣтки на свѣтлый воздухъ, на Божій свѣтъ. Недолго радовалась я свободѣ, ибо на третій день Пасхи меня опять арестовали, благодаря мазепинцу экстѣ-жандарму Добрянскому - Демковичу, вертѣвшемуся между нами въ полку. Именно онъ обвинилъ насть четырехъ въ государственной измѣнѣ, послѣдствіемъ чего мы очутились въ военной тюрмѣ въ Грацѣ. После предварительного слѣдствія, продолжавшагося, въ общемъ, два мѣсяца, получила я и мой товарищъ Йосифъ Кебузъ изъ с. Пикиличъ, Перемышльскаго уѣзда, по 15 мѣсяцевъ, а студентъ М. Гукъ изъ Львова 18 мѣсяцевъ. Судъ опредѣлилъ намъ въ защитники украинофилъ д-ра Чировскаго, который однако своими разъясненіями суду относительно опасности для государства "русско-фильтскаго" движенія больше защищалъ свидѣтеля, то есть упомянутаго экстѣ-жандарма, а намъ тѣмъ самымъ сослужилъ медѣжъ услугу. Конечно мы обжаловали при-

говорь, но безъ пользы и безъ результата.

По истечениі двухъ мѣсяцевъ осматривалъ тюрему генераль, по национальности изъ южныхъ славянъ. Всѣхъ арестантовъ уставили въ двѣ шеренги, а генераль обращается къ намъ съ вопросомъ, нѣтъ ли у кого какой-нибудь просьбы или жалобы. Тутъ мнѣ вспомнилась исторія французскаго капитана Дрейфуса приговореннаго

Группа крестьянъ.

иъ свое время за государственную измѣну къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ, какъ онъ послѣ двухъ-лѣтнаго заключенія исходилъ тайствованіемъ ревизію приговора и былъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго наказанія. Захотѣло и мнѣ попробовать счастья и я, скрѣпя сердце, выступилъ впередъ. Изложивъ свою жалобу и безупречную клевету со стороны доносчика, послужившую причиной незаслу-

геннаго наказанія, я просилъ генерала о пересмотрѣ моего и товарищѣ дѣла.

Не знаю, тронуло ли генерала наше несчастье или дѣйствительно онъ пожелалъ, чтобы правда восторжествовала, а быть можетъ, зналъ кое-что о массовыхъ ссылкахъ галичанъ въ глубь Австріи — онъ пообщалъ намъ заняться ближе нашей судьбы. Въ непродолжительномъ времени послѣ его отъ-

препирательствѣ относительно существованія въ Галичинѣ русскихъ просвѣтительныхъ институтій и обществъ по окончаніи войны. Мы, конечно, отстаивали свою позицію, а доносчику хотѣлось видѣть въ Галичинѣ монопольную мазепу, потому не постыдился оклеветать насъ передъ военными властями.

Воспоминанія Ю. Н. Кисѣлевскаго изъ Коломыи.

Мы прѣѣхали въ Талергофъ уже послѣ эпидеміи синаго тифа и тутъ были размѣщены въ выбѣленыхъ извѣстъ баракахъ. Зная, что въ этихъ баракахъ до нашего прїзыва жили тифозные, и боясь заразиться въ помѣщеніи, мы все время пребывали во дворѣ, благо хорошая и теплая погода этому благоприятствовала.

Въ то время были уже устроены изъ службы лютѣйшѣ начальники и разнаго рода команданты въ родѣ Чировскихъ и замѣнены людьми интеллигентными и болѣе гуманными. Н. пр. одну изъ комендантскихъ должностей въ лагерѣ исполнялъ тогда оберлейтенантъ д-ръ Осташевскій, затѣмъ лейтенантъ Яксульскій. Упомянутые офицеры, въ виду ихъ хорошаго обращенія съ арестованнными, были скоро отрѣшены отъ должности и отправлены въ дѣйствующую армію.

Низшая охрана всегда позволяла себѣ издѣвателскіе, нечеловѣческіе выходки по отношенію къ арестованнѣмъ, въ особенности къ крестьянамъ, вслѣдствіе чего интерни-

рованные прилагали всѣхъ усилий чтобы попасть въ наряды на работы вънѣ лагеря, даже болѣе состоятельный изъ интернированныхъ просто откупались у стражниковъ отъ безчинствъ и надоѣдливыхъ, а иногда совершили невыносимыхъ преслѣдований. Упросилъ и я унтер-офиц. Сеница (словенца) нарядить меня на полевыя работы въ сосѣднемъ графскомъ замкѣ.

Въ замкѣ познакомился я съ командантомъ Eigenwirtschafts-а оберлейтенантомъ Калиною (чехомъ), который впослѣдствіи сдѣлалъ меня старшимъ дружины.

Теперь моя жизнь потекла болѣе разнообразно. Ежедневныи экскурсіи изъ лагеря въ замокъ должны были укрѣпить мое здоровье, сильно пошатнувшееся еще въ Тerezинской крѣпости. Въ замкѣ перевозилъ я землю, садиль и окалывалъ капусту. Когда же лагерный плацъ командантъ Уйскій (изъ интернированныхъ поляковъ), за взятки и вымогательства, былъ отстраненъ отъ должности, я согласился на усиленныи просьбы моихъ знакомыхъ и сотоваціей замѣ-

нить уступившего и быть назначать на его место.

Моимъ новымъ положениемъ въ средѣ лагерного населения пользовались главнымъ образомъ духовенство и мірская интеллигентія, желавшія подыщать свѣжимъ воздухомъ. Подъ предлогомъ полевыхъ работъ въ рабочій дружинѣ нарижалась, при соблюденіи извѣстной очереди, интеллигентія. Въ замкѣ былъ хороший паркъ и небольшой лѣсокъ.

Сносились постоянно по долгому службѣ съ главной канцеляріей, было я посыпанѣе въ нѣкоторые администраціи, секреты по управлению арестованнымъ.

Талергофскій лагерь состояль изъ трехъ отдѣльныхъ дворовъ, по 10 бараковъ, съ кухнями и другими постройками. Въ каждомъ баракѣ находилось до 140 человѣкъ.

Все это были люди, противъ которыхъ уголовное слѣдствіе было уже пр旤остановлено. Каждымъ баракомъ управлялъ "циммеркомандантъ", получавшій для своихъ людей пропитаніе, одежду, отвѣчавшій за порядокъ и т. п.

Наша улица длиною въ одинъ километръ проходила черезъ всѣ три двора и упиралась въ рядъ бараковъ, где помѣщались интернированные, находившіеся еще подъ слѣдствіемъ. Затѣмъ стоялъ баракъ съ отдѣльными камерами для пронинившихся и осужденныхъ въ административномъ порядке лагерекомандантомъ. Дальше слѣдовали лазареты, изоляторъ для инфекционныхъ больныхъ, прачечныя, кухни, конторы, карантинные бараки, бани, дезинфекціонный баракъ, а ря-

домъ съ ними православная часовенка.

Рядомъ съ часовенкой стояла небольшая постройка, помѣщеніе православнаго священника, жившаго въ ней, однако, офицеръ, ведшій реестръ покойниковъ.

Отсюда вѣль путь на кладбище "подъ соснами". Дополненіемъ талергофской картины служили двѣ мертвѣцкіи, одна рядомъ съ лазаретами, а другая въ концѣ лагера, рядомъ съ арестантскими бараками, обѣ съ лаконическими и каждому изъ настѣ вѣсмы понятными надписями: "Mein letztes Heim" (моя послѣдняя обитель).

На границѣ 1-го и 2-го дворовъ была построена высокая электрическая водкачка, а въ двухъ противоположныхъ концахъ лагера два бассейна, устроенные на случай пожара, откуда застоявшаяся вода заражала воздухъ въ цѣломъ лагерѣ.

Лагерь былъ обведенъ высокимъ заборомъ и колючей проволокой, дальше за проволокой съ вѣтшней стороны караулили сторожевые посты.

Свободные участки внутри лагеря были засажены овоющими, которыми впослѣдствіи настѣ кормили. Въ баракахъ № 1 жили русские военнопленные, занятые въ Талергофѣ въ качествѣ плотниковъ, пекарей, кузнецовъ и др. Лагерные магазины, пекарни, прачечныя, конторы и казармы для помѣщенній караульной команды, находились въ оградѣ.

Между интернированными находились цѣлыя семьи съ дѣтьми школьнаго и дошкольнаго возраста.

Для нихъ вмѣстѣ съ ихъ матерями былъ отведенъ баракъ № 2 и была приѣлена одна сестра милосердія для ухода за маленькими арестантами.

Для семейной, но бездѣтной интеллигентіи, былъ отведенъ баракъ № 30, съ отдѣльными комнатами и перегородками, а рядомъ съ часовенкой построено нѣчто въ родѣ ресторанчика, предназначеннаго для располагавшихъ материальными средствами. Собственно говоря въ этой лавочонкѣ кроме кукурузнаго хлѣба, молока, табаку и колбасы вѣсма сомнительного качества, нечего больше было купить.

У входа въ лагерь стояла винтовочная постройка, отличающаяся размѣрами отъ остальныхъ талергофскихъ бараковъ. Это было лагерное управление съ цѣлью штатомъ полицейскихъ и военныхъ чиновъ, тутъ же помѣщалась почта.

Свиданія постороннихъ посѣтителей съ интернированными происходили въ жандармскомъ управлении, всегда по особому разрешенію коменданта лагеря, полковника Штадлера, и всегда про должались не болѣе 10 минутъ.

Всѣ посылки въ лагерь и изъ лагеря тщательно проверялись стражей, корреспонденція тщательно цензурировалась по сколько вообще не считалась запретной или же не задерживалась на талергофской почтѣ по усмотрѣнію чиновника. Случалось, что посѣтители лагеря недѣлями ожидали въ Градецѣ разрешенія полковника на свиданіе съ интернированнымъ въ Талергофѣ.

Въ жандармскомъ управлениі въ Талергофѣ были заняты большей частью чиновники полкіи изъ Галичини, авиденцію-брю-мъ вѣдалъ оберлейтенантъ Бехтлеѣ, онѣмѣцъ, родомъ изъ Городка Ягайлонскаго, судебными дѣлами вѣдалъ оберлейтенантъ д-ръ Герцъ, евреѣ, человѣкъ совершенно безпристрастный, а почтой завѣдывалъ оберлейтенантъ д-ръ Винтеръ. Изъ низшихъ конторскихъ служащихъ помимо капитановъ: итальянъ Мерка, онѣмѣченаго чеха Гариха, и коломышскаго еврея Маера Ляхса, бывшаго у насъ посредникомъ между талергофскимъ лагеремъ и вѣнѣшимъ міромъ. Ляхсъ перевозилъ неофициально въ Градецѣ наши записи знакомымъ и роднымъ и исполнялъ иныхъ мелкихъ въ сущности, однако настѣ вѣсмы важнія порученія.

Наицѣній властію въ лагерь былъ полковникъ, а его ближайшимъ органомъ являлось авиденцій-бюро съ различными секциями и многочисленными штатами служащихъ. Отдѣльные дворы въ лагерѣ имѣли кроме того своихъ комендантівъ, австрійскихъ офицеровъ, съ нѣсколькими унтерами и тѣ непосредственно сносились съ нами. Однимъ изъ такихъ комендантівъ былъ офицеръ д-ръ Чировскій, ма-зепинецъ.

Была тутъ своя санитарная комиссія, состоявшая изъ полкового врача, двухъ замѣстителей, а въ качествѣ четвертаго члена этой комиссіи былъ допущенъ интернированный д-ръ Могильницкій изъ Бучача. На услугахъ санитарной комиссіи была цѣлая партія могиль-

щиковъ, набранныхъ изъ среды интернированныхъ.

Кладбище находилось на Flugfeld въ подъ „соснами“, гдѣ хоронились всѣ въ заранѣе заготовленныхъ глубокихъ и длинныхъ могилахъ и засыпались пескомъ и гравиемъ (мелкими камешками). Хоронились покойники часто въ одной рубашкѣ. Въ послѣднемъ году существованія талергофскаго лагеря разрѣшалось хоронить покойниковъ въ сопровожденіи священника и интернированныхъ, однако не больше 200 человѣкъ по специальному разрѣшенію, и съ предложениемъ именного списка. У изголовья каждого покойника помѣщалась табличка, прибитая на колышекъ, съ надписью, указывавшей фамилию покойника. Къ моменту упраздненія лагеря номера табличекъ дошли до 2.000 (двухъ тысячъ). Разрешалось ставить на могилахъ кресты, и талергофское кладбище покрылось триграммными крестами. Узнавъ случайно объ этомъ явленіи, пресловутый д-ръ Чировскій исходилъ въ высшихъ властей разрѣшеніе обрѣзать рамена крестовъ, что затѣмъ и было продѣлано по его приказанію.

Получивъ назначеніе въ плацконтроленты, я постарался первымъ долгомъ облегчить хоть немногого и улучшить до нѣкоторой степени долю заточниковъ. Предостерегаль интернированныхъ о поступающихъ на нихъ въ лагерь управлѣніе доносахъ отъ тайныхъ агентовъ, находившихся въ лагерь, а принимая участіе при всякомъ рода раскладываніяхъ въ качествѣ уже должностнаго лица и главнаго перевод-

чика, я прилагалъ всѣ усилия, чтобы таковы кончались хорошимъ исходомъ для подсудимыхъ интернированныхъ.

Многихъ изъ интернированныхъ я предупреждалъ о надвигающейся опасности и такимъ образомъ давать имъ возможность подготовиться надлежащимъ образомъ къ защищѣ. Минъ это удавалось потому, что упомянутый итальянецъ Мерье сообщалъ мнѣ обо всемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ я лично имѣлъ возможность взглянуть въ канцелярскіи книги и документы. Во время моего плацконтролентства прекратилась постоянная перекочевка интернированныхъ изъ барака въ баракъ, о всякаго рода злоупотребленіяхъ низшей администраціи я докладывалъ высшему начальству и виновные наказывались. Также прекратились злоупотребленія съ выдачею почтовыхъ посылокъ, какъ писемъ такъ и продовольственныхъ посылокъ, вслѣдствіе установленія контролеровъ изъ среды интернированныхъ, которые всегда присутствовали при приемѣ почты. Письма и иная посылка теперь правильно доходили до рукъ интернированныхъ. Имѣя доступъ во всѣ углы талергофскаго лагеря я имѣлъ возможность быть неофициальнымъ передаточнымъ органомъ разныхъ записокъ и т. п. для интернированныхъ.

Тяжела была доля интернированныхъ крестьянъ. Не имѣя гроша при душѣ, не получая ничего изъ дома, и не имѣя посторонняго заработка, они занимались выдѣлкой табакерокъ, крестиковъ и т. п. вещичекъ и продавали ихъ

среди талергофцевъ. Знавшіе сапожное ремесло были определены въ лагерную мастерскую, гдѣ выдѣлывались соломенные валенки и обувь съ деревянными подошвами. Такая обувь поступала въ казну, кажется для нуждъ арміи.

Пища въ Талергофѣ была плоха, а сильно ухудшилась качествен-

является опаснымъ пропагаторомъ православія и царскій среди интернированныхъ. Однако высшее начальство оказалось болѣе благороднымъ и не сочло нужнымъ закрывать молитвенный домъ, служившій для суетъ арестованныхъ единственнымъ утѣшениемъ и облегченіемъ въ тяжелыхъ условіяхъ

Боепригодные русские солдаты, въ баракѣ № 1 Талергофскаго лагеря.

и количественно въ послѣднемъ году. Въ то время несостоятельные заточники оспѣвали заболѣвать, на этотъ разъ уже желудочными болѣзнями и осложненіями.

Въ то времѧ мы выхлопотали также разрѣшеніе на устройство школы для дѣтей арестованыхъ и на постройку православной часовни, о которой я уже упоминалъ въ началѣ. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить, что д-ръ Чировскій не оставилъ въ покое и православного храма, донося полковнику, что часовенка

талергофскаго заточенія. Самъ д-ръ Чировскій былъ затѣмъ арестованъ и приговоренъ къ нѣсколькимъ годамъ тюремы за нѣкоторыя свои темные проѣдѣлки.

Въ заключеніе скажу, что уже въ послѣднее времѧ организовался въ лагерь маленький струнный оркестръ, въ составъ котораго входили священники: Генсіорскій и Скобельскій, д-ръ Гриневецкій и другіе. Концерты оркестра, устраиваемые въ третьемъ дворѣ, собирали множество народа, самоноян-

но арестантовъ; такимъ образомъ тонкую и печальную арестантскую интернированные старались вносить жизнь.
Нѣкоторое разнообразіе въ моно-

Ю. Н. Кислееевскій.

ФЕОФИЛЪ ВАСИЛЪ КУРИЛО:

Дневникъ лемка изъ Талергофа

(съ 14-го сентября 1914 г. по 22-е августа 1915 г.)

Сентябрь 1914 года.

14 сент. понедѣльникъ. — Въ 8 ч. вечера выѣзжаетъ первый транспортъ русскихъ лемковъ изъ Горлицкой тюрьмы, при уѣздномъ судѣ въ Горлицахъ.

Тюремная власти, во главѣ со Скальчинскимъ, собрали настѣ на тюремной площади, прошли списокъ всѣхъ настѣ и, произведши ревизію вещей, приказали строиться въ ряды, по четырѣ; а отправившись вмѣстѣ съ этими вещами на вокзалъ. Держа вещи въ рукахъ, мы шли, не зная куда, и даже не смѣя спросить, куда настѣ направляются.

При нашемъ выходѣ изъ тюремнаго помѣщенія собралась толпа мѣстныхъ жителей, которая отоспилась къ намъ, почему-то враждебно и ругала настѣ. На эту ругань мы не реагировали, а молча прошли свой путь.

Сопровождаеть настѣ нѣсколько жандармовъ.

На вокзалѣ размѣщаются настѣ въ товарныхъ вагонахъ числомъ больше сорока человѣкъ въ одному вагону. На вагонахъ жандармы мѣломъ начертали надписи: "ѣдутъ москалофилы измѣнники".

15 сент. — Поѣздъ трогается съ мѣста и затѣмъ дѣлаетъ остановку на каждой станціи. Почти на каждой станціи встрѣчаетъ настѣ мѣстное населеніе и ругаетъ настѣ.

Нѣкакая старая женщина, держа въ руки молитвеникъ и четки, говоритъ своей соседкѣ: "слушай Маша, я такъ чувствительна, курицы сама не зарѣжу, но того пона, что находятся въ вагонѣ, я рѣзала бы по кусочкамъ". Кто-то сталь бросать въ настѣ пескомъ и бумагой. Увидѣвъ это, жандармы закрыли двери вагона, и поѣздъ тронулся съ мѣста.

Прибываемъ въ г. Живецъ, также самая картина. Едимъ собственныя припасы, купленные въ Горлицахъ, но экономлю, ибо не знаемъ, какъ долго придется намъ Ѳхать.

16 сент. — Пробѣжаемъ черезъ Венгрию. Жара нестерпимая! Въ закрытомъ вагонѣ страшно душно, ибо настѣ не мѣмъ много, а открывть вагонъ запрещено. Нѣкоторые изъ настѣ лежатъ на полу почти безъ чувствъ.

Вспомнивъ, что у меня въ вецахъ находится вода для полоскания зубовъ, вынимая ее, самъююю и даю понюхать о. Дуркоту

изъ Їѣдни. Это настѣ нѣсколько осѣкаетъ. Лишь только жандармъ открылъ дверь вагона на нѣсколько минутъ, мы съ жадностью силимся хватать полной грудью свѣжій воздухъ. Лица наши красны, а глаза отъ духоты выличены на верхъ.

17 сент., четвергъ. — Какъ только поѣздъ останавливается на какой нибудь станціи, сейчасъ жандармы освѣдомляютъ мѣстныхъ жителей, кого они везутъ. Жандармы открываютъ двери вагоновъ, толпа мѣстныхъ жителей уже поджидаетъ настѣ, ругаетъ и даже требуетъ выдачи настѣ, дабы растерзать настѣ.

Кто-то изъ толпы скажетъ, что среди настѣ находятся профессоръ русского университета, я на это лживое заявленіе улыбнулся, за что толпа стала бросать въ меня камнями. Еслибы жандармы не успѣли сейчасъ закрыть дверь вагона, то толпа могла бы и убить меня. На слѣдующей станціи толпа категорически требовала выдачи настѣ для самосуда. Мы молчимъ и попрятавшись вглубь вагона, съ трепетомъ ожидаемъ неизѣбѣнной смерти, но къ нашему счастью поѣздъ трогается и жандармы закрываютъ двери.

18 сент. пятница. — Въ 10 часовъ ночи прибываемъ въ г. Грацъ, въ Стиріи, послѣ въ Абтисендорфѣ и Карлгофѣ.

На вокзалѣ встрѣчаетъ настѣ солдатъ изъ Талергофскаго лагеря. Построивъ настѣ въ ряды, по четырѣ, приказали намъ ити за собою. При свѣтѣ факеловъ идемъ пѣшкомъ въ лагерь подъ ударами прикладомъ и сапогами въ спину и кулачкамиъ.

идущій рядомъ со мною юристъ Дмитрій Качоръ изъ Водаковъ получилъ сильный ударъ прикладомъ въ спину, стиснувъ зубы, идетъ дальше, но отъ сильной боли навернулись слезы на глаза. Наши транспорты раздѣляются по полевымъ шатрамъ ("цельтамъ"), где по сторонамъ и по серединѣ находится нѣсколько сноповъ соломы. Спать можно тамъ только сидя, опираясь спиной о снопъ соломы.

Нѣкоторыи изъ настѣ, сильно утомленные, засыпаютъ въ такомъ неудобномъ положеніи. На поданное нами прошеніе намъ разрѣшено было выходить за надобностью изъ шатра въ сопровождѣніи солдатъ, но только на весьма короткое время, — больше одной минуты нельзѧ было употребить на естественную надобность подъ угрозой удара прикладомъ или даже штыкомъ. Разрѣшеніе это было выдано только нѣкоторымъ изъ настѣ, и то черезъ каждые 2 часа разрѣшалось обращаться съ просьбой о выходѣ за надобностью не больше, нѣмъ 4 лицамъ.

Съ момента выѣзда изъ Горлицъ не получали мы теплой пищи. Уничтожаемъ остатки привезенныхъ изъ Горлицъ сѣстныхъ припасовъ.

19 сент. суббота. — Есть не даютъ. Если у кого изъ настѣ имѣется немногій хлѣбъ, тотъ дѣлится имъ съ другими. Сѣстныхъ припасовъ нигдѣ нельзя достать.

Лагерь нашъ состоится всего изъ 10 мѣнищыхъ шатровъ и одного большого и разбить на значительной песчаной равнинѣ. Наши транспорты, кажется, быть вторымъ,

такъ какъ часть шатровъ была занята какими-то людьми. Пости были заняты исключительно нѣцами, говорящими простонародными нарѣчіемъ. Стирий и Вѣны, такъ что и интеллигентные люди съ трудомъ ихъ понимали, а простой русский людъ, который говорить только лемковскимъ нарѣчіемъ и подавно не въ состояніи понимать ихъ. Вслѣдствіе этого происходила частыя недоразумѣнія, кончающіяся большей частью руганью и побоями со стороны надзирателей.

20 сент., воскресенье. — Въ тотъ же день вечеромъ надзиратель нашего поста перевѣзъ настѣ въ большой шатеръ. Въ этомъ шатрѣ нѣть ни дверей, ни соломы; пришлось спать на сырой землѣ, вслѣдствіе чего мы прогодили потъ холода. Ванька Михайловичъ Вербицкій сшилъ изъ полотенца мышокъ для своихъ вещей.

Испытываемъ голодъ.

21 сент. Въ шатрѣ встрѣчаю Стефана Тыминскаго, старого своего знакомаго, съ которымъ жилъ на квартире у Брониславы и Феодоры Кржиштофовской въ гор. Ясль. Въ 10 ч. утра получаемъ впервые хлѣбъ и въ 5 ч. вечера полуленѣцкихъ.

22 сент. — Первый завѣтра. Визитъ врача. Получаемъ лекарства и незначительное количество соломы, которую раздѣлили между настѣ коменданты шатра (циммермандинцы).

Дождь. Шатры наши протекаютъ. Спать приходится на мокрой землѣ. Нѣкоторые изъ настѣ вырѣзываютъ изъ дерева ложки, другіе играютъ въ самодѣльные деревян-

ные шахматы или же въ карты, а иные читаютъ книги, которыя случайно захватили съ собой. Врачъ осматриваетъ глаза интернированныхъ. На обѣдѣ даютъ бульонъ съ рисомъ.

23 сент. — Пишу домой во Флоринку открытое письмо, а ма лограмотнымъ товарищамъ написалъ ихъ штуку десять.

Для осмотра прибылъ нашъ врачъ д-ръ Цѣханскій изъ Крыницы. Въ 10½ ч. утра получаемъ хлѣбъ, а въ 3 ч. днія обѣдѣ. Покупаемъ плѣмъ, рубахи и пр. Новый визитъ врача. Спать пришлось въ платьѣ, прикрываясь шинелью.

24 сент. — Ванька Вербицкій брѣлъ меня. Покупаю молока за 9 геллеровъ, а булокъ за 12 и кружку для питья. Для интернированныхъ устраивали кухню. Я простился и схватилъ жестокій насморкъ. Знакомство съ О. Фольварковымъ.

25 сент. — Свѧт. о. Сеникъ, членъ львовскаго сейма, и Стеранка подаютъ жалобу властямъ лагеря, описывая наше обществоное положеніе, жалуясь на то, что отъ голода и негигиеническихъ условій жизни въ лагерѣ умерло уже 9 человѣкъ интернированныхъ.

Сегодня довольно хороший день. Женщины переводятъ въ деревянный баракъ. Я гляжу въ своесть плаща. Укладываютъ хлѣбъ въ ряды для раздѣла его между интернированныхъ большого шатра. Ложусь спать въ 6 ч. вечера. Ночью у о. Хомицкаго было кровотечение изъ носа. Въ шатрѣ ночью холода не выносимы. Кому холода не даетъ спать, тотъ гуляетъ по шатру.

26 сент., суббота. — Въ 9½ ч. утра солдаты привязали (т. е. сдѣ-

лали т. наз. „anbinden“) одного русскаго къ столбу на 1¼ часа за то, что укралъ своему товарищу сорочку. Наказанный нѣсколько разъ терялъ сознаніе, а изъ промежностей между пальцами югъ его показалась кровь. Стирика бѣлья производится у настѣ, конечно, безъ мыла.

Результатомъ этого молебна было новое распределеніе настѣ по всѣмъ шатрамъ. Случалось и такъ, что отдѣляли дѣтей отъ родителей, брата отъ брата. Я попалъ въ шатеръ № 15. По этому поводу во дворилось у настѣ сумрачное и угнетенное настроеніе.

Группа австрійскихъ офицеровъ по управлению лагеря.

Встрѣчаю здѣсь моего вѣнскаго товарища Феодосія Перчинскаго, который заказалъ черезъ надзирателя мыло. Укрывши хлѣбъ тоже получилъ наказаніе „anbinden“.

И этой ночью невыносимый холодъ.

27 сент., воскресенье. — Хорошій день. Молебень Божій Матери въ большомъ шатрѣ. Литургія служить нѣльзя было, такъ какъ не было ни алтаря, ни соудовъ, ни ризы, ни даже богослужебныхъ книгъ. Пѣли всѣ, но многіе плакали и не могли больше пѣть.

28 сент., понедѣльникъ. — Но вая мойка бѣлья, ибо уже начинаютъ появляться паразиты и то большихъ размѣровъ. Пиль молоко сильно разбавленное водой, причемъ количество этого купленного мною черезъ надзирателя молока было назначительно, а цѣна изрядная.

Встрѣчаю Маркуса, члена русскаго студенческаго Общества „Буковина“ въ Вѣнѣ.

29 сент., вторникъ. — Шесть человѣкъ интернированныхъ умерло утромъ. Солдаты, посыпавъ ихъ негашеной известью, вынесли и закопали, не позволяя, не только что служить панихиду при ихъ гробѣ,

но даже сопровождать тѣла умершихъ изъ родственникамъ.

Подверглись наказанию „anbinden“ еще 5 человѣкъ.

Сильный, холодный и пронизывающій вѣтеръ. Пишу малограмотнымъ крестьянамъ открытая письма домой.

30 сент., среда. — Опять хорошая погода.

Вновь подверглись наказанию „anbinden“ 2 человѣкъ.

Опять закопали солдатъ 2 умершихъ, изъ которыхъ одинъ былъ православный.

Переводить настъ въ большой центральный шатерь, ибо военно-пленныхъ русскихъ перевезли въ другое мѣсто.

Скончался благочинный о. Кушниръ.

Октябрь 1914 г.

1 окт. — Меня избрали комендантомъ шатера.

Кромѣ другихъ обязанностей я имѣю право дѣлить пищу среди заключенныхъ и платить и бѣлье, если таковыя присылаются въ шатерь властямъ лагеря. Но увы, несмотря на то, что многие изъ настъ ходятъ въ лохмотьяхъ и не имѣютъ средствъ покупать при посредствѣ властей лагеря необходимое пласти (платить приходится за одно и тоже по нѣсколько разъ), ни бѣлья, ни одежды ни разу власты не выдали бѣднѣйшимъ изъ настъ.

Ночью холодно, чтобы согрѣться, варимъ тайкомъ чай и попиваемъ его.

2 окт. — Опять хорошая погода. Раарѣшено гулять между шатрами и похоронить 4 умершихъ,

въ ихъ числѣ одного студента, съ участіемъ хора. Вечеромъ даютъ намъ кофе.

3 окт., суббота — Хороший день. Идемъ гулять между шатрами. Капитанъ осматриваетъ лагерь. Похороны баумайстра.

Встрѣчаю о. Стефана Константина и Григорія Пирога. Получаемъ кофе.

Пригласили намъ жестяные котлы для супа (шалки). Дѣлаемъ списокъ людей другого шатра.

4 окт., воскресенье. — День ангела императора Франца Йосифа I. Въ отстояніи какихъ-нибудь 100 шаговъ отъ нашихъ шатровъ строятъ 2 деревянныхъ барака въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

На плацу между этими деревянными бараками состоялась полевая обѣдня, на которой присутствуютъ представители всѣхъ шатровъ и бараковъ. Обѣдъ совершился почтенный старикъ о. Долинскій, соборнѣй съ оо. членами сейма, Сенаторомъ и Метелловъ Хоръ, состоявшій изъ регентовъ, хорошихъ пѣвцовъ и студентовъ университета, числомъ до 150 человѣкъ, поеть великолѣпно.

Присутствующіе австрійскіе офицеры изумлены и приходятъ въ восторгъ.

Изъ нашего шатра присутствуетъ о. Сприсстъ и я.

Визитъ врача. Вечеромъ многие изъ нашего шатра кашляютъ.

5 окт., понедѣльникъ — Хорошая погода. Кашель меня мѣнѣй мучить, желудокъ не въ порядкѣ, получилъ рвоту.

Къ намъ все прибываютъ военные интернированные. Число обита-

телей нашего шатра достигаетъ уже 300 человѣкъ.

6 окт., вторникъ. — Ночь ходная, спать нельзя. Несогласія между главнымъ комендантомъ шатра о. Сприссомъ, а целькомендантомъ: Севериномъ Гайдашевскимъ, єофиломъ Ляшемъ и гимназистомъ Тюкомъ. О. Сприсстъ требовалъ по отношению къ подчиненнымъ и смиренъ по отношению къ высокимъ. Владѣй въ совершенствѣ немецкимъ языкомъ єсть многіи помогъ въ бѣдѣ, умѣя своевременно замолвить словечко у властей.

Въ разстояніи какихъ-нибудь

100 шаговъ отъ нашего шатра устроена купальня, состоящая изъ 2 маленькихъ комнатъ, могущихъ помѣстить человѣкъ 20. Въ каждой комнатѣ есть бассейнъ деревянный съ горячей водой. Насъ дѣлятъ на партии не больше 30 человѣкъ, и каждую партию приводятъ къ купальнѣ каждые $\frac{1}{4}$ часа. Первая партия, прибывъ на мѣсто, выстроилась въ рядъ и по командѣ тутъ на дворѣ передъ купальней раздѣвалась и голая вошла въ купальню, гдѣ стала мыться горячей водой. Но за то вторая и слѣдующія прибывали значительно раньше, до выхода купающейся партии, несмотря на это солдаты немедля по ихъ прибытии къ купальнѣ прикальвали на дворѣ раздѣваться, и интернированные голые стояли въ строю, ожидая своей очереди иногда и полчаса. Шелъ мелкій снѣгъ, обсыпая ихъ тѣла и одежду, лежащую у ихъ ногъ. Только когда партия предыдущая выкупалась и выходила, да бы на холоду одѣть промерзлую одежду, эти смершаѣ люди шли въ

купально мыться. Такое купанье явилось разсадникомъ болѣзней, тифа, воспаленія легкихъ и т. п.

Идемъ въ деревянный баракъ № 2. О. Сприсстъ, вмѣстѣ со своимъ дѣлкомъ Скобликомъ и мальчикомъ, идетъ купаться. Баракъ № 2 настроенъ враждебно по отношенію къ О. Сприссу потому главнымъ комендантомъ барака выбиралась Гайдашевский. Безпорядки при раздѣлѣ пищи. Возстановливается порядокъ, главный поваръ („zwei und zwei“), штыкомъ наказываетъ троихъ.

Въ баракѣ № 2 пробылъ я только одну недѣлю.

Производятъ дезинфекцію настъ и нашихъ вещей, кажется жидкимъ формалиномъ.

Какой-то священникъ держитъ проповѣдь.

Мы, лемки, сплачиваемся. 8 окт. — Холодный день. Гуляю съ Качоромъ. Похороны крестьянина. Купилъ молочную булку для большого о. Хомицкаго.

Встрѣчаю толстаго Козеровскаго, юриста, моего вѣнскаго знакомаго. Коцко собирается закрыть покупку вещей въ Графѣ. Есть даютъ намъ не больше 2 разъ въ сутки; чтобы убить ощущеніе голода,варю себѣ подобіе супа.

9 окт. — Познакомился съ о. Михаиломъ Еднакимъ, отцомъ Юлья, б. предсѣдателемъ студенческаго Общества „Буковина“ во Вѣнѣ.

Съ пѣлью прогулки рѣшили носить воду въ ушатъ. Хорошая погода. За рѣшеткой лагеря, на поляхъ, мѣнѣй крестьяне собираются кукурузу и вяжутъ ее въ снопы. На площади передъ баракомъ интер-

нированные варят чай на импровизированной печке. Один из интровернированных приобрет машинку для стрижки волос и таким образом зарабатывает на хлебе. Одни из интровернированных, под наблюдением техника, строят бараки, другие приводят бараки в порядок извне и внутри, третий занимается игрой в волка и овец.

Среди интровернированных встречаются несколько членов семьи Хомяковы. Свящ. о. Семен Савулаговорит проповедь окружающей его довольно многочисленной толпе. На обед даются мясо с манной кашей (грызик). Св. о. Спирисом устанавливается проект работы в бараках на следующий день. Вечером настроение удрученное. Всё сильно тоскуем по родным местам.

Прибывает транспорт новых интровернированных из Перемышля, между ними есть Наташа Несторович.

10 окт., суббота — Холодный день. Главным комендатом нашего барака состоит Унгхейзер. Настроение в бараке невеселое. На завтрак дают нам грязный суп с фасолью. В третьем бараке умер какой-то еврей, которого вынесли из барака для установления его смерти. Похороны одного крестьянина.

Привезли лемков из грибовского и сандецкого уездов. Лагерные власти проводят списки всех живущих в деревнях бывших бараках. Женщины моют белье, а сапожники 2-го барака починают обувь. Чтобы узнать, кто прибыл с последним транспортом, я

вместе с одним священником схватил ушат и отправился по воду.

Вижу передь большим бараком, который предназначался для заболевших холерой, своего отца свящ. Василия Курилло, настоятеля прихода Флоринки, о. Феофила Качмарчика из Бельдаревой, ссыновьями Людомиром, нотарьальным депендентом, и Владимиром.

Обмыться с ними хоть бы словечком нельзя было, так как за нами по пятам следили солдаты с ружьями.

Несмотря на это по несколько раз хожу по воду, дабы хоть издали посмотреть на своего отца.

Возле этого большого барака для холерных больных находится главная кухня, а около нея стоит солдатская лавка, где с разрешенияластей можно покупать и наим необходимые вещи.

11 окт., воскресенье.—Пасмурно. В три часа ночи о. Савула будит нас плачом, говорит проповедь и, затихая, начинает усердно молиться. Настроение подавленное, но молитвенное. Слышны кое-где стоны и плачи. Днем о. Дольницкий совершает богослужение, заканчивая его параклисом.

Брался и совершаю прогулку вместе с Качором и Йошафатом Крулевским. Похороны 2-х человек.

12 окт. — Встаю раньше, чтобы принести в ушат завтрак, для барака, а главное, чтобы опять увидеть своего отца.

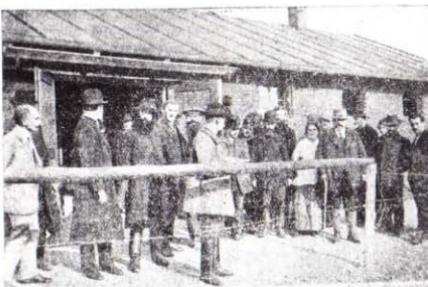
Похороны православного священника. Затем о. Савула рассказывает собравшимся вокруг него о своей долгой и своем отце,

Толпа людей, окружающая костеръ и Савулу, слушает внимательно его рассказ.

Ввиду большого скопления народа въ лагерь лагерные власти принуждены были запастись новыми котлами, чтобы устроить специальную кухню для интровернированных. Теперь уже власти стараются кострюлькахъ или даже кружкахъ. Священники служат вечерно.

14 окт. — Утро холодное. Покров Пресв. Богородицы. По случаю этого праздника молебень (пракличъ).

Получаю от матери изъ Флоринки 20 кронъ, и покупаю каучуковый воротничокъ, также заказы-

Перед баракомъ лѣтомъ

ются дѣлать запасы съѣстныхъ принадлежностей, чтобы не морить голодающимъ заключенныхъ въ лагерь, что раньше водилось постоянно. Лагерный врач раздает небольшое количество пледовъ особенно нуждающимся. Оканчиваю постройку начатыхъ бараковъ и начинаю строить новые.

13 окт. — Хорошая погода. Раздаютъ нѣкоторымъ изъ нашего барака одѣяла. За баракомъ дѣлаемъ въ земль примитивную кухню, чтобы варить часть пищи въ

ваю гетры на ноги. Пишу Зенону Курилло, находящемуся въ армии въ Лайбахѣ (Люблянѣ).

Вновь приводятъ въ Талергофскій лагерь нѣсколькочисленныхъ транспорта интровернированныхъ. Ночь теплая.

15 окт., четвергъ — День пасмурный. Съ разрешеніемъ врача удалось мнѣ передать отцу купонъ съ записками отъ денежного перевода (на 20 кронъ) изъ Флоринки. Свидания съ отцомъ добиться не могъ. Постижаю болиего Коцка. Къ своей

радости удалось мне пробрести небольшой кусок мыла. Отдаю въ починку пришедшие въ негодность сапоги.

Умеръ о. Людкевичъ, проф. канонического права.

15 окт. — Утро пасмурное. Позже распогодилось. Встрѣчаю судью Юліана Подлускаго изъ Перемышля. Умерла одна изъ женщинъ. Совѣтъ ночью, намѣриваемъ просить помощи для интернированныхъ у военнаго прокурора (кригс-анвальта). Однѣ солдаты, чехъ холерического темперамента, высказываютъ довольно дикій взглядъ на культуру русскихъ крестьянъ. О. О. высказываетъ съ возмущениемъ объ этомъ чехѣ и его взглядахъ. Ночью до того сильный дождь, что протекаетъ черезъ крышу и каплетъ мнѣ прямо на лицо. Прикрывая шляпой голову и стараюсь заснуть, ни напрасно.

Большому Коцку стало лучше, приношу ему пару носковъ. Г-жа Смігельская есть въ лагерѣ тоже.

17 окт., суббота. — Счастливый для меня день, ибо людей изъ транспорта Грибовскаго и Новосан-децкаго перевели въ нашъ баракъ № 8, такъ что живу теперь вмѣстѣ съ отцомъ и о. Владиміромъ Мохнацкимъ изъ Черной. Передаемъ другъ другу события, происшествія съ нами и наши переживания за время разлуки, вспоминаемъ прошлое. Впервые узнаю, что благочинный, б. Петръ Сандовичъ, и его сынъ Антонъ, студентъ философіи, съ Бруннъ, были разстрѣлены въ Новомъ Санчѣ. Эта вѣсть сильно потрясла всѣхъ наст.

18 окт., воскресенье. — Заказываю вторично жилетку, ибо первый заказъ оказался безуспешнымъ. Холодно. Врачъ лечилъ по старымъ пріемамъ военныхъ врачей временъ Николая I. Онъ приносилъ съ собою лекарство одного рода и пичкаль имъ всѣхъ больныхъ независимо отъ рода болѣзни, хотя мнѣялъ сорта лѣкарствъ, для разнообразія. Сначала давалъ аспиринъ, другой день каломель, а третій вновь аспиринъ или какое-то иное лекарство.

19 окт. — Подаю прошеніе объ освобожденіи меня изъ лагеря, и отдачу подъ судь. Все тѣло моего отца ноетъ и болитъ, боли эти вызваны тѣмъ, что онъ былъ выброшенъ изъ автомобиля во время катастрофы, которая случилась по дорогѣ въ Новый Санчѣ, куда его вмѣстѣ съ другими везли на военный судъ.

20 окт. — Меня избрали комендантъмъ отдѣленія барака (штукомандантъ). По новому повелѣнію властей лагеря намъ нельзя выходить изъ бараковъ съ 5 ч. вечера до 11 часовъ утра слѣдующаго дня, подъ угловой ударъ штыкомъ. Разрешается выходъ или больнымъ или же за надобностью и то только партиями черезъ каждые 2 часа. Въ сортиръ или мы сопровождаемъ солдатами. Здѣсь по команѣ должны были скинуть брюки и сѣсть на шесть (дрючекъ) для отправленія надобности, по истечении короткаго времени (около 2—3 мин.), успѣть ли кто отбыть надобность или нетъ, раздавалась команда „одѣвайся“. Вся картина продолжалась не больше 5 минутъ. Однѣ

стариковъ не успѣли во время раздѣться, за что солдаты сбросили его въ гноевину и остались очень довольны своей шуткой. Бѣднаго почети цѣликомъ испачканаго испражненіями, съ трудомъ удалось намъ вытащить изъ этой ямы. Сначала и для мужчинъ и для женщинъ было одно отхожее мѣсто, такъ, что женщины должны были садиться на шесть вмѣстѣ съ мужчинами. Только значительно позже для женщинъ устроили отдельное отхожее мѣсто.

21 окт. — Утромъ мыться можно только съ опредѣленного часа и то не больше 15 минутъ; кому бы пришла охота мыться больше или же не въ дозволенное время, того ожидалъ ударъ ногой и т.п. наказанія. Подавленное настроеніе среди интернированныхъ. День теплый, но пасмурный. 65 похоронъ уже было. Сегодня похоронять бѣглого умершаго. Лагерные власти сняли съ нашего барака запрещеніе выхода съ 5 ч. вечера до 11 ч. утра и раздали намъ нѣсколько пледовъ и одѣяль.

22 окт. — Холодный день. Каждый купецъ-нѣмецъ продаётъ намъ фрукты для боснословно высокой цѣнѣ, при томъ держитъ себѣ вызывающи и гордо, какъ какой-нибудь паша турецкій. Сильный туманъ надъ лагеремъ.

Покупаю лекарство моему больному отцу.

Возлѣ новыхъ деревянныхъ бараковъ строятъ новую кухню. Въ полѣ сохнетъ кукуруза въ снопахъ. Стирийскіе воробы большие нашихъ. Военные власти наказали одного солдата 5-часовымъ арестомъ за то, что не пробилъ штыкомъ

интернированного крестьянина, за мнимое неповиновеніе ему же, т. е. солдату. Однѣ мальчики, осмѣлившійся закурить папироску, подвергнуты наказанію „шпанги“.

Черезъ Абтиссендорфъ проѣжаютъ на южный фронтъ однѣ за другимъ военные поѣзда.

На площади передъ баракомъ одни курятъ тайкомъ, ибо запрещено, другие варятъ чай, а иные гуляютъ. Люди изъ шатровъ переходятъ въ деревянные бараки. Нѣкоторые изъ интернированныхъ молятся по книгамъ. Женщины моютъ пластия, а крестьяне дерка грязные рубахи въ рукахъ ищутъ и бѣть вѣщей. Кое-гдѣ можно видѣть лежащихъ въ тѣни барака, на землѣ, людей и ведущихъ разговоры. Одни пишутъ прошенія къ начальству, на которые оно не даетъ отвѣта, другие — полевыя открытые письма, которая большей частью не выходитъ изъ Талергофа.

Въ нашемъ баракѣ глухонѣмой изъ недопеченнаго хлѣба дѣлаетъ корзинки. Въ большомъ шатре, въ которомъ совершился молебень (параклисъ), живутъ или живли въ разное время: о. Спирисъ, о. Михаилъ Вербицкій, бывшій законодатель гимназіи въ Яслѣ, о. Калужницкій изъ Бортнаго, о. Волинскій, о. Дуркотъ, о. Цюкчинскій, о. Винницкій, о. Отто, о. Михаилъ Единакій изъ Знагуевицъ, о. Феофілъ Хомицкій, свящ. членъ семіи Метелла, о. Билинскій, о. Кучма, о. Кунішеръ, Д-ръ Костыцінъ, о. Юркевичъ, Сваричевскій, Д-ръ Совинъ Димитрій изъ Горлицъ, Тыминскій Стеф., Дм. Вислоцкій — юристъ, Вислоцкій, народный учитель, Феодо-

сий Ядловский, сынъ дьяка изъ Смѣровска, Андрей Карль — юристъ изъ Лоси, Димитрій Качоръ изъ Боднарь, юристъ, Асафть Крулевскій, Еміль Гризна, уч. нар. съ отцомъ своимъ изъ Маластова, Слюзарь, бухгалтеръ изъ Горлицъ, о. Сеникъ, Понтий, Юркевичъ и др.

24 окт. — День теплый. Раздача соломы и пледовъ и составление списковъ новыхъ интернированныхъ.

25 окт.—воскресеніе. Хорошая погода. Богослуженіе.

26, 27, 28, 29 окт. — Не писать за отсутствіемъ бумаги, которой купить было негдѣ. О. Василий Кирилло, съ о. Единакимъ, и Мокшанскій ваказываютъ въ лавкѣ тазъ для мытья, либо до сихъ поръ мылись мы, поливая воду другъ другу на руки. Сильный дождь и какъ слѣдствіе его ужасная грязь кругомъ барака. Сидимъ въ баракѣ и скучаемъ.

30 окт. — Грязь просыхаетъ. День теплый. Приходятъ вещи моего отца (постель) изъ Бялой. Для насъ это событие было радостью, ибо до сихъ поръ спали мы на соломѣ, а подъ голову приходилось класть или одѣяла или что нибудь подобное.

Наконецъ устроили почтовое отдѣленіе въ лагерь. О. Сприсѣ избралъ главнѣмъ комендантъмъ барака № 11. Читаютъ книгу „Піусъ IX и его политика“ Пельчара. Первые моемся въ тазу. Наказанію „anbinden“ подвергся одинъ актеръ поясъ за то, что ударилъ русского студента унів. Раставецкаго по лицу такъ сильно, что Раставецкій облился кровью.

Добія загоняетъ людей въ бараки, чтобы не смотрѣли на наказанного актера. Получаю заказанный пледъ, упакованный до его получечія, но онъ плохого качества и очень тонкий.

31 окт.—Теплый день, Владимира Гоцкій захворалъ. О. С. надѣвъ на голову шляпу бой-скаута и подбоченясь, танцуя гопака къ общему веселію. Большая часть соблазненная теплымъ днемъ вышла изъ барака: нѣкоторые сѣли на скамейку, другіе варятъ чай, треты гуляютъ или, держа руки въ дырявыхъ карманахъ, тускло посматриваютъ на проходящихъ, иные курятъ тайкомъ изъ пріобрѣтенныхъ тоже тайкомъ трубокъ, еще иные играютъ въ карты или самодѣльные шахматы. Иногда прохожіе толкаются другъ друга, извиняясь при этомъ. Нѣкоторые заняты выѣзжаніемъ изъ дерева ложекъ, вилокъ, палокъ или изъ проволоки рѣшетчатыхъ корзинъ, иные же просто лежатъ на соломѣ и плюютъ въ потолокъ, на подобіе Тентниковъ („Мертвыхъ душ“ Гоголя).

Главный поваръ приказалъ всѣмъ собраться съ котелками для получения обѣда за поль часы до его прихода. Мы собирались и, выстроившись въ ряды по четыре человѣка, ожидали прибытия повара болѣе 1/2 часа. Одніи старикъ при этомъ заснули, когда дошли до него очередь, то главный поваръ черпакомъ отъ супа ударили его по головѣ за то, что тотчасъ же не подставилъ своего котелка.

У насъ господствуетъ ужасная скуча. Нѣтъ хуже наказанія, чѣмъ

бездѣйствіе. Читаютъ одну и туже книгу по нѣсколько разъ, ибо другой нѣтъ. Среди насъ появляются самуки парикмахеры. Лучше и дешевле всѣхъ бреТЬ какою-то батюшку.

За бараками мѣстные стирийскіе крестьяне укладываютъ кукурузу на тѣлѣги и связываютъ домой. Коровы пасутся въ поль. Озимъ зеленѣтъ. Раздача въ баракѣ рукахъ и подштанниковъ въ небольшомъ количествѣ.

Ноябрь 1914 г.

1 ноября, воскресеніе. — Хододный и пасмурный день. У кого-то пропалъ браслетъ. Въ 9 ч. утра лагерныя власти производятъ обыскъ по баракамъ, отнимаютъ курительную бумагу „Абади“, и составляютъ списки денегъ, имѣющихся у интернированныхъ.

Наши „дядя“ С. несегъ осторожно черезъ площадь съ гордымъ видомъ, котелокъ полный супа, посматриваетъ и кричитъ, чтобы ему уступали всѣ съ дороги, ибо жалъ каждой пролитой капли супа.

Священники совершаютъ вечерно. Комендантъ поста зоветъ меня и велитъ передать священникамъ, что совершаю вечерню защищается. Благодаря моимъ настойямъ онъ разрѣшаетъ окончить вечерню, но запрещаетъ ее впредь совершать.

2 ноября. — Дождливый и пасмурный день. Лагерныя власти занимаютъ у интернированныхъ деньги, вносятъ ихъ въ депозитъ. Вводится строжайшая цензура всѣхъ писемъ.

Лемковъ изъ Горлицкаго и Ново-Сандецкаго уѣздовъ, совершенно безъ основанія заподозрѣнныхъ въ государственной измѣнѣ, переводятся въ Гранскую тюрму. О. Тофанъ подвергся 8-дневному одиночному тюремному заключенію въ лагерь за то, что продавалъ табакъ.

Вечеромъ, за бараками, возлѣ отхожихъ мѣстъ, подъ электрической лампой, О. Савула сказала собравшимся такую прочувственную рѣчу о будущемъ возвращеніи нашеѣ въ Галичину, что у многихъ навернулись слезы на глаза.

3 ноября. — Пасмурно. Власти реквизицируютъ суммы денегъ свыше 10 кронъ у интернированныхъ нашего барака.

Дядя С., видя солдата съ ружьемъ, сопровождающаго женщину съ младенцемъ на рукахъ, обратился къ нему со словами: „господинъ постовой, стерегите зорко этого маленькаго измѣнника, чтобы онъ вамъ не удраль“. Всѣ присутствовавшіе скрыто улыбнулись, опасаясь удара постового. Юречко изъ Нового Санчы внезапно заболѣлъ и исповѣдалась у присланного къ нему священника.

Встрѣчались со вдовой о. Максима Сандовича, православнаго священника изъ Жданы, котораго расстрѣляли безъ суда и слѣдствія тюремѣ Горлицкой въ сентябре 1914 г., въ 6 часовъ утра.

4 ноября. — Раздача соломы по баракамъ. Лагерныя власти производятъ дознаніе, занося въ протоколь показанія въ нѣкоторыхъ интернированныхъ изъ Перемышльскаго транспорта.

Солдат прокололъ штыкомъ вѣроятно сотый разъ „Потопъ“ Сенкевича.

Юстинъ Воргачъ изъ Флоринки просится въ нашъ баракъ, просыбъ его удовлетворена.

Воздухъ чистъ. Вечеромъ же туманъ покрываетъ землю, спустя нѣкоторое время онъ подымается въверхъ. Власти съзывъ дрова въ лагерь волами и лошадьми.

Сегодня кончается третій мѣсяцъ моего заключенія, напрасно потерянное время. Это наводить тяжкія думы, все раздумываю я, за что и зачѣмъ меня здѣсь держать такъ долго, сколько дней потерпая я даромъ, никто и никогда мнѣ ихъ не вернетъ. Грустно и скучно! Каждую минуту можно ожидать ударовъ, побоевъ, криковъ и ругни.

Захарій Ставіцкій изъ Сиѣтицы получиль отъ своего тестя Александра Дубца переводъ на 10 кронъ, но безъ всякой дописи.

5 ноября. — День теплый, но пасмурный, солнце не видно. Встрѣча цыганъ полотняного шатра, которые привѣтствуютъ меня радостно, какъ бывшаго своего коменданта, и хвалятъ полученными отъ властей сапогами и плащемъ, такъ какъ, было, совершенно обносились. Все одна и тоже пѣсня. Скука и тоска по роднымъ мѣстамъ.

6 ноября. — Маркусь— комендантомъ какого то барака. Въ баракахъ № 13 помѣрло двое, одного изъ нихъ прокололъ солдатъ штыкомъ за то, что ссорился съ товарищемъ при раздаче соломы. Читайо

ры, какъ видно, опорожнены отъ живущихъ въ нихъ.

Лагерные власти созываютъ всѣхъ врачей на совѣтъ. Учителъ народнаго Ч. разсказываетъ исторію своей жены, которая была еврейкой и перешла въ католичество. Евреи хотѣли ее отравить, но ей удалось бѣжать и спрятаться у католического священника, который и обѣѣнчалъ ихъ.

всего на все имѣется одна епитрафиль. Лагерные власти передаютъ намъ новыя распоряженія черезъ свящ. о. Коломыцца.

8 ноября. — Отецъ Василий Кирилло собралъ 14 кронъ 41 геллеровъ на покупку ризы. Смѣна караула возлѣ кухни. Дѣль фил. Брѣть Симонъ, еврейскій раввинъ изъ Ценшковицъ, собираетсяѣхать въ Вѣну вмѣстѣ съ другими русскими

На прогулкѣ.

Вечернью совершаютъ священники на пл. Полякъ Уѣйтскій, редакторъ „Боруты“, разсказываетъ мнѣ исторію своего заключенія. Среди наѣзда находится польскій литераторъ Корнилій Попель со своей женой.

Сегодня канунъ праздника св. Димитрія. Это напомнило мнѣ ярмарки въ Избахъ и Бѣлцахъ. Это были хорошие дни.

Священники собираютъ деньги на покупку церковныхъ ризъ, ибо

подданнными, по сколько получить разрешеніе. За рѣшеткой русскіе военнооплѣтанные продаютъ съѣстственные припасы, ибо кантинъ закрытъ. Разговариваю съ Попелемъ. Ночной карауль ѿ каждомъ баракѣ. Даю для починки брюки, и въ ожиданіи ихъ починки хожу въ бѣлье въ теченіе 2 часовъ, вслѣдствіе чего сильно простудился, такъ какъ другихъ брюкъ не было.

9 ноября. — По площади ходить въ веселомъ настроеніи дядя

С. и поетъ: „Поѣдемо нынѣ, о ко
торой годинѣ, скажитъ менѣ доб-
рый люди, о которой годинѣ?“ —
и говорить окружющимъ: „Дядя
пѣль бы вамъ, но горло просохло,
надо его смазать смальцемъ.“ По-
лучивъ 26 геллеровъ отъ кого-то,
говоритъ: „Дядя теперь, пожалуй,
и споетъ вамъ, а-лишь смотрѣтъ,
иѣть ли гдѣ-нибудь караульныхъ“. Оглядываясь на всѣ стороны, поетъ
и танцуешь. Всѣ смѣются. Напу-
ганный этимъ громкимъ смѣхомъ,
онъ вдругъ останавливается и
пугливо озирается на всѣ стороны,
не идетъ ли гдѣ караульный сол-
датъ.

„Кѣбъстъ до Галичинъ побѣхъ
И мене вспомнили
Кѣбъстъ до Галичинъ побѣхъ
И мене с собой забрали“.

Говорить эти слова, прощаешь съ
нами.

День холодный. Кантинъ для
продажи сала открытъ. За рѣшет-
кой продаютъ хлѣбъ и чай. Въ
шатрахъ умерло двое людей. Та-
кой холода, что весь день приход-
ится ходить въ шинели, а то еще
продротешь. Обыкновенная карти-
на барачной жизни, описанная уже
нѣсколько разъ.

Знаменіе момента: Среди наѣз-
никовъ торговцы лукомъ и чесно-
комъ, какъ противо-холернымъ
средствомъ. Дѣрь Брѣтъ и Генрикъ
Боссовскій торгууютъ чаемъ и са-
харомъ. Порція съ сахаромъ сто-
итъ 6 геллеровъ. Нѣкоторые изъ
наѣзниковъ хлѣбъ съ саломъ или
смальцемъ, которые покупаютъ отъ
кантинъ по засчету взвинчен-
ной цѣнѣ. Лагерныя власти разрѣ-
шаютъ покупать по небольшому
ломтику бочна (кайзерфлайтъ) у

торговца нѣмца, опять таки по
баснословно высокой цѣнѣ. Ночью
Коломеецъ съ понятными производ-
ить осмотръ всѣхъ и всего, про-
вѣряетъ наличность у всѣхъ зак-
люченныхъ въ баракахъ.

10 ноября. — День солнечный и
теплый. Встаю позже обыкновен-
ного. Коломеецъ прочелъ намъ бу-
магу, по которой 70 человѣкъ по-
именно суда освободили и вскорѣ
ихъ пустятъ до моря. Слѣдственная
власти производятъ допросы интер-
вированыхъ черезъ рѣшетку.

Осмотриваю картины Ваньки
Вербицкаго и онъ намъ очень пра-
вится, какъ дѣйствительно вѣрное
воспроизведеніе лагерной жизни.
Совершаю прогулку по площади
въ общество гжи Сандовичъ и
студентовъ.

Врачъ разрѣшилъ намъ Ѳѣсть
ветчину, но только больнымъ, каж-
дому больному по 2 небольшихъ
ломтика. Заказанная нами ветчина
прибыла, и съ Гоцкими дѣлимы
ее между интервированныхъ, за
плату. Часто переносимъ зубную
боль. Врачи казенные неумѣю-
рутъ зубы до того, что послѣ
этой операции все лицо напухаетъ.
Мнѣ тоже было вырванъ зубъ.
Дѣрь Могилевскій изъ Бучача

констатировалъ у меня разрывъ
десны и кровотеченіе. Въ баракахъ
очень много больныхъ, которымъ
не даютъ молока. О. Владимиръ
Мохнацкій впервые за все время
своего интервирования осмѣялся
закрыть папироску. Одній студен-
тъ продаєтъ табакъ и бумагу на
папиросы. За одинъ листокъ на
одну папироску береть 6 геллеровъ.

Пачку табаку, цѣна которой въ оби-

чное время была всего 13 геллеровъ,
продаетъ за 1 крону 60 геллеровъ.
Узнаю, что матеріалъ на постройку
барака стоитъ 5.000 кронъ. Работа
почти ничего не стояла, ибо мы сами
строили бараки по приказу властей.
Вѣроятно главный мастеръ и его
подчиненные, состоящіе на казеннѣ
службѣ, что-нибудь и получали
изъ казны, но мы обязаны были
работать даромъ. Сегодня караульнѣ
ночью въ баракѣ нашемъ со-
стоять равни. Брѣтъ: отъ этой
обязанности освобождаются только
или старики или же болѣные.

11 ноября. — Тумантъ, около
10 ч. появляется солнце. Иду съ
однимъ священникомъ за хлѣбомъ
внизу, что въ шатрахъ еще много
— интеллигентовъ. Оять со-
ставляю списокъ людей нашего ба-
рака. Нашъ дядя ведетъ веселую
бездѣлъ съ барышнями. Нѣкоторыя
женщины варятъ гуляшъ изъ кон-
ченаго мяса. Скука ужасная.

12 ноября. — Въ 10½ час-
тра падаетъ дождь. Выйти нельзя.
Сидимъ въ баракахъ и со скучи
ась варимъ чай, или куримъ. Мѣд-
никъ заболѣлъ инфлюэнзой. Въ 4
ч. пополудни 77 „украинцевъ“ вы-
ходятъ въ сопровожденіи невоору-
женныхъ 5 солдатъ изъ лагеря,
это тѣ, кого выпустили на волю.
идутъ въ Грацъ. Многіе изъ наѣз-
никовъ сопровождаются имъ до рѣшетки.
Въ баракѣ №. 8 выпущены на
свободу: Шеремета, о. Коренецъ
и Чеснокъ. У нихъ отбираютъ ко-
тлетки.

13 ноября. — Ясный солнеч-
ный и теплый день. Нашъ баракъ
долго былъ изолированъ и входъ
веживущимъ въ немъ быть запре-

щенъ. Я караулилъ ночью въ ба-
ракѣ и передъ баракомъ. Встаю
въ обычновенное время и иду съ
другими за хлѣбомъ въ ангары,
ибо услышалъ, что прибыть какой-
то транспортъ новыхъ интерниро-
ванныхъ. Увидѣлъ, понятно, издали,
о. Хилья Дмитрия, пароха изъ
Изѣ, Грибовскаго уѣзда. Слѣд-
ственная власти допрашиваютъ
„украинцевъ“. Власти не хотятъ
отправлять наихъ писемъ. Нѣть
никакихъ свѣдѣній изъ Галичинъ.
Зарождается предчувствіе вели-
кихъ событий.

14 ноября. — Хорошій денъ.
Чувствую сильную боль въ спинѣ.
За баракомъ и гимнастикой и стар-
ше занимаются гимнастикой. Вѣ-
черомъ видимъ, какъ люди возлѣ
полотняныхъ шатровъ жгутъ сол-
ому съ вѣшами на кострахъ. Дымъ
отъ этихъ костровъ стелется по
цѣлому лагерю. Собрали 6 кронъ
9 геллеровъ на покупку лизоля,
какъ дезинфекціоннаго средства.
Лизолемъ моемъ руки по нѣсколь-
ко разъ въ день.

15 ноября. — Воскресенье. Сум-
раочно и грязно. Иду съ людьми
за хлѣбомъ и завтракомъ. Свя-
щенники правятъ обѣдно. Стере-
гущіе наѣзниковъ солдаты, пользуясь
свободнымъ временемъ, охотятся
на зайцевъ въ ближайшемъ лѣсу.

Вечеря. Послѣдній день кара-
нтины. Раздаютъ почту. Священ-
ники, развлечения ради, играютъ въ
карты. Вчера Д., поссорился съ
Манькой изъ-за аферы Корнгольда.
Маньку переводятъ въ пятый баракъ.

16 ноября. — Приморозокъ.
Мои штаны и сапоги пришли въ
негодность. Читаю повѣствованіе

„Бриллианты барышни“. Приводить два новых транспорта интернированных, один из Горлиц, сопровождаемый преподавателем гимназии Ельшомом, какъ комендантомъ транспорта, а другой изъ Кракова. Разрешение полковника курить явно, вызвало великую радость у курящихъ, которые тотчас же воспользовались правомъ, демонстративно курия на открытомъ воздухѣ.

17 ноября, вторникъ. — Врачъ призналъ меня болѣйшимъ и велѣлъ лежать въ теченіе 3 дней. Лежу на соломѣ; народный нашъ поэтъ Федорчикъ посещаетъ меня и читаетъ мнѣ для развлечения свои произведения.

Священникъ о. Кмицикевичъ — Савинъ забольѣ инфлюэнцой и лежитъ тоже на соломѣ.

Сегодня врачъ впервые приказалъ натопить желѣзную печку, что вызвало среди настъ восторгъ, ибо часто мы прямо таки замерзали отъ стужи, въ особенности ночью. Всѣ мы собирались кругомъ печки и радиусомъ, словно дѣти, теплу, распространяемому этой благодѣтельницей. Килограммъ чаю, какъ я узналъ, стоитъ 15 кронъ. Посещаютъ меня дѣть Дм. Собинъ и юристъ Карель Андрей изъ Лоси. Говорятъ, что я составилъ списокъ всѣхъ интернированныхъ лемковъ и возобновилъ Горлицкія записи. Первый мои записки изъ Горлицкой тюрьмы, послѣ разстрѣла православнаго священника о. Максима Сандовича, бросилъ въ терновникъ, опасаясь обыска. (Машакъ и картины Ивана

Вербицкаго). Отецъ Кирилло впервые со дня заключенія курилъ папиросу.

Власти лагеря приказали впервые наклеивать на письма почтовыя марки. Очевидно, до сихъ поръ онѣ бросали наши письма въ мусоръ не высылая ихъ. Марка на письмо стоитъ уже 35 геллеровъ, а не 25 какъ прежде. Поляки идутъ въ 5-ый баракъ, а свящ. о. Отто, Еднакій, и учитель Емиліянъ Гинвіа, вмѣстѣ со многими другими, переходятъ въ нашъ баракъ. Нашъ баракъ переименованъ въ 5-ій, а пятый въ первый! Власи лагеря заводятъ новые порядки. Коломацъ и Добінъ состоятъ ихъ адъютантами. Первый изъ нихъ усердно работаетъ съ утра до поздней ночи.

18 ноября. — День немногого солнечнаго, но вѣтреный. Возлѣ шатра раздаютъ почту. Я выбралъ двѣ изъ нашего барака въ качествѣ надзирателей за исправностью печекъ, за ихъ отвѣтственностью. Эти люди вскорѣ пріобрѣли у насъ особое уваженіе, такъ какъ даже само приближеніе любого изъ настъ къ печкѣ отъ нихъ зависитъ.

19 ноября. — Похороны свящ. о. Сандровскаго. День солнечный, но дуетъ холодный вѣтеръ. Распростирался слухъ, что 98 „украинцевъ“, выпустятъ на свободу. Свящ. Отто и Еднакій на паяхъ намѣриваются пріобрѣсти умывальникъ (тазъ). Составляю списокъ лемковъ нашего барака.

20 ноября. — День солнечный, но вѣтреный. Пронизвожу дезинфекцію нашего барака известью,

посыпавъ ею дорожки между рядами соломы, на которой мы спали.

21 ноября. — Холодъ. Первая „вечерница“ въ 4 баракѣ. Свящ. Дм. Хильчикъ переходитъ въ нашъ баракъ.

22 ноября, воскресенье. — День св. Михаила. Первый снѣгъ. Первая обѣдня и вечерня въ нашемъ баракѣ, которая о. Отто совер-

шаетъ. Встрѣчаются съ Дм. Вислоцкимъ. За бараками молодежь играетъ въ снѣжки. Раздаются нѣсколько паръ рубахъ и одѣѧ въ нашемъ баракѣ.

24 ноября. — Утромъ снѣгъ, нѣсколько позже мелкій дождь. Иду за завтракомъ. Высылаемъ Могилу, Савицкаго и Шуха за углемъ, ибо

Вместо лошадей,

настъ себорѣ со всѣми священниками.

Я состою второй день замѣтителемъ главного коменданта барака. Феодогъ Орскій и философъ Нергинецъ состоятъ надзирателями отдаленій въ баракѣ.

Вчера нѣкоторые изъ нашего барака спрашивали свои именны. Свящ. Діонісий Мохнацкій изъ Могилы находится въ нашемъ баракѣ. Въ баракѣ № 7 устроена вечеринка. Посыпаю болѣнаго о. Нестора Полянского.

становится холодно. Власти не хотятъ дать угля, утверждая, что переговоры съ поставщиками (собственно торговцами) угла еще не закончены. Многіе, въ ихъ числѣ и я — сильно кашляютъ. Похороны Кобылки Николая.

Власти перевели всѣхъ евреевъ въ 11 баракъ, который пото-му и получилъ название „еврей-скаго.“

25 ноября. — Сегодня раздаемъ полученные отъ властей рубахи и

подштаниники между людей нашего барака.

26 ноября. — Узнаю, что почти въ каждомъ баракѣ образовалася хорь.

27 ноября. — Много новыхъ людей переходитъ въ нашъ баракъ. Падаетъ снѣгъ, но въ общемъ тепло.

28 ноября. — Пришелъ новый транспортъ интернированныхъ, который распредѣляютъ по баракамъ. Въ нашемъ баракѣ есть 200 человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые спятъ на сырой землѣ, ибо нѣтъ соломы. Солома, на которой мы спимъ, стерлась и смѣшалась съ грязью.

29 ноября. — Холодно. Вода замерзла. Потомъ потепѣло. Иду съ людьми къ повару съ ушатомъ за завтракомъ, котораго повар старается дать какъ можно меньше. Отправлюсь послѣ этого вторичко къ повару съ просьбой дать намъ немногого угля, ибо въ баракѣ отъ стужи нѣлья выдержать, а много больныхъ стонетъ и трясется отъ холода, но пынья поваръ съ палкой бросился на меня и лишь благодаря его помощнику, русскому, я успѣла спастись быствомъ. Мои люди тоже удаираютъ, послѣдний изъ нихъ, стоявший наиболѣе къ повару получилъ ударъ въ спину палкой, которую поваръ, съ выкрикомъ, отборныхъ ругательствъ, бросилъ ему въ догонку.

Молодежка устраиваетъ хорошие пѣсни въ баракѣ. Она поетъ и лемковская свѣтская и церковная пѣсни. Люди злой воли доносятъ на нее 2 постовыми, которые сей-часъ поспѣшили къ нашему ба-

раку, но намъ удалось уладить этотъ инцидентъ мирнымъ образомъ.

Получилъ открытку отъ Ивана Черкавскаго, преподавателя гимназіи въ оставкѣ, который спрашивается про адресъ живущаго теперь въѣзда Юсифа Гартвига, полковника въ отставкѣ.

30 ноября. Понедѣльникъ. — Въ баракѣ холодно. Власти раздаютъ женщинамъ нѣсколько десятковъ сапогъ и соломы. Одному сибирянину за то, что хотѣлъ взять себѣ, немного соломы, солдатъ палкою перебилъ руку.

Слѣдственныи власти допрашивали гимназиста Богдана Кирichenко. Въ нашемъ баракѣ почињаютъ дверь, которую никогда нѣлья было плотно закрыть. Марекъ чиститъ лампу. Д-ръ Марекъ есть хлѣбъ съ масломъ и, слыша пѣсни, говоритъ: „вотъ лесъ пионы!“ Червянскій просматриваетъ исторію. Одни варятъ чай, другіе же изъ кубиковъ, купленныхъ въ кантинѣ, варятъ гороховый супъ. Нѣкоторые же отогреваются полуб., воображая себѣ, что она приобрѣтетъ лучший вкусъ.

Кирилловъ, производящій чистку бѣлы, приводитъ его въ порядокъ, совмѣстно со старикомъ Базаромъ. Кто-то изъ крестьян просилъ другого отстричь его. Гризва съ какими-то филологомъ играютъ въ шахматы. Свѧцъ. Отто есть очень медленно, а о Еднакѣ молится изъ молитвенника.

Декабрь 1914.

1—2 декабря. — Около 130 человѣкъ, наши „украинцы“ и по-

ляки, выпущенные на свободу, выѣхали уже не сопровождаемые конвоемъ, въ Грацъ. Передъ тѣмъ лагернаи власти отобрали у нихъ денные имъ казенные предметы, какъ „менажки“, одѣяла и пр.

Изъ нихъ 10 человѣкъ, за не имѣніемъ путевого документа, вернулись. Нашъ баракъ получитъ незначительный транспортъ солдатъ. Выѣхавшій въ Грацъ были: Полудскій Владимиръ изъ Перемышиля, Посадскій Левъ, о. Крушельницкій, о. Левицкій Августъ и Владимиръ, со. Охримовичъ, Гродзіцкій Зарѣча, юристъ Ладыка, Шушеевичъ Юліанъ, начальникъ почтоваго отдѣленія въ Цервижковицахъ, Ганкевичъ, завѣдывающій высшимъ начальникомъ училищемъ, д-ръ Назарукъ, редакторъ „Громадскаго Голоса“, Чижъ, преподаватель учителской семинарии, Мицька, почтовый чиновникъ, и др.

3 дек. — Императорскій день. Собираемъ деньги на Красный Крестъ. Я собралъ въ нашемъ баракѣ почти въ 2 кронъ. Поляки устраиваютъ иллюминацію и украшаютъ свой баракъ флагами. Каждый изъ нихъ имѣетъ въ петличкѣ ленточки цветовъ флаговъ австрійскаго и польскаго.

Обѣдно совершаютъ соборнѣ съ другими священиками, старій изъ нихъ о. Дольницкій. Многочисленный хоръ поетъ великолѣпно и приводитъ въ восторгъ присутствующихъ австрійскаго офицера и его солдатъ. Во времена пѣи австрійскаго гимна, „Боже буди покровитель“ одинъ изъ солдатъ, держаъ въ зубахъ папироску. На обѣдно пришли преимущественно люди

изъ нашего барака, даже старики. Престоль украсилъ зеленью Данилюкъ.

Сегодня выпустили на свободу 8 человѣкъ, а изъ нашего барака: Галаха и Бабяка. Вечеромъ упаль почти лондонскій туманъ, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно. Рассматриваю всеобщую исторію. Врачъ д-ръ Могильницкій констатируетъ у Телицака изъ Криницы воспаленіе легкихъ, а у Жолкевича воспаленіе почекъ.

4 дек. — День довольно теплый. Бѣлградъ занятъ, почему въ Грацѣ ночью на воскресеніе открыли побѣдно торжествующую пальбу.

Занятія людей въ баракѣ изо дня въ день почти тѣ же: послѣ завтрака идетъ ловля вшей, сначала осматриваются бѣлы, потомъ и платье вшей масса. Послѣ этого курятъ или дѣлаютъ папиросы на продажу, затѣмъ ходятъ изъ барака въ баракъ навѣстить своихъ знакомыхъ, собираются кучками и или бесѣдуютъ кой о чемъ, или поютъ, или же играютъ въ разныя игры.

Дорогъ уѣзжаетъ въ Грацъ. Падаетъ сильный дождь. О. Орик-кевичъ устроилъ надъ своимъ логовищемъ наѣсь изъ соломы для охраны отъ дождя. О. Конопстянинский держитъ надъ головой зонтикъ, ибо протекаетъ черезъ крышу. Это дало мнѣ возможность обратить внимание д-ра на неисправность крыши и просить его о представлении властямъ рапорта о необходимости починки крыши.

Гимназисты составили группу съ девушкиами и поютъ. По инициа-

тивѣ о. В. Курилло въ нашемъ баракѣ впервые совершается бечерия, во время которой многие плачутъ. Онь приказалъ сшить епитрахиль изъ сырого полотна, на обратной сторонѣ которой всѣ бывши въ лагерѣ священники положили свои подписи въ память талергофскаго лѣтнія.

5 дек. — Введеніе въ храмъ Пресв. Богородицы. Съ разрѣшѣемъ властей о. Гнатищакъ ѿдѣть въ Грацъ на операцию. Слѣдственныя власти допрашиваются Будановскаго и многихъ другихъ. Маркарь, комендантъ, утверждаетъ, что (старики) 60-лѣтніе „украинцы“ должны получать лучшій столъ. Впервые пенсионеры получаютъ эмеритуру. Вечеромъ въ нашемъ баракѣ молодцы поетъ „коляды“. По приказу властей составляемъ списки столляровъ, вѣроятно заставятъ ихъ что-то строить.

6 дек. — Утромъ исторія съ Морисомъ из-за ушата.

Постовой солдатъ выстrelилъ въ одного человека, намѣревающагося перейти за рѣшетку, однако пуля попала не въ этого человека, а въ другого, который въ тотъ моментъ молился въ баракѣ № 15. Сейчасъ прибыль д-ръ Могилницкаго и 2 лейтенанта, вѣлѣли взять раненаго въ лазаретъ, гдѣ спустя 2 часа раненый скончался. Его похоронили въ б. послѣ обѣда.

Изъ нашего барака высланы были на похороны, какъ предста витель, Гоцкій. Умершій былъ русскимъ душою.

Власти открываютъ госпиталь. Изъ нашего барака врачъ перево

дить въ госпиталь Зуба и Петришка Антона изъ Криницы, тачъ какъ у одного было гнойное а у другого обыкновенное воспаленіе легкихъ, полученнos и ими всѣдѣстїе нестерпимой стужи, господствующей изъ-за недостатка топлива въ нашемъ баракѣ.

Вечеря, на которой присутствуютъ многие изъ другихъ бараковъ. Въ баракѣ № 2 столяры дѣлаютъ пары (причи) изъ досокъ. Кулинарное искусство въ нашемъ баракѣ разстраивается, теперь все время царитъ зловоніе отъ пригорѣвшихъ сѣстинъ присасывать. Многіе сѣ вымытыми, но мокрыми носовыми платками стоять или сидѣть у печки и сушить ихъ, а потому пряча въ карманъ сухой носовой платокъ, возвращаются къ своему ложку. Нѣкоторые мастерицы чесоданники изъ дерева, получаемаго и покупаемаго за рѣшеткой. Лемко Барна рассказываетъ товарищамъ исторію приобрѣтѣнія накидки и сапогъ, многіе осматриваютъ сѣ нескрываемой завистью эти вещи и разсуждаютъ, что изъ этого плаща можно было бы сдѣлать.

7 дек., воскресенье. — Постовые шатра сдѣлали изъ сиѣга чортакъ къ великой радости дѣтей, которую однако одинъ изъ нихъ омрачилъ словами: „это русский батюшка, цѣлуйте его“.

Сегодня гылускаютъ „патріархаль лагеря“ о. Дольницкаго. Я подхожу къ рѣшеткѣ, возлѣ которой собралась значительная толпа интишиванныхъ, и вижу, за рѣшеткой стоять въ черномъ лѣтнемъ пальто и черной поярковой

шляпѣ почтенный старикъ съ 2 котомками въ рукахъ, привѣтливо прощающейся съ провожающими его людьми. Это и есть о. Дольницкий, душа лагеря, поддерживавший въ насть бодрость духа.

Онь стоитъ въ сиѣгу и печально глядитъ въ своихъ и обводитъ глазами весь лагерь, где пробылъ нѣсколько тяжелыхъ мѣ-

Конвойный солдатъ ведеть о. Дольницкаго на станцію. Они съ нимъ вышли уже на дорогу. Мы всѣ смотримъ имъ вслѣдъ и видимъ, что солдатъ замѣтилъ утомленіе о. Дольницкаго, взяль у него одну изъ котомокъ. Тогда о. Дольницкій еще разъ обращается и издали креститъ рукой всѣхъ.

Уборка сиѣга.

сіащевъ. Ноги у старика щодкашаются, видя это, выносимъ скамейку, на которую старикъ садится и тихо бесѣдуетъ съ Коломойцемъ, но и этотъ старикъ его недологъ: появляются офицеры и велятъ ему идти. Тогда онъ робко поднимается, снимаетъ шляпу и прощающейся со всѣми, благославляя ихъ словами: Слава Иисусу Христу! — Слава во вѣки — отвѣчаетъ толпа — счастливый путь, дядя, будь здоровъ, до свиданія! — Тысяча шляпъ поднимается въ воздухъ.

Печально смотримъ въ сто рону ушедшихъ и каждый въ душѣ винитъ власти, что не подбезли его на станцію лошадьми. Долго стоимъ и смотримъ за удаляющимися отъ насть, пока густой туманъ не скрылъ ихъ отъ нашего взора. Съ поникшей головой расходимся, ибо ушла отъ насть душа лагеря.

8 дек. — Въ 9 ч. утра уѣзжаетъ 11 человѣкъ, а въ 11 часовъ 17 человѣкъ въ Грацъ. Изъ нашего барака Мужинецъ и Ско левый. День солнечный и ясный.

9 дек. — Удалось мне получить отъ властей 50 рубахъ, 18 одѣяль и 35 очучей для нуждающихся въ нашемъ баракѣ. Я покупаю лампъ за 4 кроны. Эта первая лампа въ лагерѣ вызвала восторгъ въ нашемъ баракѣ, ибо даетъ возможность читать и писать даже ночью.

10 дек. — Получаю изъ магазина для нашего барака 50 паръ очучей и 30 одѣяль датскихъ, которые набиты вмѣсто ваты тоненными обрѣзками бумаги, но толщина одѣяль незначительна. И таікъ одѣяль производятъ дробость, ибо многие спали въ томъ, въ чемъ ходили.

Передъ обѣдомъ уѣжають въ Грацъ на свой счетъ транспортъ изъ 56 человѣкъ.

Въ 4 часа пополудни скончалась въ госпиталѣ св. о. Спирисъ. Немедля отправляюсь въ госпиталь, гдѣ застаетъ священниковъ, отправляющихъ панихиду по покойному. Власти лагеря впервые выдаютъ депозиты людямъ 5-го барака.

11 дек. — Похороны о. Спириса и 2 другихъ умершихъ. Польский ксендзъ Замойскій тоже присутствуетъ на похоронахъ. Хоры, репетиторомъ котораго является Смолинскій, поеть соотвѣтственная русскіе пѣсни и одну польскую похоронную пѣснь "Въ могилѣ темной". Гоцкій — завсегдатай всѣхъ похоронъ. Грязь ужасная. О. Спирисъ похороненъ подъ соснами.

Власти беруть 4 сотни ингерированныхъ на земляныхъ работы, платя имъ по 20 геллеровъ въ сутки. У комендантовъ бараковъ съ

ними больше хлопотъ, ибо приходится специально для нихъ держать ушаты съ ёдой.

По приказанію властей дѣлаемъ списокъ больныхъ и калѣкъ и ставиковъ, для осмотра и — допроса.

12 дек. — Ужасная грязь на площади и между бараками. Стѣнныя власти допрашиваютъ Гоцкаго, Гладія и другіихъ.

Казенныи врачъ дѣлаетъ распоряженіе коменданту бараковъ приводить больныхъ, въ госпиталь съ книгой больныхъ, которую я получила отъ Гельмана.

Послѣ вечерни священники играютъ въ "тарока" а молодежь поетъ сначала коляды, а потомъ и свѣтскіе пѣсни. О. Дикий и Гравица на присматриваются играющимъ и вставляютъ свои замѣчанія знатоковъ. Н. Константина пишетъ прошеніе властямъ, о. Михаилъ Влад. бесѣдуетъ со своими прихожанами. Многіе варятъ чай. Морисъ при пѣсѣ вѣчно занимается мойкой бѣлья. Печка хорошо грѣтъ, ибо трубоочистъ привезъ ею въ городокъ. Кузинскій, обыватель г. Дор., каменьщикъ, разсказываетъ встрѣчному и поперечному, какъ его допрашивали аудиторъ (военный судья), и какъ онъ удостоился чести быть позваннымъ первымъ къ судѣ, въ присутствіи какого-то коменданта барака. Крестьяне слушаютъ его съ любопытствомъ и съ почтениемъ. Послѣ этого поеть пискальникъ старческимъ голосомъ: "Миръ вамъ, братья, всѣмъ приснился", а потомъ разсказываетъ крестьянамъ сказки. Онъ — сѣдой старикъ, худощавый, одѣтый въ заплатанное разноцѣнными кусоч-

ками платье, съ самодѣльнымъ колпакомъ изъ разноцѣн资料的 одѣяла. Онъ производитъ впечатлѣніе какого-то восточного "мага".

Наши трубоочисты чистятъ всѣ печи въ лагерѣ.

На канунѣ св. Андрея по обыкновенію гадали.

13. дек. — День св. Андрея Первозванного. Обѣдня.

Главный коменданть лагеря приказываетъ черезъ комендантовъ бараковъ всѣмъ священникамъ явиться къ нему. Когда у него собралось нѣсколько сотъ священниковъ, онъ обратился къ нимъ съ требованіемъ повѣлять на крестьянъ, дабы они работали въ праздники, мотивируя это тѣмъ, что военное время не признаетъ никакихъ праздниковъ. Священники, выслушавъ его требование, разошлись, понуря головы и решивъ не говорить объ этомъ крестьянамъ.

Видно, какъ работники, несмотря на праздники, копаютъ на площади въ ужасной грязи. Въ баракѣ собираемъ деньги для уплаты трубоочистамъ и на расходы по канцелярии.

14. дек. — Орскій, д-ръ Маслохъ, Клецко и Бутринскій должны выйти изъ лагеря въ Грацъ. Въ лагерь подъ управлѣніемъ офицера саперного батальона производятся дороги между бараками; волами навозятся камни и песокъ, а во бокамъ дороги дѣлаются рвы для стока воды. Строятъ при этомъ новые бараки и приготовляютъ предварительные работы для проведения сѣтей электрическаго освещенія.

Власти выдаютъ депозиты людямъ и разрѣшаютъ совершать покупки одежды въ Грацѣ черезъ агентовъ.

15 дек. — Продолжаютъ работу около дороги. Сносятъ ограду у бараковъ. Грязь ужасная.

Составляю списокъ обитателей нашего барака. Священникамъ впервые выплачиваютъ жалованіе. Кузинскій, "обыватель и каменщикъ", заболѣлъ.

Вечеромъ выхожу на площадь покурить и вижу Гоцкаго, держащаго въ одной руцѣ стаканъ чаю, а въ другой папиросу, одновременно и курить и пить чай.

За бараками проводятъ дорогу. Съ цѣлью утрамбованія дороги саперный офицеръ, съ помощью сотни человѣкъ и трехъ паръ воловъ, доставилъ тяжелый трамбовочный валъ, который эти люди съ трудомъ вытащили изъ грязи. Возлѣ кантинъ проводятъ водопроводы. Гурра назначается комендантомъ отдѣленія барака. Собираю на память подписи всѣхъ живущихъ въ баракѣ.

16 дек. — День теплый. Въ 2 ч. пополудни выходитъ изъ лагеря транспортъ интернированныхъ въ Грацъ, среди нихъ: Петръ Яворскій — старикъ, который сначала не хотѣлъ ни за чтоѣхать, но послѣ раздумья, собралъ вещи, и распрошался со всѣми и уѣхалъ.

Въ моемъ баракѣ 212 человѣкъ, изъ которыхъ много больныхъ, такъ что ежедневно веду по нѣсколько человѣкъ въ лазаретъ. Вѣшей такъ много, что не успѣваемъ ихъ уничтожать, солома пропитана и ими и грязью.

Барна и Демчакъ, крестьяне — лемки, у которыхъ бороды значительно отросли, брѣютъ другъ друга обыкновеннымъ первочиннымъ ножикомъ и даже обѣщають даромъ обрѣти старика Базара, обросшаго на подобіе первобытнаго человѣка. Базарь лежитъ скорченный на горсточки грязной соломы и, опираясь на руку, недовѣрчивоглядитъ на нихъ. Одинъ лѣякъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, народный учитель, подходитъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и попущепотомъ предлагає мнѣ пойти въ одицъ изъ барака на римку „сливянки“, которую тому бараку удалось раздѣбить.

Впервые удалось мнѣ купить чернилъ и перьевъ; до сихъ поръ я писать письма только карандашомъ.

Однѣ изъ священниковъ, съ дѣяками и крестьянами, поѣтъ коляды, вторитъ имъ одинъ народный учитель и, видно, отдался этому пѣнію всей душой. Вдругъ перестаетъ пѣть и заплакалъ, крестьяне поснимали шляпы и дальние поютъ. У другихъ также появились на глазахъ слезы. Приготвляющіе сунгъ сидятъ, понуривъ головы. Старики же, лежа на соломѣ, разговариваютъ со своими сосѣдями. Одинъ желѣзодорожный чиновникъ ложится спать съ видомъ оскорблѣнного человѣка, ибо Балабанъ сказалъ ему, что у него борода такая, какъ у „москала“.

17 дек. — Морозъ сковалъ грязы. До обѣда уѣзжаютъ въ Грацъ: д-ръ Маслохъ Вас., д-ръ Николай Ив. Антоневичъ, Орскій Влад., Сав. Вудзиновскій, Феофиль

Хомицкій и другіе, числомъ 26 человѣкъ. Они прощаются съ нами сердечно, а мы сопрощаемъ ихъ до ограды.

Въ 1-омъ баракѣ заведено электрическое освѣщеніе. Нашъ баракъ солдаты покрываютъ изнѣгъ папкой. Нѣкоторые изъ насъ пріобрѣтаютъ тайкомъ отъ солдатъ обѣзья папки съ цѣлью подложить ихъ подъ солому, чтобы вода не пропитывала соломы.

Сегодня съ почты прибыло значительное количество посылокъ изъ Галичинъ съ сѣствѣнными прпасами для интернированныхъ.

Я получилъ отъ одного изъ интернированныхъ нашего барака нѣсколько яблокъ. Впервые послѣ долгомѣсячнаго заключенія я, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, Ѳѣль яблонки и восхищался ихъ вкусомъ. У о. Единаго есть здѣсь одинъ изъ прихожанъ по фамиліи Гаврилюкъ, который ради того, чтобы быть близко своего батюшки, усердно вѣзъ ему безвозмездно. Это человѣкъ добры, съ голубыми глазами, весьма преданны своему священнику. Онъ моетъ его бѣлы, чистить платье, готовитъ чай въ всякую Ѱду, стаканы моетъ, потирая пепломъ, сполоскивая водой, и вытирая рукавомъ своей дѣравой свитки.

18 дек. — Канунъ св. Николая Чудотворца. Угнетенное настроеніе, иоо празднікъ приходится справлять далеко отъ родныхъ.

Въ лазаретъ, въ виду множества больныхъ, прибыли два новыхъ медика и одна сестра милосердія. День почти холодный.

Макарь, посредникъ между на-ми и властями лагера, составляетъ списокъ крестьянъ, вызываемыхъ къ допросу. Податной чиновникъ, живущій въ нашемъ баракѣ, разсказываетъ мнѣ, на какихъ основаніяхъ Макартъ составляетъ списокъ допрашиваемыхъ. Съ Гоцкимъ назначены Борухъ комендантамъ I отдѣленія. Власти приказываютъ привести въ нашъ баракъ электрическое освѣщеніе,

Земляники рабочихъ дружинъ.

Уже нѣсколько дней Базарь боленъ и лежитъ на соломѣ, держа ноги въ мѣшкахъ съ соломой. За котелкомъ съ Ѳѣдой протягиваетъ свою тощую руку и страдающій принимается за Ѳду. Порой ведеть бесѣду со своимъ сосѣдомъ Куриловымъ съ своей сторонушки. О. Хилиякъ Дм. ведеть уроки съ 2 гимназистами въ темномъ углу барака. Послѣ науки играютъ въ „торока“ съ Гривной и о. Мака-

ную лампу. У печки собралась группа особенно прогрощихъ людей. Морисъ, по обыкновенію, кипятитъ воду на чай, жарить картошку и болтаетъ безостановочно со всѣми. Тутъ же о. Игнатій Мохнацкій уже, можетъ быть, съ полчаса силился продѣть нитку въ иголку, но напрасно: то нитка вѣвъ, то иголка вправо, то на обратную. Видя эти бесплодныы попытки, Куриловъ подходитъ къ нему

съ помощью и наконец дѣло на-
лаживается. Любезно благодаря
за содѣйствіе, о. Мохнацкій, съ
тожествующимъ видомъ, прини-
мается за шитье.

20 дек., воскресенье. — Бор-
ухъ, какъ комендантъ отдѣленія,
хозяинчаетъ съ выдающейся
энергіей.

Прибыль новый транспортъ
интернированныхъ. Въ нашемъ ба-
ракѣ помѣстили 3 "украинцевъ" и
одного иѣмца.

Юстинъ Воргачъ, солтысъ изъ
Флоринки (лемко), обращается стъ
просьбой къ Базару дать ему пѣ-
сколько небольшихъ гвоздей (циа-
ковъ), которые по его мнѣнію долж-
ны бы быть у Базара. Большой
Базартъ, недовольный тѣмъ, что
кто-то нарушаетъ его покой, въ
сердцахъ бросаетъ фразу: "чтобъ
зубы твои стали циаками!" послѣ
чего всовываетъ ноги въ мышокъ
съ соломой и, ложась на спину
закрываетъ глаза, но все таки по-
очередно открываетъ то одинъ, то
другой глазъ, слѣдя за движени-
ями Воргача, какъ бы опасаясь не-
пріязненныхъ съ его стороны дѣ-
ствій. Увидѣвъ же, что Воргачъ
надѣваетъ свой кожухъ и выходитъ
на дворъ, чтобы покурить, говори-
ти: "вотъ, смотрите, Воргачъ не
даетъ мнѣ покоя, докучаетъ, хоро-
шо что уже ушелъ".

Приходятъ 2 юриста и рассказы-
ваютъ о новомъ военномъ зако-
нѣ. Еврій Мандель, кучерявый, по
обликоненію, читаетъ книгу, лежа
на соломѣ. Гоцкій, въ самодѣльной
фескѣ на головѣ, со стаканомъ чаю
въ одной и папирской въ другой
рукѣ, ведеть диспутъ съ однимъ

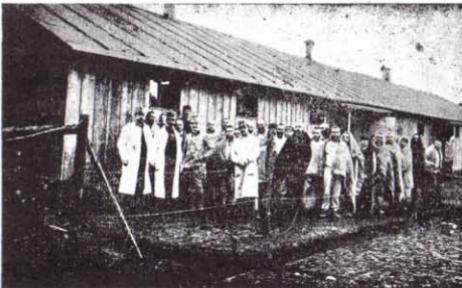
священникомъ, о. Дикій, прислу-
шиваясь этому диспуту, гладить
изрѣдка свою жиденкую бородку
и, кивая головой, приговариваетъ:
"ну такъ, ну такъ", и частенько
вздыхаетъ. Затѣмъ Гоцкій надѣ-
ваетъ длинную овечью шубу и са-
модѣльные сапоги. Калоши изъ сол-
омы, съ деревянными подошвами,
и, въ той же фескѣ, держа стаканъ
чаю въ одной, а папирсу въ другой
рукѣ, отправляется медленнымъ ша-
гомъ на дворъ гулять, стуча дер-
евянными подошвами своихъ са-
модѣльныхъ калошъ. Тутъ онъ по-
очередно подходитъ то къ одному
то къ другому изъ своихъ знакомыхъ,
а въ лагерѣ почти всѣ зна-
комы между собой, угощаетъ какж-
даго папирской и жадно распра-
шиваетъ про новости Собравшихъ
такимъ образомъ, утомленнымъ
возвращается въ баракъ и стъ ви-
димымъ наслажденіемъ передаетъ
ихъ намъ. Одѣтый въ теплое
плотно прилегающее пальто, о. Гр.
Макаръ лежитъ на соломѣ, на-
крывъ голову каракулевой шапкою
и все думаєть, видно, не веселую
думу, но неожиданно для стоящаго
возле него сосѣда студента уни-
верситета, обращается къ нему со
словами: "а ты отправилъ на почту
открытку къ женѣ?" и полу-
чивъ утвердительный отвѣтъ от-
ворачивается и засыпаетъ.

21 дек. — Впервые появились
въ баракѣ 2 электрическихъ лампъ.
Стало въ немъ свѣтло. Эта но-
вость привлекла живущихъ въ ба-
ракѣ въ восторгъ. Священники тот-
часъ же встали и начали служить
вечерни. Врачи производятъ при-
вики противотифозной сыворот-

— 49 —
а въ третій еще какое-то лекар-
ство.

Солдаты, видя, что въ баракѣ
всѣ больны, не берутъ никого на
работу. Живущимъ сначала въ
шести первыхъ баракахъ приви-
ваются противо-тифозную сыворот-
ку, а затѣмъ во всѣхъ прочихъ
баракахъ.

22 дек. — Простудился гдѣ-то,
ибо сапоги мои протекаютъ, а по-
чинить ихъ негдѣ. Лежу, какъ и
многие другие, на соломѣ, въ горяч-
кѣ. Многіе изъ насъ больныхъ на-

Зимой передъ баракомъ.

ходятся даже въ бреду. Лѣкарствъ
нѣть, а врача видимъ только ут-
ромъ и то не больше 15-ти минутъ,
его замѣняютъ студенты-медици-
н, II и III курсовъ, принося лекар-
ство одного типа и пичкая имъ
всѣхъ больныхъ, безъ разбора, не
не принимая во вниманіе характера
болѣзни хвораго. И такъ большой
глазами получаетъ въ одинъ день
аспиринъ, а въ другой каломель,

Власти, замѣтивъ усиливающу-
щую смертность у интернирован-
ныхъ, разрѣшаютъ одному изъ
купцовъ Граца продавать интерни-
рованнымъ сахарь, чай и пр. сѣ-
стные продукты.

23 дек. — Лежу и читаю фе-
льетонъ Т. Герцля, ибо, не имѣя са-
погъ, не могу ходить. Грязы сбъ-
шалась со снѣгомъ. Изъ Граца
прибываетъ братъ Вл. Бачинскаго

и червъ рѣшетку здороваются съ нимъ и передаетъ ему вещи и письма. Въ нашъ баракъ переводяты власти изъ Граца 4 лодей и налагаютъ на нашъ баракъ 15-дневный карантинъ.

Ухъ, какъ грустно и тяжело жить въ баракѣ!

24 дек. — День теплый. Получаю починенные сапоги, за что уплатилъ 4 кроны, и гуляю по площади. Впервые получаемъ капусту и фасоль, къ которой примѣшано что-то похожее на мясо.

Получаемъ свѣжую солому, что даетъ возможность выбросить гнилую солому и на ея мѣсто положить свѣжую, но не вѣсть это удастся, ибо соломы немногій. Барабанный сапожникъ изъ интернированныхъ только сегодня получитъ кожу и тотчасъ же принася за починку сапогъ интернированныхъ. Цыбуль и Осмѣнь дѣлаютъ деревянные чемоданчики. Подсадничъ дѣлаетъ небольшіе деревянные крестья съ надписью: «на память изъ Талергофа». Лемекъ изъ села Лосевъ играютъ въ карты, а другіе, лежа на соломѣ, бесѣдуютъ между собою. Бааратъ привозятъ сенасію, ибо постригся и побрілся, т. е. снялъ свою густую и длинную бороду, послѣ чего разѣлся на соломѣ, на мѣшкѣ, и шѣтъ. Въ баракѣ продаютъ казенныи хлѣбъ по весьма дешевой цѣнѣ, по 20 геллеровъ за булку, ибо деньги нужны на лекарства, кожу и прочее.

Фута и Кузьминскій, сидя возле печки, ведутъ бесѣду о чѣмъ-то въ задушевномъ тонѣ. Бандровскій вновь пишетъ, уже красками, картины изъ талергофской жизни.

Евсюкъ, чумакъ занимающій извозомъ дѣтей (мазяръ) изъ Лосевъ, жуя хлѣбъ, въ лежачемъ положеніи, иронически моргаєтъ на пристающихъ.

Интернированные разговариваютъ между собою о событияхъ войны почти полуночью. Вдругъ приходитъ кто-то и спрашиваетъ у одного изъ разговаривающихъ, не узналъ ли онъ какихъ-нибудь новостей съ театра военныхъ дѣйствій. Спросиши, не зная въ лицо пріѣдшаго, отвѣтъ, что ничего не знаетъ. За то другой говорить пріѣдшему, что расскажетъ ему и начинать фантазировать, переплетая свои фантазии общизвѣстными дѣйствительными фактами.

25. дек. — Снѣгъ таетъ, грязь невозможная. Въ сортире проложена лишь одна доска, по которой можетъ пройти одинъ человѣкъ, такъ-какъ встрѣчаясь съ выходящими изъ сортира, или самъ же встрѣчный, должны всегда сойти въ грязь. Куртуазія во всемъ. Г. гуляетъ въ лѣтнемъ плащѣ и съ зонтикомъ, единственный въ лагерь.

Латинскій праздникъ Рождества Хр. Получаемъ раньше обычнаго завтракъ и что-то сладкое, но неизвѣстно что: чай или кофе. Въ третій разъ выдаютъ интернированныхъ депозиты. — Нѣкоторы изъ Восточной Галичинъ записываютъ лемковскія пѣсни. Многіе изъ досокъ и папокъ устраиваютъ наѣвы надъ головой, ибо крыша протекаетъ. Одному спящему упало нѣсколько капель воды на лицо, онъ срывается съ мѣста, оглядывается беспокойно вокругъ и бѣ-

житъ къ тому мѣstu, где сухо, лежитъ и засыпаетъ вновь.

26. дек. — День теплый. Собираемъ 5 кроны на телеграмму Францю-Іосифу и его 3 министрамъ и дамы деньги о. Евгению Хильяку изъ 8-го барака. Вѣроятно эта телеграмма останется гласомъ воинющаго въ пустынѣ. Во второмъ отдалѣніи официально констатированъ возвратный тифъ. Это вызываетъ у каждого изъ наѣзда опасеніе зараженія, но полагаться остается только на волю Божію и отпорность и выносливость своего организма.

Ночью приходитъ транспортъ интернированныхъ поликновъ изъ Кракова. Когда они узнали, что въ лагерь тифъ, то пришли въ ужасъ.

Въ баракѣ выдѣлывають изъ дерева сапожные гвоздики для ботинокъ. Многіе изъ больныхъ передаютъ словесное завѣщаніе односельчанамъ на случай своей смерти и даютъ имъ наказъ, какъ распорядиться оставшимся послѣ нихъ добромъ.

27. дек. — Воскресенье. Грязь. День почти теплый. Священники совершаютъ обѣдніе, а спустя короткое время, вечерину. Однаго интернированного, который взялъ тайкомъ у повара 10 картошкъ, лагерные власти наказали 2-часовымъ „abbinden“, при чѣмъ солдатъ до того сильно затянула веревками почи голаго человѣка, что тогъ, несмотря на то, что наши ухаживали за нимъ, прикрыли его своимъ одѣяніемъ и т. п., не выдержала этого наказанія и ночью скончалась. Многіе печально смотрятъ на эту жертву, а одинъ гимназистъ силится увѣчить эту картину,

зарисовывая ее на полотнѣ. Голодъ и холода донимаютъ наѣзда все острѣй. О. Единакій говорить, что мы ѿдой талергофской не „наханы“, а только „наляны“ (налиты), ибо поваръ на литръ воды даетъ одну картошку.

Власти свозятъ хлѣбъ, солому, полбу и др. сѣбѣстные припасы лошадьми и волами.

Распространился слухъ, что администрація лагеря намѣрена перевести всѣхъ изъ I. участка въ III, где господствуетъ тифъ. Опасаясь этого, выбираемъ депутацию къ властямъ, съ просьбой оставить наѣзда на мѣстахъ. Въ нашемъ баракѣ, по соглашенію съ врачемъ, издано распоряженіе касательно тифа. Врачъ д-ръ Дорникъ прочелъ лекцію о тифѣ и о предохранительныхъ средствахъ. Собираемъ деньги для больныхъ и нищихъ. Я собралъ 5 кроны 30 геллеровъ и сдалъ ихъ Вл. Венгриновичу. Нѣкоторые студенты изучаютъ французскій языкъ. Дѣяки поютъ коляды.

28. дек. — Главный комендантъ лагеря приказываетъ коменданту бараковъ явиться къ нему ста-раторомъ и говорить, что до сихъ поръ наѣзда власти наказывали плетью, а теперь станутъ прокалывать штыками, ибо вахтенныи отдано приказаніе прокалывать штыкомъ всякаго упрямаго или дерзакаго по итогу мнѣнію интернированного. Тоже самое повторяетъ нашъ комиссаръ Тымчакъ.

By 2 ч. ночи скончался 67-лѣтній крестьянинъ Афанасій Павловскій изъ Галича. Похоронное шествіе сопровождали оо. В. Курилло,

Вл. Венгринович и еще один священник, только до рѣшетки. Дальше запрещено было сопровождать покойника, которого понесли 4 человека из наших, сопровождаемые конвойными солдатами, подъ сосны. Наконец-то Головка получает коку и съ усердіемъ принимается за починку сапогъ. Жаркая ссора изъ-за ламы съ наблюдавшимъ за ея исправностью. Раздают впервые жалование преподавателямъ гимназий. О. Вас. Курило заказывает очки, ибо глаза его ослабѣли вслѣдствіе сырости и драгерныхъ причинъ.

29. дек. — Сегодня раннимъ утромъ одинъ изъ больныхъ, почти въ бреду, взялъ котелокъ и пошелъ къ рѣшеткѣ за водой, ворота были открыты. Постовой солдатъ вѣроятно крикнулъ ему, "стой" (halt), но онъ, сонный, не слышалъ окрика и шелъ дальше, тогда солдатъ выстрѣлилъ и ранилъ его, при чёмъ ранилъ вторымъ выстрѣломъ другого, который побѣжалъ за первымъ, чтобы его вернуть. Раненый тотчасъ же отвѣтилъ въ лазаретъ. Распространился слухъ, что въ лагерьъ воскресъ мертвѣцъ.

Это, вѣроятно, быть болѣй, который находится въ легкомъ летаргическомъ снѣ. Прибывшій медикъ, констатировалъ смерть вѣлько похоронить его. Минимо покойника, положили въ гробъ, въ дѣйствительности въ ящики, въ которомъ обыкновенно доставляютъ въ Галичинѣ ящики, забили крышки и понесли "къ сосновамъ"; въ боковыхъ воротахъ рѣшетки одинъ изъ несущихъ покойника споткнулся, чѣмъ вызвалъ сострясеніе ящика;

почти тотчасъ же, внутри ящика, послышался стукъ, несущіе, въ испугъ, опустили ящикъ и стали отбивать крышку. Лежащий въ ящикѣ пошевельнулся и даже открылъ глаза, тогда вынули его изъ ящика и повели обратно въ лазаретъ. Постовой же солдатъ донесъ властямъ, что мертвѣцъ воскресъ.

Весьма возможно, что провѣра факта смерти производилась медиками небрежно, только для виду. Такой медикъ тыкаетъ предполагаемаго мертвѣца палкой въ разные мѣста тѣла и, если тотъ не шевелится, признавать его мертвымъ, хотя тотъ можетъ находиться въ летаргическомъ снѣ. Что же касается трехдневного срока для похоронъ, то его не придерживаются изъ-за эпидеміи тифа. Въ виду этого могло быть и больше такъ случаевъ, когда мы по приказанію властей хоронили своихъ товарищъ въ летаргическомъ снѣ, сами не зная этого. Только случай съ мнико воскресшимъ открыть намъ глаза на эту полную ужаса возможность.

Гура и Сулатицкий сушать бѣлье у печи. О. Оришевичъ, смотря въ маленькое зеркальце, тщательно расчесываетъ свою бороду. Дѣяки и псаломщики ищутъ старательно въ молитвенникѣ троицы и кондаки къ ближайшему празднику.

Крыша нашего барака до того покрылась дырами, что вода во времена дождя льется струями на наши головы.

Власти прикавали намъ составить списки всѣхъ неграмотныхъ

и учителей, не объявивъ цѣли этихъ списковъ.

Заика мальчикъ, Павель Мизракъ, рассказываетъ о домѣ своего прежняго хозяина. Лѣсникъ Крайникъ (лемко) стѣйой старицъ, худощавый, съ длинными усами и бородой, человѣкъ права тихаго, но болѣзниеннымъ видомъ лица, необыкновенного роста, разговариваетъ со своимъ сосѣдомъ о томъ, какъ теперь проводятъ время зайцы и серны,

сильный туманъ. Фельдфебель приказываетъ всѣмъ намъ выйти на площадь и строиться въ ряды, послѣ чего провѣряетъ нашу численность, дабы уѣздѣться, не удрать ли кто изъ настѣ, но всѣ оказались на лицо.

Изъ „семейнаго барака“ переводятъ части людей въ бараки III участка. Главный комендантъ лагеря издаётъ новыя распоряженія по лагерю и приказываетъ подчинить-

Борьба съ "внутреннимъ" врагомъ.

на Лемковщинѣ, послѣ этого высказываетъ мнѣніе, что лучше всего живеться на сѣтѣ кошкѣ, ибо она всегда найдетъ мышку, а убить кошку не такъ легко, а онъ врядъ-ли доживѣтъ до освобожденія изъ плѣна и возвращенія домой, и скорѣй же придется лежать „подъ сосновами“. Послѣ чего поворачиваетъ и засыпаетъ.

30. дек. — День солнечный и въ общемъ хороший, вечеромъ

ся имѣть съ 1-го января 1915 года. Вслѣдствіе весьма сильнаго тумана никто не выходитъ изъ бараковъ. О. Зацерковный поэтъ, въ которыя выдержки изъ оперы „Лозингринъ“, „Гальки“ Монюшки и „Страшнаго Двора“; приятный тембръ его голоса трогаетъ всѣхъ, даже больные проподымаются и слушаютъ его пѣнѣ стъ видимымъ удовольствіемъ. Послѣ этого присоединяется къ нему Каз. Червинскій и по-

еть съ нимъ коломыки и кракови.

31. дек. — Афера Д., коменданта III участка, и других интернированных. Говорятъ что онъ еще какъ комендантъ ангара, уже присваивалъ себѣ много вещей, которыхъ власти присыпали для интернированныхъ, быть сильно послѣднихъ и вообще обходясь съ ними жестоко, старался нажиться на ихъ счетъ. Предпринята у него ревизия дала уличающіе его до воды. У него нашли много огнѣй, бѣлья, сапогъ и др. вещей. Всѣхъ виновныхъ арестовали, посадили въ тюрьму въ Грацѣ. Это было для настъ маленькимъ нравственнымъ удовлетворенiemъ, ибо впервые лицо, имѣвшее власть надъ жителями ангара, понесло вѣрою газдженіе наказаніе. (Точнее узнать бы можно изъ уголовныхъ актовъ въ судѣ въ Грацѣ). Въ баракахъ III участка есть по нѣсколько комнатъ съ печками, тогда какъ у настъ баракъ представляетъ одну длинную комнату съ 2 печками. Недалеко отъ бараковъ III участка стоитъ церковь съ 2 престолами. Если бы не то обстоятельство, что вблизи III участка находится тифозный баракъ, жить въ баракахъ III участка многие согласились бы, въ виду ихъ большаго удобства. Немножко подальше видѣется арестантский баракъ, баня и землянки.

Власти разрѣшаютъ чтеніе польскихъ и нѣмецкихъ газетъ.

1915 годъ.

1. января. Латинскій новый годъ. Харчи сегодня даютъ получше и 2 раза въ день кофе. День

теплый. Беру съ собою 13 человѣкъ, не имѣющихъ одеждъ, и иду съ ними къ фельдфебелю Новаку, завѣдывающему магазиномъ съ одеждой. Къ радости неизреченной приведенныхъ мною, всѣ они получили по платью, благодаря только хорошему настроению фельдфебеля. О. Курилло покупаетъ въ Грацѣ черезъ агента шахматы. Вотъ цѣна денегъ: Зелесу упала 10-геллеровка въ солому; ставь на колѣни, онъ шаритъ рукой въ соломѣ, раздвигая ее, но все безрезультатно. Лобъ его поморщился, лицо приняло напряженное выраженіе, все ищетъ, все глубже раздвигая солому, наконецъ видѣю, какъ лицо его проясняется, онъ вынимаетъ платокъ, давно не видѣвшій мыла и отираетъ потъ съ лица. Ока зывается 10 геллеровъ были неподалеку отъ доски. Схватить ихъ, онъ, заявляетъ эту monetу въ платокъ и сорвавшись съ мѣста почти бѣгомъ направляется въ лавку съ сѣбѣстными припасами.

3. января. — Послѣ обѣда у паль до того сильный и густой туманъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно. Въ 2 ч. пополудни уже начинаетъ пробиваться сквозь туманъ солнце. Врачъ (медикъ) уменьшилъ число порций бульона, выдаваемаго по рецепту больнымъ, до нѣсколькихъ порций на весь баракъ.

Интернированнымъ выдаются только заказанные письма. Вотъ обычна картина: Базаръ спитъ прикрытъ съ головой датскимъ одѣяломъ, но ноги его торчатъ изъ подъ одѣяла голыя. Одѣяло это онъ старается держать въ возможной чистотѣ, выбивая ежедневно

изъ него пыль передъ баракомъ. Русинякъ, изъ Верхомли, сидитъ на деревянной скамейкѣ, покуривъ голову, печальну думаетъ думу.

4. янв. — Грязь. Кузьминскаго и Моруса переводятъ коменданта участка въ 8-ой баракъ. Кузьминскій сначала объявилъ намъ, что онъ не пойдетъ, ибо если его перевезутъ въ баракъ солдатъ, то и солдатъ его долженъ отвести въ другой баракъ, но послѣ сообщаю, что сказалъ чепуху, говорить, "а что будетъ, если принять солдата и съ чего доброго изрядно поколотить, ужъ лучше пойду по доброй волѣ" — и пошелъ.

Власти объявили списокъ лицъ, которые должны явиться за дорожными (легитимаціями) документами. Можно себѣ представить радость тѣхъ, чьи фамилии были прочтены, ибо это возвѣщало свободу. 6-ой баракъ изолированъ, ибо въ немъ появились заразительныя (эпидеміческіе) болѣзни. Всѣ съ понятіемъ трепетомъ проходятъ мимо 6-го барака и читаются надписи "заразительная болѣзнь". Женщины молятся, подходя къ кресту, и цѣлютъ его, иквотъ жеплачутъ.

О. Сѣлецкій Алекс., "бояринъ" изъ Дошиццы, стоя у окошка кантинъ въ хвостѣ за молокомъ, въ тотъ самый моментъ, когда дошла до него очередь получить чашь стакана молока и уплатить за него, неожиданно покачнулся и упалъ, и подняли мы уже мертвца. Эта мгновенная смерть, въ связи съ появлѣшимися заразительными болѣзнями и большой смертностью, подѣствовала на настъ крайне удручающе. Распространился слухъ, что

село Криница возлѣ Н. Санча сожжена.

5. янв. — День приятный, хотя и свѣжо. Въ 2 ч. пополудни состоялись похороны о. Сѣлецкаго при большомъ скопленіи народа. Еѣ открытымъ гробу, купленномъ въ Грацѣ, вижу покойника, блѣднаго, со склоненіемъ на бокъ головой. Хоронятъ его: оо. Вл. Венгриновичъ, Вас. Курилло, Мих. Вербийцъ и др. Хоръ поетъ превосходно. Чтеніе евангелия о. Венгриновичемъ произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

По сегодня, какъ мнѣ известно, похоронено въ Талергофѣ 250 человѣкъ. Шатры, возлѣ сосноваго лѣса уничтожены и только кучи грязи, угла и соломы, пропитанной влагой, свидѣтельствуютъ, что тамъ недавно жили и страдали тысячи людей.

Буду больныхъ своего барака въ амбулаторію и вижу, какъ несутъ изъ какого-то барака въ лазаретъ тифозного больного. Карапузъ I участка, въ виду распространения заразныхъ болѣзней, удралъ изъ шатровъ, которые стоятъ разваленные. Кантинъ облегли интернированные и стараются купить что только удастся, запасаясь сѣбѣстными припасами, ибо предвидится возможность изолировки бараковъ, а тогда не будетъ возможности выйти изъ барака за покупкой.

6. янв. — Канунъ Рождества Хр. по старому стилю. Павелъ Святковскій, вѣйтъ гмины Мохачки, (лемко), въ 4 ч. утра подѣзжалъ себѣ лѣвую сторону горла ножомъ почти на 2 пальца вглубь, ибо ему снилось, что австрійцы

хотятъ его разстѣрять, думая въ горячкѣ, что лучше самому покончить съ собой. Разбудивъ сестру Жданыка, просилъ его привать священника. О. Зацерковный исповѣдалъ его, не зная смиачала, что такое съ нимъ случилось. Кириловъ, слыша стонъ Святковскаго, спросилъ его, что съ нимъ, получивъ отвѣтъ, что тотъ подѣзалъ, разбудилъ меня. Узнавъ въ чѣмъ дѣло, я призвалъ врача нашего барака, д-ра Дорика, который сдѣлалъ предварительныя перевязки. На утро я повѣль Святковскаго въ лазаретъ.

7 янв. Власти прислали нашему бараку транспортъ бѣлъя для раздачи. На обѣдѣ, ради праздника, раздаются макароны съ какимъ-то постнымъ масломъ. Священники совершаютъ литию, послѣ чего раздаютъ: вино, просфоры и кутью. О. Отто держитъ рѣчъ, всѣ мы, безъ различия партии и народности, жляемъ другъ другу всего наилучшаго. Поемъ въ радостномъ настроении коляды. Павелъ Посацкій, завѣщающій начальникъ училищемъ въ Подбережкѣ, возглѣ Станиславову, благодаритъ священниковъ и Гоцкаго за устроенное торжество по случаю прадника Рож. Христова, на что ему отвѣтилъ рѣчью Гоцкій. На ужинъ получаемъ кофе, молочную бѣлую булку и яблоко.

Комиссаръ Тымчакъ приказываетъ людямъ нашего барака обслуживать 1, 2 и 6 бараки закрытые по причинѣ карантину. Назначаемъ для обслуживания тифовныхъ бараковъ: поляковъ, нѣмцевъ и чеховъ нашего барака, а то изъ-за

того, что они не празднуютъ теперъ. Вечеромъ стоять нѣкоторые люди съ протянутыми вверхъ руками, какъ бы въ молитвенной позѣ, но не всѣ въ дѣйствительности молятся. Солнцышко сквозь открытыя окна проникаетъ въ баракъ, освещая его внутренность и звуки торжественной молитвенной пѣсни — несутся въвысь. Послѣ кофе хоръ дѣвушекъ поетъ коляды, при чѣмъ голоса: Евы Соболевской и Анны Маслянной выдаются среди другихъ особенно ярко; нациа молодежь, сдѣлавъ лошадь и переодѣвшись въ еврейскіе костюмы, стала колядовать среди бараковъ, пока караульные не прогнали ее. За колядующими шла дѣвчата съ кружками въ рукахъ. Сегодня, по приказанію полковника, лагерная власти не начинаютъ уніатовъ и православныхъ на работы.

8 янв. — У Святковскаго, подъ влияніемъ болѣзни, появилась машина пристрѣданія и склонность къ самоубийству, онъ, находясь въ больнице, прокололъ себѣ шиломъ. Эта ненормальность его вызывала со стороны властей приказаніе сдѣлать изъ каждымъ его шагомъ. Къ нему приставленъ специальный сторожъ. Узнавъ о томъ, что онъ прокололъ себѣ шиломъ, мы пришли къ нему и уговаривали его не покупаться на свою жизнь, а сохранить ее для возвращенія въ родныя мѣста.

Видимъ, что за рѣшеткой, погибаетъ вверхъ австрійский солдатъ.

9 янв. — Венгерские солдаты везутъ на телѣгахъ испорченные аэропланы, вѣроятно для починки и

появлять при этомъ венгерскія (венесія) пѣсни.

10 янв. — Грязь. Гуляемъ по доскамъ за сортиромъ возлѣ рѣшетки и покуриваемъ папиросы. Послѣдніе дни отъ бездѣлья, ходимъ спать раньше обычновенаго. Вчера проводили мы заболѣвшаго тифомъ Петра Домбровецкаго въ 20-й баракъ. Полеты самолетовъ за рѣшеткой совершаются постоянно. Нѣкоторые изъ насъ

Одинъ старый дѣдъ, собравъ вокругъ себя кучку людей, учить ихъ пѣть какую-то коляду, размаживая при этомъ рукой и моргая бровью и въ тактъ потупившаго ногой. Такъ какъ пѣвчіе сначала поютъ довольно тихо, то слышится издали только пристукиваніе ногой, но затѣмъ пѣвчіе овѣдѣваются мотивомъ и вдругъ раздается громкое дружное пѣніе коляды.

Сожженіе „живой“ соломы.

отъ бездѣлья выходятъ изъ бараковъ и цѣлыми часами слѣдятъ полетъ аэроплановъ, высказывая свои взгляды на аэroteхнику. Госпиталь получаетъ транспортъ датскихъ одѣялъ и бѣлъя для больныхъ.

Одни въ баракѣ выѣзываютъ изъ деревя табакерки, папироны и скамейки, другіе же моютъ бѣлъя, а иные составляютъ списки пѣсенъ, или же ведутъ дневники жизни въ лагерѣ.

О. Дикий задумчиво бродить между рядами соломы; хоть тѣломъ онъ съ нами, но всѣми своими по-мыслами и душой онъ въ родныхъ мѣстахъ. Костовецкій же моетъ ушать и поетъ: „Христосъ родился, Богъ воплотился“ и „Дивная новина“. Нотаріальный депендентъ Любомиръ Каичмарчикъ, отъ скуки и тоски, не находитъ себѣ покоя.

Отъ бездѣлья затѣяли дурацкую „игру въ войта“. Попытались наконецъ разыгнать остроумную за-

мѣчанія и шутки и такимъ образомъ коротаемъ время.

13. янв. — Дни вѣтренныи и холодныи, люди торчатъ въ баракахъ, ибо холодно. Комиссаръ издастъ почему-то запрещеніе читать газеты подъ стражайшей отвѣтственностью У многихъ изъ насы пальцы у рукъ и ногъ отморожены. Въ амбулаторію перестали принимать больныхъ за отсутствіемъ свободнаго мѣста.

Въ изолированномъ баракѣ № 1, умеръ вечеромъ одинъ народный учитель.

14. янв. — Русскій Новый Годъ и праздніе Василія Великаго. Даже начальство отнеслось, повидимому, къ этому празднику съ уваженіемъ, ибо даютъ намъ на завтра кофе и на ужинъ чай.

Политический комиссаръ издастъ распоряженіе содержать площадь въ чистотѣ и порядкѣ. Народныи учителямъ раздаютъ жалованіе.

15. янв. — День хороший. Аэропланы поднимаются вверхъ возвѣтъ лагеря, къ удовольствию смотрящихъ на ихъ полетъ жителей лагеря.

Въ 5 ч. пополудни состоялись похорони О. Іосифа Д. Черкасскаго. На нашъ баракъ пришло 34 датскихъ одѣяль, которые и раздады неизмѣнныи. Деаэфектируютъ нашъ баракъ извѣстно.

16. янв. — Изъ нашего барака идутъ некоторые купаться. Одни человѣкъ получили кровотеченіе; иду съ народными учителями Богачикомъ искать медика и чуть-чуть не былъ я проколотъ по-стовыи, который не только не хо-

тѣлъ меня пустить за рѣшетку, но даже отказался извѣстить медика, и только бѣгствомъ спасся, а больной до того истекъ кровью, что къ вечеру скончался Власти слова ють людей здоровыхъ подбирать и ссыпать въ кучи картофель, кулленный ими въ значительномъ за насъ, и покрывать его землей для предохраненія отъ холода. Въ госпиталѣ подъ лѣскомъ скончался тифозный больной Джугало.

Въ баракѣ № 1, страшно свирипѣстуетъ тифъ, уже 20 больныхъ тифомъ перенесены въ лазаретъ. По причинѣ тифа закрыты баракъ № 3. Собираемъ деньги подъ баракомъ для вдовы С. Осмотриваемъ картины изъ жизни Талергофа, писавшаго Бандровскими. Столляръ подготовляютъ подсвѣчникъ къ празднику Богоявленія.

17. янв. — Ночью умерло 15 человѣкъ Власти превратили въ спѣшномъ порядкѣ баракъ № 12, въ госпиталь, ибо нехватаетъ мѣстъ въ существующихъ лазаретахъ.

Больного Кашана перевожу въ лазаретъ. Если болѣзни будутъ такъ распространяться, то все равно, нашъ баракъ станетъ лазаретомъ.

Ввиду того, что почти во всѣхъ баракахъ нѣтъ здоровыхъ, за исключеніемъ нашего, власти назначаютъ людей на работу почти исключительно изъ нашего барака по 170 человѣкъ ежедневно.

Изъ-за все новыхъ трудностей и осложнений Перегинецъ отказался отъ обязанности раздавать харчи въ нашемъ баракѣ и эту обязанность береть на себя Гура. Отъ врача получаемъ керосинъ,

которымъ можемъ себя, какъ предохранительнымъ средствомъ, притѣзть заразы.

Въ лагерь доставили два вагона соломы. Новый врачъ д-ръ Полакъ заводить новые порядки, катательно соломы, купанья и проч., но все болѣные скептически относятся къ его распоряженіямъ.

Однин преподаватель гимназии, съ цѣлью заработать, читаетъ всѣ подпадающіе ему въ руки газеты, а нужно признать, что онъ ухитряется всегда раздобыть по нѣсколько газетъ, и за деньги сообщаетъ газетныхъ новостій. За это прозвали его „ходячей газетой“.

17. янв. — По распоряженію врача, отправляемся въ баню, парными купаться, помѣщающіеся въ домѣ изъ бараковъ, где есть даже бассейнъ съ теплой водой. Въ банѣ было такъ жарко, что нѣкоторые изъ настѣ лишились чувствъ; или занялась сестра милосердія, страдающая привести ихъ въ чувство.

На лорданѣ наши священники посвящаютъ воду. Кулики съ Борукомъ раздаютъ на обѣдь мелкую крупу (грисину) съ макаронами.

Власти загоняютъ людей прѣко изъ бани на работу, расчищая снѣгъ между бараками, несмотря на то, что снѣгъ валить комьями и тотчасъ засыпываетъ расчищенное мѣсто. На эту работу взяли также болѣнаго Михаила Русиняка, который покорно поплелся. Я обратилъ внимание постового, что эта работа, пока падаетъ снѣгъ, не имѣтъ смысла, на что получилъ отвѣтъ: „приказъ есть приказъ“.

Снѣгъ падалъ весь вечеръ и всю ночь.

Въ теченіе дня умерло 23 человѣка въ лагерѣ. Д-ръ Майеръ тоже умеръ. Взаправду „Отецъ зачумленныхъ“ Словакіаго является только тѣмъ по своимъ страданіямъ въ сопоставленіи съ тѣмъ, что мы видѣмъ переживаемъ.

18 янв. — Дуетъ холодный вѣтеръ. Освященіе воды вышло величаво. Дѣяки поютъ хорошо. Послѣ обѣда служатъ вечерни. Я все время лежу на соломѣ подъ одѣяломъ, ибо очень зяблю.

Борухъ отказывается отъ своихъ обязанностей коменданта отдѣленія. Вечеромъ вышла процесія съ 12 гробами „подъ союзѣ“, этотъ видъ производитъ удручающее впечатление и вызываетъ тревожное настроеніе у жителей I участка.

Списокъ интернированныхъ нашеаго барака представляется такъ:

I отдѣлъ: Илья Чижикъ, Афанасій Мыдлякъ, Іосифъ Фольварковъ, чиновники почтовыи, изъ Каменя, ѿзда Ниско, крестьянинъ Василій Шулликъ, сапожникъ Михаилъ Бильсь, Георгій Ватильникъ, стьянинъ, работникъ Іванъ Скильникъ, портной Эрнестъ Вейль (нѣмецъ), старикъ Іванъ Новакъ, переплетчикъ Василій Кололій, Василій Глайдъ, чиновникъ изъ Закличина, Василій Тыльсь, Владимира Гоцій, начальникъ податного участка въ Закличинѣ, Василій Бабікъ, Михаилъ Галахъ, Михаилъ Данилюкъ, офиціалъ суда въ Закличинѣ, ѿзда Бекеса; Михаилъ Мельникъ, масникъ, Іосифъ Муринецъ, строительный предприниматель, Іванъ Медлинсь, масникъ, Людомиръ Киїлескій, чинъ почт., изъ Жаби; Іосифъ Ванчикъ, канцеляристъ изъ Закличина.

II. отдѣлъ барака: Іосифъ Поповичъ, Илья Блицакъ, дѣвка изъ Нижанковичъ, ѿзда Перемышль; Максимъ Головка, сапожникъ; Константинъ Осьмакъ, муляръ;

Семенъ Тымчко, рабочій; Иванъ Серебро Степанъ Каичаръ, крестьянинъ; Григорій Старко, крестьянинъ; Максимъ Царуль, столяръ; Василь Федакъ, Василь Басакъ, мясникъ; Фома и Феодоръ Мелешакъ, крестьяне; Василий и Иванъ Лисъ; Игнатій Ксьондзикъ, крестьянинъ; Иванъ Папиринъ, муляръ; Михаилъ Савула, рабочій.

III. отдѣль: Данійл Милько, Доронф Витовичъ, рабочій; Иванъ Балашъ, Данійл Зелесъ, оба рабочіе; Григорій Малинъ, крестьянинъ; Онуфрій Репко, Григорій Конка; дъякъ Николай Сенопра; крестьяне: Николай Салдинъ и Илья Хархалисъ; Онуфрій Роботинцій, Феодоръ Совичъ, Василь Гирній, Михаїлъ Богуцкий, Софоній Шалай; стажъ, при жел., дорогъ, рабочіе: Михаїлъ Галіста; Юрій Банашъ, Николай Бєнько; крестьяне: Иванъ (отецъ) в Михаїль (сынъ) Школьники.

IV. отдѣль: Лебба Вольфъ, Василь и Иванъ Иванчикъ; столяръ Феодоръ Петрышъ; муляръ Иванъ Попельчукъ; рабочіе: Петър Кузмакъ, Феодоръ Папачъ, Лука Пласкунъ, Юрій Стеранка, Михаїлъ Мастюкъ; крестьяне: Андрей Гарбара, Василий Мадей, Антонъ Кузьминскій, Яворскій Петъръ, Стефанъ Салыжинъ, Василий Сукацкій, Феодоръ Зубъ, Василий Фута.

V. отдѣль: Романъ Жолкевитъ, богословъ въ Завищахъ, уѣзда Сокаль, Илья Гавриловичъ, юристъ; Петъръ Клюцъ, учитель; Эміліанъ Гриній, учитель изъ Маластова; о. Іоанъ Златоустъ Отто; о. Михаїлъ Еднакій, изъ Нагуевичъ; о. Влазъ Можнацкій изъ Гирой; о. Василь Феодоръ Курілло изъ Флоринки, Феофілъ Вас. Курілло, коммерсантъ и юристъ изъ Флоринки; о. Савінтъ Кміцикевичъ Богданъ Кміцикевичъ гімназистъ; Михаїлъ Максимакъ, гімназистъ изъ Флоринки; о. Григорій Макарь изъ Угерецъ минералітическій; Владіміръ Савиновичъ Будзинівский, препод. гімназии; о. Романъ Колишевитъ; о. Владіміръ Бачинскій и его сынъ Йосифъ, гімназистъ.

VI. отдѣль: Павель Мизеракъ, рабочій и его сынъ Йосифъ; крестьяне: Конрадъ Жданікъ, Павель Святковский,

войтъ; Илько Трушъ, Феодоръ Базарь, извозчикъ; Бремъ Лука; крестьяне: Григъ Децъ, Павель Барна, Дмитрий и Йосифъ Демчакъ; Иванъ Репакъ, Андрей Ващинецъ Иванъ Войтко, Федъ Гаврилюкъ, Иванъ Малкошъ, торговщикъ Олекса Подсадникъ, лѣсной сторожъ.

VII. отдѣль: Стефанъ Муранецъ, столяръ; Петрашъ Прокопъ, столяръ; крестьяне: Афанасій Павловскій, Николай Евусникъ, Михаїлъ Русснякъ изъ Верхомли великой; Иванъ Мазуръ, учитель; Йосифъ Збривукъ, учт. семенаріи; Василь Базилевичъ, крестьянинъ; Максимъ Карпакъ, портной изъ Климківки, уѣзда Городницкій; Кондатъ, Хом'янъ, крестьянина Иванъ Геній; рабочій Юстинъ Вергачъ изъ Флоринки; Дмитрий Юречко изъ Н. Санча; Иванъ Носекъ, рудокопъ; Патронникъ Йосипъ, Тимофій Букеда, Асаф'ята Крайнякъ лѣсной сторожъ; крестьянина Иванъ Урбанъ.

VIII. отдѣль: Петъръ Вербенецъ, Иванъ Максимовичъ, нар. учитель; Михаїлъ Переянинъ, філософъ військаго університета; Антоній Петрышакъ, Йосифъ Коцьстинскій, земр. вахмістръ жанды: Михаїлъ Теліца, Онуфрій Нестеракъ, земр. нар. учитель; Мих. Ф. Нестеракъ, гімназистъ; Владіміръ Нестеракъ, дѣловодчикъ; Павель Бандровскій, гімназистъ; Александръ Телехъ, гімназистъ изъ Лось; Йосифъ Урбанъ, гімн.; Петра Брунарскій, Илья Сенько, Дм. Дзядкі; — крестьяне: Йосифъ Грабенса, банківский служащий; Вас. Сулима, сапожникъ; Семенъ Гринумукъ, рабочій и Феодоръ Савицкій.

Кром'я выше упомянутыхъ, пребывали еще въ нашыи баракахъ, нѣкоторое время:

Григорій Волкъ, Флайдъ Корнігольдъ, Артуръ Попель, Йосифъ Уейскій, Францъ Йосефатъ о. Алекс. Полянскій, Семенъ Жалінськъ, Йоанъ Томалья, Вікторъ Тенча, Мих. Киріловъ, Антонъ Готфрѣдъ, Якимъ Киріакъ, Лесько Пиличакъ, Евстахій Балабанъ, Онуфрій Орскій, богословъ; Євстахій Вильчинскій, богословъ; Фома Крехъ, Францъ Тухъ, (который работалъ въ кухнѣ); Людівій Могилъ, Матея Маньєръ, кнігопродавецъ; Мечиславъ Крѣбъ, помѣщикъ; Войтъръ Боровичъ, Андрей Шеремета, Владиславъ и

Вацлавъ Родовичъ, Ілья Мовчко изъ Н. Санча; Йоанъ Секурскій, Корній Левіцкій, Антонъ Сулятицкій, Захарій Ставицкій, промышленникъ изъ Сигітницы; Дм.-Р. О. Мастюхъ, Любомиръ Камарчукъ, dependentъ нотаріальний въ Сигітнѣ; о. Феофілъ Камарчукъ изъ Бѣльваровъ, Максиміліанъ Дъячукъ, Генрихъ Боссовскій изъ Ценікковиць; д-ръ Романтъ, Ф. Дорникъ, врачъ; о. Феодоръ Дорникъ изъ Вѣтлинъ; Григъ Старко, Александъ Настанъ, Рожецкій, Владіміръ Камарчукъ, юристъ изъ Бѣлоцеркіи, Михаїлъ Остапокъ, Людівікъ, Гербецъ, Аврамъ Бломенрейхъ, Мельникъ, Заход-

въ лавкѣ, вообще многіе кучками по 2 и по 3 человѣка стоять или гуляютъ, живо разговариваю.

Кучка крестьянъ окружила костеръ, который поддерживаемъ кучками уворованнѣй доски. Пламя костра то потухаетъ, то вновь восплыхиваетъ ярко.

Хотя постовыи запрещено было держать газеты, все таки они ухитряются раздѣбывать эти газеты, ибо продаютъ ихъ наль по цѣнѣ, ибо продаютъ ихъ наль по цѣнѣ.

Дезінфекції бараковъ.

намъ значительно превышающимъ стоимостью газеты. Счастливый обладатель газеты позволяетъ только своимъ закадычнымъ друзьямъ прочитывать эти газеты, но за плату отъ 5 до 20 геллеровъ. Одно членіе же газеты всѣмъ людямъ оплачивается иногда 4 кронами и совершаются со всѣми предсторожностями, дабы постовые не замѣтили этого, ибо могли бы подвергнуть строгому наказанию. Газета

19. янв. — День холодный, не смотря на это нѣкоторые изъ молодежи, стоя возлѣ табачной лавки, долго разговариваютъ съ дѣнушкиами, другіе покупаютъ хлѣбъ

по прочтениі уничтожается, чтобы се не нашли при обыскѣ. Каждый баракъ имѣетъ человѣка, специально занимающагося контрабандою газетъ и газетныхъ сѣдѣній.

20. янв. — Вследствіе отказа Гоцкаго отъ исполненія должности коменданта барака; собраніе живущихъ въ баракѣ общимъ постановленіемъ, вопреки моему желанію, выбрали меня комендантомъ барака. Въ виду этого, я назначилъ замѣстителемъ коменданта Боруха, секретаремъ Гуру, предводителемъ носильщиковъ хлѣба и сѣдѣній, припасовъ Балабана, а Кулика заѣдывающимъ распределеніемъ пищи на завтракъ, обѣдъ и ужинъ.

Въ лагерь умерло 25 человѣкъ. Врачъ д-ръ Дорикъ заболѣлъ тифомъ.

22. янв. — Снѣгъ падаетъ, но довольно тепло. Визиты казенного врача не было. Опасаюсь, что баракъ изолируютъ, ибо д-ръ Дорикъ боленъ, кажется тифомъ. Въ баракѣ пока только 4 больныхъ.

Изъ 4-го барака постыловые загоняютъ здоровыхъ на работы въ земляни. Состояніе у всѣхъ подавленное, а при томъ ужасно скучно.

23. янв — Д-ръ Поллякъ велѣлъ перевести д-ра Дорика въ 12-й (тифозный) баракъ.

24. янв. — Сегодня по приказанію д-ра Полляка перевели въ тифозный лазаретъ Антона Суляцкаго и Копельчукъ. Въ виду того, что въ нашемъ баракѣ констатировали появление пятнистаго тифа, пашъ баракъ д-ръ Поллякъ закрылъ (изолировалъ).

Солдаты за нашимъ баракомъ сдѣлали сортиръ. Три Качмаринка, о. Игнатій Мохнацкій, Назаркевичъ и нѣсколько украинцевъ и холовъ успѣли удрать еще до закрытія нашего барака въ другіе бараки, такъ что изъ правленія барака остались: я Борухъ, Куликъ и секретарь Александръ Тедехъ. Юречко тоже хотѣлъ перебраться въ другой баракъ, но потерпѣлъ фiasco, ибо ни одинъ комендантъ барака его не хотѣлъ принять, какъ человѣка изъ тифознаго барака. Волей-неволей ему пришлось возвратиться въ нашъ баракъ. Ему устроили, по поводу возвращенія, овацию. Нашъ баракъ изолированъ отъ сбѣдѣвшихъ бараковъ проволочными загражденіемъ.

25. янв. — Весь день идетъ крупный снѣгъ. Этотъ первый день карантину проходить довольно весело, по скольку въ такихъ обстоятельствахъ можно быть весельмъ, ибо изъ нашего барака не гоняютъ людей на работу. Люди передъ баракомъ курятъ ляльки и папиросы. Ю. затѣялъ борьбу съ сбѣдѣями и чуть-чуть было не побѣдилъ одного палкѣ къ общему удовольствію скучающей публики.

Сегодня врача у насъ не было, ибо онъ присутствовалъ при комиссии, осматривающей бараки.

Больные лежать безъ медицинской помощи. Здоровые же, одни пишутъ красками на доскахъ картины, другие дѣлаютъ изъ дерева сахарницы, табакерки или чайоданчики. Гоцкій играть въ карты, а священникъ, о. М. чистить платье о. Дионисию Мохнацкому, пораженному отъ сырости куриной слѣпотой.

Дѣяки играютъ въ карты и плюютъ. Однѣ дѣяки, однако, скрестивъ руки, понуривъ голову, его взоръ тупо устремленъ впередъ, о чёмъ онъ думаетъ и думаетъ ли вообще что-нибудь, однѣ Богъ вѣдѣтъ. Другой толкуется о родинѣ, а третій, не отдавая себѣ отчета въ своемъ настоящемъ положеніи, спрашивается, чѣмъ онъ подкуетъ лошадь, когда возвратится домой изъ Талергофа, хотя и толкуетъ смѣю, что неизвѣстно еще, возвратится ли и застанетъ ли дома свою лошадь. Асафѣтъ К., все думаетъ о томъ, что будетъ сть зайцами въ лѣсу, довѣренномъ его надзору — сколько ихъ тамъ еще застанетъ Адолѣфъ К. поѣтъ соціалистический „червоны штандартъ“ (красный флагъ), затѣмъ коломийку, при чёмъ выкатываетъ глаза и наконецъ оретъ благимъ матомъ. Б. есть за четверыхъ, а потомъ молится, бросая косой пытливый взглядъ въ сторону священниковъ, какое производить на нихъ впечатлѣніе его молитвенное настроеніе, но недостигаетъ цѣли, ибо кто-то уже называлъ его фарисеемъ.

27. и 28. янв. — Дуетъ сильный вѣтеръ и падаетъ снѣгъ. Погоду для барака свѣжую солому. Медикъ велѣлъ Хирланову, Юречку и Михаилу Русиняку перейти въ тифозный госпиталь. Но медикъ оказался непутевымъ, ибо Русинякъ, у которого было расширение селезенки, повесилъ на ручной двухколкѣ въ тифозный баракъ. Русинякъ же, зная свою болѣзнь и опасаясь заразиться тифомъ, тотчасъ же удралъ и, не прошло часа, какъ былъ ужъ въ нашемъ баракѣ и пре-

спокойно принялъ за кофе которое къ тому времени намъ принесли. Чѣмъ не имѣть непрѣятности сть медикомъ самодуромъ, я посовѣтовалъ Русиняку перебраться въ баракъ № 18, где Добя съмѣеть справиться съ этимъ нетерпящимъ никакихъ возраженій ново испеченнымъ эскулапомъ.

Богъ однѣ вѣдѣтъ, сколько мимо больныхъ тифомъ эти медики помѣстили въ тифозный госпиталь, чтобы заразились тифомъ.

29. янв. — Изъ 6-го барака берутъ троихъ въ тифозный лазаретъ. Послѣ обѣда сѣгъ перестали падать. Солдаты везутъ дерево и уголь на санихъ. Маленькая худощавая лошадка медленно шагаетъ и звонитъ привязаннымъ къ хомуту колокольчикомъ. На санихъ возятъ таюкѣ и хлѣбъ и гробы. На нашъ баракъ предназначено только 8 порций тощаго молока для больныхъ, а больные — это почти всѣ.

Въ баракѣ холодно и сырьо, ибо власти выдаются весьма мало топлива. Живущие въ баракѣ берутъ, где только возможно, доски или другое дерево и топятъ ими въ печкахъ.

Поваръ, въ виду того, что больные тифомъ не могутъ єсть общей пищи, присыпаетъ въ нашъ баракъ увеличенными порціями капусты, полбы и фасоли, сдобренной воловымъ или овечинымъ мясомъ, или кониной. Капусту Ѵдѣятъ изрядно только лемки. Въ баракѣ находятся 176 человѣкъ, освобожденныхъ отъ перевода въ новые бараки, дабы отбыли 16-дневный карантинъ, часто случается, что ос-

вобожденный заболевает и после выздоровления подвергается вторичному карантину.

Наши крестьяне очень довольны карантиномъ нашего барака, еще не особенно строгимъ, ибо ихъ не берутъ на работы въ эти дни стужи.

О. Дм. Хилякъ открылъ курсъ нѣмецкаго языка для 10 учащихся. Игра въ карты становится до того азартной и страшной, чтоходить иногда до крупныхъ ссор.

Въ лагерь отъ нужды, холода, сырости и тифа, умерло 33 человѣка. Между лагеремъ, въ кладбищемъ, постоянно везутъ умершихъ и вѣроятно мнимоумершихъ. Если Богъ насть не помилуетъ, то скоро всѣхъ насть свезутъ на кладбище.

30. янв. — Сегодня очень холодно. Большая часть людей лежитъ на соломѣ прикрытая всѣмъ, что только у каждого еще есть. Вѣло топить печку досками, ибо стужа нестерпима. Нѣкоторые изъ насть имѣютъ только подобие кожуховъ, ибо эти кожухи вслѣдствіе дезинфекцій паромъ, пришли въ негодность.

Куликъ брѣть людей, Барна, который старательно ухаживалъ за своими усами, ради гигиены по жертвовалъ ими — сбрьль ихъ. Говорятъ, что въ баракѣ освобожденныхъ, но подвергнутыхъ карантину людѣй, вспыхнулъ тифъ и баракъ изолированъ.

31. янв. — Гоцкій освобожденъ, съ нами прощаются, со слезами на глазахъ. Я и о. Ром. Константий прощаются съ нимъ отъ имени всего барака. Отъ сяя-

щениковъ получаетъ напутственное благословеніе. Гоцкій былъ хорошимъ комендантамъ барака.

Февраль 1915 г.

1. и 2. фев. — Руссиянъ, народный учитель изъ Ганчево (Горлицкаго уѣзда), умеръ въ госпиталѣ 2-го февраля. Вл. Гоноцкій, Хроновскъ, Осній Бачинскій, Старко, двое Мелещаковъ, два Лисы, Седра, Качмаръ, Цыруль и Муранецъ, идутъ въ баню, а оттуда переходятъ въ другой баракъ. Люди изъ 4-ого барака идутъ частью въ землянки, частью въ 6, 8 и 9 бараки, а на ихъ мѣсто приходятъ другіе. Комендантъ лагеря, полковникъ, получивъ чинъ генерала, вышелъ въ отставку. Мы свободно вдохнули, ибо надѣемся, что ужъ хуже не будетъ. Вчера капитанъ, произведенный въ маюры, призвалъ всѣхъ комендантовъ бараковъ и обнадежилъ настъ, что къ 1-му марта мы все будемъ дома, по скольку — не будемъ болѣть, или же не умремъ. Утромъ и вечеромъ сильная стужа и густой туманъ.

Вслѣдствіе недостатка движенія у большинства наступили такіе запоры, что только значительныя дозы каломели или глауберовой соли могутъ очистить желудокъ.

Въ баракѣ дѣлаютъ изъ деревянныхъ рамки для картингъ, чемоданчики и подошвы для сапогъ специфическаго Талергофскаго типа. Другие пробавляютъ ничего не стоящее время играй въ карты, многократнымъ члененіемъ одной и той же книги, пѣніемъ, бесѣдами, гуляніемъ и т. п. занятіями.

Перегинецъ, съ иглой въ рукахъ, ведетъ упорную борьбу съ постянико распадающимися по швамъ брюками.

Богданъ Кмидцевичъ сшиваетъ тетрадку для немавѣстной пока цѣли. Софроній Криницкій, засунувъ въ баракѣ лопѣкъ, оглядывается боится по сторонамъ, не видѣть ли его кто-нибудь изъ представителей власти. Въ баракахъ снова курить запрещено. Ж. со сосредоточеннымъ видомъ молится. Базаръ и Трушъ неподвижно лежатъ на соломѣ. Освобожденные съ нетерпѣніемъ ожидаютъ минуты, когда ихъ переведутъ въ карантинный баракъ. На лицѣ ихъ написана горячка ожиданія.

Д-ръ Романъ Дорикъ скончался 2-го февраля въ тифозномъ госпиталѣ. Въ нашемъ баракѣ правятъ панихиду. Утромъ состоялись его похороны, послѣ панихиды четверо людей понесли его гробъ, который на солнѣцѣ ярко блестѣлъ; остальныхъ умершихъ везли другие лица на санкахъ. Мы всѣ вышли передъ баракъ и взоромъ сопровождали похоронное шествіе, прощающее мысленно съ молодыми нашими врачами, сопровождать настъ похороны вслѣдствіе изолировки нашего барака нельзя было.

Отецъ учителя Емиліана Гривы умеръ тоже отъ тифа. Несмотря на закрытые нашимъ барака, какъ тифознаго, врачъ все же разрѣшилъ поставить солдатамъ брать на работы по 20 человѣкъ ежедневно. По причинѣ участившихся смертныхъ случаевъ, всѣ ходимъ какъ убитые.

спиталь. Комендантамъ 6-го барака состоится о. Сенікъ, его замѣститель, о. Калужинскій изъ Бортнаго. Казенные врачи назначили санитара Гребена временно исполняющимъ должность врача при арестномъ домѣ и землянкахъ. 5 фев. — Большого Лашневица перевели въ тифозный баракъ. Копельчукъ, Сулятицкій и Домбро-

Санитарный обходъ.

всей считаются реконвалесцентами. Служащие бани доставили нам с крестьянами полушубки, которые у них были отобраны перед купанием въ баѣ для дезинфекции. Доставленные полушубки сильно попорчены паромъ и дезинфекционнымъ аппаратомъ, такъ что почти крошаются въ рукахъ. Крестьяне, осматривая ихъ, не находятъ своихъ полушубковъ и берутъ любые попавшіеся подъ руку, но, кто поручится за то, что среди этихъ полушубковъ нѣтъ полушубковъ по скончавшимся отъ тифа, которые замѣнили полушубки хорошия у крестьянъ? Видно на главной улицѣ и площади 30 тощихъ, изнуренныхъ и исхудальныхъ людей, силяющихся тянуть възвѣстными припасами къ кухнѣ лагеря, конвоируемыхъ солдатами, держащимися въ лѣвой руки ружье съ штыкомъ, а въ правой изрядной величины палку, которой подгоняется охота лѣнныхъ, по его мнѣнію. Идя подъ угрозой удара палкой, возятъ въз, спереди, съ боковъ и сзади, эти люди или тянутъ за веревку или за дышло, или же подталкиваютъ въз, възвѣстно катится по улицѣ; будь они здоровы, не требовалось бы столько людей, но силы ихъ истощены, и они еле-еле сами могутъ двигаться. Стими идетъ переводчикъ изъ интерированныхъ, понуря голову, ибо ему тошно смотрѣть на эту картина насилия надъ несчастными парижами!

6 фев. — День теплый. Вечеромъ насталъ морозъ. Распространялся слухъ, что выдадутъ намъ списки людей предназначенныхъ къ

отправкѣ въ арестный баракъ; это слухъ вызывалъ среди насъ панику, ибо къ стыду нашему нужно признаться, что вѣроятно среди насъ есть единицы, доносящія на насъ властямъ, а оправдаться невозможно.

Вечеромъ моемъ руки лизоломъ. Куликъ занимается бритвѣмъ и стрижкой волосъ.

Священники вечеромъ правятъ вечерни при участіи хора дьяковъ. Голосъ дьяка Блицака и Поручника особенно хороший.

9. фев. — Двухъ больныхъ нашего барака врачи не принимаютъ въ госпиталь за недостаткомъ маѣста. Въ большей половинѣ бараковъ поголовно вѣсъ больны, такъ что эти бараки представляютъ тоже лазареты.

10. февр. — Послѣ обѣда падаетъ снѣгъ. Въ баракѣ жизнь течетъ мирно и тихо, ибо даже болѣть не сильнѣ охоты. Замѣчаю, что даже досѣль не курившіе втянулись въ куреніе папиросъ и курятъ ихъ одну за другую. Петрышакъ изъ Крипини оковываетъ жестью чехоманчикъ. Нѣмецъ Вейль занятъ починкой носковъ. Гриня и о. Курилло играютъ въ шахматы. Жители деревни Лосья тоже отъ скучи пристрастились къ игрѣ въ карты.

Врачъ велиѣ передаетъ одинъ изъ бараковъ въ госпиталь, ибо больныхъ тифомъ прибываетъ все больше и больше. Аполинарій Филипповскій скончался въ 12-омъ баракѣ. Богданъ Кмицикевичъ заболѣлъ: быть можетъ это тифъ также.

11. и 12. фев. — Въ госпиталь умерли отъ тифа: Галиста и о.

Несторъ Олимпіевичъ Полянский. Послѣдній болѣлъ что-то около недѣли. Онъ окончилъ курсъ богословія въ Римѣ и посѣщалъ философскій факультетъ во Львовѣ, игралъ при этомъ превосходно на цитрѣ. Еще одинъ подающій большую надежду русскому человѣку скончался въ дни своей молодости. Похоронили ихъ утромъ безъ вѣдома и участія родныхъ.

Сегодня умерло еще 12 человекъ. Комиссаръ съ капитаномъ посадили въ арестный баракъ польку Кр.—ву, ибо она къ баракѣ, была причиной непріятныхъ историй и даже ссоръ. Грязь ужасная.

Одинъ рабочій, который еще вчера работалъ, во время визита врача щель къ низу просить касторки и, не дойдя до порога барака, упалъ мертвымъ къ ногамъ врача. И врачъ и сопровождавшій его растерялись, не зная, по причинѣ какой болѣзни онъ скончался, ибо считали его здоровымъ. Эта внезапная смерть подействовала на всѣхъ особенно угнетающе. Говорятъ, что это была холера.

Въ нашемъ баракѣ ежедневно вѣсъ моютъ руки лизоломъ. Священники правятъ панихиду за упокой души блаженной памяти Юлии Демчаковой.

13. февр. — Воскресенье. Берутъ въ госпиталь: Максима Константина, а Богдана Кмицикевича возьмутъ только завтра утромъ. Получаемъ впервые на весь баракъ 7 кусковъ мыла, которое считаю на насъ роскошью.

14. февр. — Больного тифомъ Богдана Кмицикевича берутъ въ госпиталь. Коломыецъ тоже забо-

лѣть тифомъ. День солнечный, чѣмъ воспользовались живущіе въ баракѣ, чтобы выйти передъ баракомъ погрѣться на солнцѣ.

Хотя мы часто писали письма домой, но моя мать ихъ не получила, обезпокоенная тѣмъ, что не получаетъ отъ меня и моего отца извѣстій, она непосредственно защищаетъ коменданта лагеря, живѣемъ ли мы и что съ нами? Комендантъ, встрѣтивъ по дорогѣ о. Вл. Мохнатаго, спросилъ его, живы ли мы, и получивъ отвѣтъ, что живы, официально увѣдомилъ свою матерь обѣ этомъ. На обѣйте получаемъ картофельный супъ, ибо это первый день поста.

15. февр. — Добѣ забольѣ; врачъ сегодня настъ не посѣщаетъ ибо частвуетъ въ комиссии ревизующей бараки. Эта ревизія для насъ всегда весьма желательна, ибо тогда получаемъ значительно лучшую пищу, больные же молоко. Даже фелдфебель Новакъ лично раздаетъ платье въ 9-омъ баракѣ. Люди 6-го барака получаютъ часть своихъ депозитовъ. Приказано тушить электрический свѣтъ уже въ 8½ ч. вечера.

Темно, зажги ночную керосиновую лампу; я не могу успеть и вижу при тускотѣ свѣтѣ, какъ многіе сквозь сонъ то молятся, вытягивая исхудалыя руки впередъ, то встаютъ еще сонные и выходятъ изъ барака, чтобы тотчасъ же вернуться и снова лечь на солому и слышу стоны, вздохи и плачъ, даже одинъ довольно пріятнѣмъ голосомъ съ соотвѣтственной интонацией, философствуетъ про себя. Одинъ старикъ срывается съ по-

стели съ крупными каплями пота на лбу, и открывая глаза и протягивая руки впередь, что-то кричать, а потом вытирая потъ съ лица, снова ложится спать. Все это показываетъ, что мы до того изнурены и изнервничались, что во время сна на насъ душить кошмаръ. Не удивительно, что у меня въ эти темные ночи бродятъ страшные думы.

16. февр. — Всѣ грѣются на солнышкѣ. Я играю въ шахматы съ Мандлемъ, о. Хилякъ и Зѣвъ читаютъ книгу, молодежь играетъ, крестьяне сидя на брускѣ старого сортира курятъ трубки и беседуютъ между собой. Василий Шулика и Асафата Крулевского, какъ больныхъ тифомъ, перевозятъ въ тифозный баракъ. Число жителей нашего барака уменьшилось до 162 человѣкъ. У больного д-ра Могильницкаго наступилъ улучшеніе.

17. февр. — День довольно теплый. Больныхъ: Госифа Урбана переводятъ въ 12-й баракъ, Ивана Школьника въ 17-й. Иду въ амбулаторіи съ однимъ человѣкомъ, оглушившимъ до того, что ничего не слышитъ.

18. февр. — Казенный врачъ д-ръ Поллякъ палъ жертвой тифа и умеръ какъ солдатъ на посту.

19. февр. — Большой ушами, Иван Балашъ переведены въ 14-й баракъ. Вазеты аэроплановъ неудачны, аэропланы падаютъ, а летчики разбиваются.

20. февр. — Колодій имѣлъ 2 полѣна дерева, изъ которыхъ дѣлала палки и держалъ ихъ на полѣнѣ надъ собой. Ночью Тытыкъ, желая итти въ сортиръ и шаря по полѣнѣ схватилъ свою шляпу и не-

чайно задѣлъ рукой за одно изъ полѣнъ, которое скатилось съ полки и ударило въ грудь съ правой стороны спящаго Ватылика, минуя голову спящаго Ксендзыка, я тогдѣ, вмѣстѣ съ Сухимъ, послѣдний съ помощью пострадавшему сдѣлалъ ему перевязки. Съ этикъ поры потерпѣвшій постоянно жалуется на боль въ груди.

Въ берлогѣ, подъ ногами Вейса, крѣтъ вырылъ значительную кучу земли, что на севѣрнаго Вейса сильно подѣствовало. Онъ намъ боязно жаловался, что ему придется умереть.

21. февр. — Сегодня купаются 120 человѣкъ, которые должны завтра отправиться въ Грацъ. Въ баракѣ часто возникаютъ сооруженія изъ того, что выходящіе ночью въ сортиръ, мѣшаютъ другимъ спать, то наступая на ноги спящимъ, то толкая ихъ; при возвращеніи въ баракъ эти ночные пріѣзды, чтобы отыскать въ темнотѣ свое ложе и одѣяло, невольно шарятъ по землю руками, глаза часто ссыпаются пальцами въ открытый ротъ, носъ и глаза; достается при этомъ и рукамъ и бокамъ товарищѣ, ибо идущийничего не видитъ.

Изъ нашего барака переводятъ въ рабочій 4-й баракъ 60 человѣкъ, часть лосьянъ и криничанъ. Эти 60 человѣкъ послѣ купанія въ банѣ, вернулись въ баракъ, наполнили свои мѣшки сѣвѣжей соломой и, взявшись ихъ и другіи свои вещи, отправились въ 4-й баракъ. Многіе изъ нихъ со слезами на глазахъ распрощаются съ нами.

Люди 1-аго барака спятъ се-
годня на голыхъ доскахъ, ибо въ
надеждѣ на получение свѣжей соломы, которой имъ недоставили, выбросили свою истертую солому. Осталось тамъ только 79 человѣкъ, ибо 120 заболевшихъ тифомъ перевели въ тифозный баракъ. Говорятъ, что всѣхъ наст-
переведутъ въ 1-й баракъ.

22. февр. — День теплый. Конференція всего медицинскаго персонала лагеря подъ предсѣдательствомъ главнаго врача. Врачъ нашего барака, послѣ конференціи, заявляетъ намъ, что произведетъ дезинфицію нашего барака. Мы собрали всю солому нашего барака и вымели ее, со всѣми паразитами въ ней находящимися, а баракъ и сложивъ въ одну кучу сожгли ее. Многіе изъ нашихъ пытались уйти въ 1-й баракъ, но вернулись обратно.

Я очень утомленъ и ложусь спать; ночью сняты мѣшкѣ непрѣятные и страшные сны, по причинѣ лихорадки. Часто, подъ влїнiemъ этихъ сновъ, я срываюсь съ постели, но, прида въ сознаніе, вновь ложусь спать. Одніи транспорты освобожденныхъ отправляются въ Грацъ, но и тутъ ждуть ихъ еще непрѣятность въ видѣ ревизіи ихъ вѣщей передъ отѣзданіемъ.

23. февр. — Насъ перевели въ первый баракъ. День хороший. Пользуясь разрѣшениемъ врача, гуляемъ весь день, ибо завтра нашъ баракъ (№ 1) закрываютъ. Посѣщаю Качмарчиковъ въ ихъ баракѣ и осматриваю всю Талергофскую колонию. Нѣмцы въ своей землянкѣ разгостились по своему, а съ

бывшаго нашего барака № 5, власти выбрасываютъ все, что только въ немъ находилось, приготовляя его къ дезинфекціи.

Польскаго ксендза Замойскаго, власти отпускаютъ на свободу, ибо врачъ нашелъ, что у него нѣтъ тифа и что онъ здоровъ. Изъ барака № 1 перевели Труша въ 14-й баракъ, а другого въ госпиталь, какъ бол资料 by tifomъ.

24. февр. — День вѣтренный и морозъ. Холодъ достигаетъ — 8° по Реомору. Въ баракѣ № 1, находятся нары и на нихъ положены сѣники. Увидѣ эти нары, мы немедленно воспользовались ими, чтобы узнать разницу удобства лежанія на нихъ въ сравненіи съ лежаніемъ на соломѣ расположенной на голой землѣ; посыпались восклицанія и дебаты по этому поводу. Мы послѣ этого примыслись по прежнему за обыденныя занятія, кото-
рымъ преддавались въ прежнемъ баракѣ, т. е. занялись игрой въ шах-
маты, вырѣзываніемъ изъ дерева,
дѣлѣа чесомоданчики и т. п., ст. над-
писью „памятка изъ Талергофа“. Это — специальное кустарное про-
изводство въ „стиль Талергоф-
скому“. Изъ барака выходилъ кто хочетъ, ибо караулъ притворяется, что не видитъ выходящихъ, хотя выходить запрещено по поводу установленного карантинна. О. К-
ской пишетъ, играетъ въ карты,

изъ-за таза затѣялъ скору; во время же сна, разговариваетъ съ кѣмъ-то, для него видимъ, но не для насъ. Вообще это человѣкъ нер-
вный, впечатлительный, мозгъ ко-
тораго даже во снѣ не можетъ
бездѣствовать.

25. февр. — День солнечный, но морозный. Отдаю весь наличный инвентарь бывшаго нашего барака и 2 кр. 70 гел. наличными, главному коменданту барака № 1, Кичкѣ. О. Гайдукевичъ, папскій шамбелянъ, соборнъ съ другими священниками, служить молебенъ. О. Сеникъ утверждаетъ, что изъ Града ежедневно приходитъ телефонограмма съ предписаниями, касательно нашего барака, имѣющими силу только въ теченіе 24 часовъ. "Знакомлюсь съ нотариальными депешентами Черкасскимъ Оберъ-комендантомъ участка О. Красицкимъ на вопросъ, что нового, отвѣчаетъ, "что ничего сказать не можетъ, ибо это государственная тайна".

26. февр. — Въ баракѣ холода, ибо живущіе не прикрываются плотно дверей и кромѣ того, потому, что между нарами и землей находится пустое пространство, по которому свободно гуляетъ сквознякъ и снизу поддуваетъ спящихъ. Многіе уже въ виду этого разочаровались въ нарахъ и жалуютъ о томъ времени, когда спали на голой землѣ прикрытой лишь соломой. До нашего прихода врачи, какъ мнѣ рассказывали, перевели изъ первого барака 120 человѣкъ въ тифозный баракъ. Между двумя "сосѣдями по спанью" возникаетъ страстный споръ, кто изъ нихъ лучше играетъ въ карточную игру "керки", сами не въ состояніи решить спора, обращаются одному священнику разсудить ихъ. Постѣ его приговора, начинаютъ разсуждать уже на тему обработки земли и тутъ тоже возникаетъ меж-

ду ними горячая распѣя, которую священникъ разрѣшаетъ въ пользу одного изъ нихъ. Подобныя картины и эпизоды въ этой страшно монотонной и полной страданій и лишеній жизни представляютъ для насъ развлеченье.

27. февр. — Солнышко грѣеть до обѣда, потомъ прячется за тучи. Нѣкоторые гимназисты также играютъ страстно въ карты, и такіе заѣло сорятся.

Вечеромъ скончался отъ тифа о. Коломеецъ, человѣкъ, которому известны были всѣ предначертанія властей, касающіяся насы.

28. февр. — О. Красицкій идетъ подъ карантинъ, какъ предназначенный къ освобожденію. Изъ интернированныхъ Горлицкаго уѣзда, освобождены только: Емельян Грибина, учитель изъ Чернаго, и О. Волинскій изъ Смерековца.

Изъ первого барака пошли подъ карантинъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, еще лица: Костовецкій, Котельницкий, о. Андрей Гайдукевичъ изъ Святого, уѣзъ Ярославль, лавочникъ; Чиринскій Юнинъ, ур. 1858 г., холостой, земеръ машинистъ жел. дороги изъ Загорья, возлѣ Синопи; Терещукъ Андрей, ур. 1885 г., женатый, крестьянинъ изъ Высоцка, возлѣ Ярославля, о. Серединскій Феодоръ, ур. 1877 г., женатый, изъ Быкова, п. Перемыши; Кульматицкій Анатоль, юристъ и его отецъ о. Юлианъ, р. 1860 г. изъ Дроздовъ-и-Перемышль; о. Подолянскій Юнинъ, р. 1869 г., изъ Кобылинъ, у. Яворъ, и его сынъ Владимира, юристъ; о. Ракъ Феодоръ; Солтынскій Ива., р. 1866 г., торговецъ изъ Березки, у. Добромиль; Засѣдковъ Юнинъ, р. 1867 г., крестьянинъ изъ Галича; Мурденскій Корнилъ, р. 1870 г., сторожъ жел. дороги изъ Любачевъ, возлѣ Цицианова и др.

Нашъ баракъ посыщаетъ Бекерскій. Это старикъ среднаго ро-

ста съ лысиной св. Павла, въ длинной, свѣтлой шинели солдатскаго края, окаймленной значительныхъ размѣровъ воротникомъ. Онъ носитъ очки почти на концѣ носа, глядя въ небо поверхъ очковъ свои добрыми и ласковыми глазами. Спокойный, усмѣхливый и уступчивый, онъ до того исхудалъ, что походить лицомъ своимъ на аскета. Приходитъ онъ чаще всего къ о. Дикому и къ другимъ и

такая "Отче нашъ", нѣсколько разъ ловитъ кусающихъ его вѣшей и съ молитвенными словами на устахъ блѣтъ ихъ на обложкѣ молитвенника.

Мартъ 1915 г.

1. марта. — Вѣтеръ сильный и холодный. Вместо О. Красицкаго назначенъ оберкомендантомъ нашего участка полкъ Усѣйскій. Два транспорта освобожденныхъ, вмѣ-

Заразисе отдѣленіе.

потчивають ихъ нюхательнымъ табакомъ и, если кто чихнетъ, онъ, издававшись, отвѣчаетъ "сто лѣтъ вамъ здоровья!" Бекерскій до того блажеходитъ, что напоминаетъ собой монаха.

Коломыцца похоронили въ гробѣ, обитомъ жестью. Въ баракѣ одинъ молится изъ старинного определенного въ кожу молитвенника, украшенного большими количествомъ изображений святыхъ, и, чи-

тѣ съ Гоцкимъ уѣхали въ Грайцъ. Второй баракъ намѣреваются власти передѣлать въ баракъ исклучительно для дѣтей.

2 марта. — Къ Папачу, Португальцу и другимъ призываютъ деньги изъ Сѣнтицы, благодаря высланной "Вл. Мохнацкимъ" телеграммѣ. Матерямъ и дѣтямъ второго барака врачи велиѣль выдать одежду и сапоги въ виду прибытия контролирующей комиссии.

3. марта. — Действительно прѣхала комиссия. Третій баракъ подвергаютъ дезинфекціи. Въ первыхъ баракахъ выбрасываются всі солому со вшами и милліардомъ болѣзнетворныхъ бактерій, пропитанную потомъ и кровью пльменныхъ. Люди нехотя собираются ее руками, принуждаемые къ этому солдатами, которые не позволяютъ брать лопатъ для этой цѣли. Люди изъ третьего барака должны перейти въ пятый баракъ.

4. марта. По баракамъ впервые раздаются по одной ваннѣ, многіе изъ настъ смотрятъ на эти ванны съ такими видомъ, какъ будто впервые въ жизни видятъ что-то подобное, до того мы отвыкли отъ привычекъ культурной жизни.

Власти запрещаютъ играть въ карты, такимъ образомъ отняли у настъ одно изъ главныхъ средствъ нашего развлечения и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ значительного дохода лавочниковъ, торгующихъ этими картами. Дѣти второго барака получаютъ много игрушекъ, какъ-то: сабли, лошадки и т. п. Удалось намъ получить газету, за которую, однако, пришлось уплатить 80 геллеровъ.

5. марта. Фельдфебель берегтъ, несмотря на карантинъ нашего барака, по 30 человѣкъ ежедневно на работу. На жалобу по этому поводу нашего коменданта врачи, получены отъ д-ра Келлера: что разъ фельдфебель требуетъ людей, то надо ихъ ему дать, но карантинъ, не смотря на это, снять быть не можетъ. Между тѣмъ съ момента послѣдняго слу-

чая заболѣванія тифомъ до сегодняшняго дня прошло больше 8 дней.

Въ нашемъ баракѣ въ числѣ другихъ были: Крыжановскій Іоаннъ, ур. 1861 г., купецъ, женатъ, въ Галичѣ; Колваъ Феодоръ, р. 1849 г., крестьянинъ въ Пелесницѣ сам., возѣ Лѣска; Боякъ Яковъ р. 1855 г., жен., и м. оберпостмайстеръ въ Бельѣ, возѣ Сокала; Бурдомицъ Ст., р. 1861 г., жен., крестъ въ Добропольѣ; Трофима Степанъ р. 1863 г., крестъ въ Высоцѣ, возѣ Ярославля; Якубовъ Ив., зм. жандармъ, въ Высоцѣ; Лазоръ Лука, р. 1888 г., холостой, крестьянинъ, въ Яблоневѣ, возѣ Турки, Гвоздязевскій Іосифъ, р. 1861 г., женатъ, польскій въ Галичѣ; Завадскій Петръ, р. 1876 г., крестъ въ Красной, возѣ Крона, Лысенко Ив., р. 1886 г., юристъ, въ Сѣраковицѣ, уѣздъ Перемышля; Махай Ник., р. 1892 г., надъофиціаль суда, въ Перемышля; Цунура Мафей, р. 1837 г., раб., въ Мацивѣ, въ Городицѣ; Смольца Ив., р. 1863 г., крестъ, въ Городицѣ Я.; Гораль Ив., р. 1847 г., крестъ въ Дыковѣ, у Бокозовъ; Вуйцікъ Мафей, р. 1852 г., крестъ, въ Дембовицѣ, возѣ Потрокова; Галантай Петръ, р. 1885 г., крестъ, въ Сувчинѣ, у Доброполья; Подгорецкий Феодоръ, р. 1859 г., обыв., въ Брусилѣ Новомъ, возѣ Цѣшанова; Тымковъ Василий, р. 1861 г., крестъ, въ Липашѣ, у Дрогобича; Емилій Преторіосъ р. 1891 г., абсолютный политехнікъ, въ Переорскѣ; о. Преторіосъ Іос., р. 1867 г., въ Поздичахъ; Черкаскій Романъ, нотаріальный канц., въ Сокалѣ; у. Мостиска; Цибильськъ Ант., р. 1874 г., почтмайстеръ, въ Ярославѣ; Кицкая Павель, р. 1859 г., крестъ, въ Поздичахъ его сынъ Михаилъ, р. 1876 г., юристъ; Сенета Дм., р. 1842 г., кушниръ, въ Старомъ Самборѣ; Конопинскій Єздей (польск.), р. 1868 г., зм. почтовый чиновникъ, въ Риглиахъ, у. Тарновъ; Киселюкъ Влад., р. 1892 г., част. чин., въ Минуцинѣ, у. Надворицъ; Королівскій Іосифъ, р. 1839 г., нар. учъ въ Пядижахъ, у. Колома; Степанъ В., есть тоже помѣжъ Карль Рыбинський, р. 1872 г., банковый чиновникъ и др.

Изъ Грибовского уѣзда приходить письма и деньги. Приходящіе изъ другихъ бараковъ, могутъ съ нами разговаривать только черезъ рѣшетку, ибо намъ подвернутымъ карантину, нельзя выходить за рѣшетку, окружающую нашъ баракъ, а тѣмъ нельзя переходить сюда. Полная изоляція.

6. марта. Сначала тепло, но вѣтъ появившійся до обѣда пронизываетъ холодомъ. Видимъ какъ

послѣдовавшей вскорѣ послѣ смерти трехъ шурьевъ онъ составилъ завѣщаніе.

Чтобы какъ-нибудь раздобыть деньги, многіе въ баракѣ занимаются торговлей тѣмъ, что кому удастся на сторонѣ пріобрѣсти, и такъ: Одинъ продаѣтъ чай, другой сапарь, третій укусъ, тотъ экспелертъ, а иной еще что-нибудь.

7. марта. — День теплый и солнечный. Почти всѣ люди нашего

Д-ръ В. О. Могильницкій за операцией.

на поле упаль аэропланъ и разбился вдребезги. Мелещаки, съ другими изъ второго барака, идутъ въ бани, а поспѣхъ подъ карантинъ.

Умеръ отъ тифа Шулікъ. Говорятъ, что онъ былъ богатый человѣкъ въ Галичинѣ. На телеграмму своей жены, съ запросомъ, живы ли ея три шурина, не отвѣтили, ибо — къ тому времени всѣ они умерли отъ тифа. Передъ смертью,

барака повысили грѣться на солнцѣ.

Арестованы четверо комендантъ тифозныхъ бараковъ за то, что изгѣвались надъ больными и крали у нихъ деньги и цінныя вещи. Произведенная у нихъ ревизія дала, какъ говорятъ въ лагерь, поразительные результаты. У нихъ нашли деньги, золотые часы, кольца, цѣпочки и даже золотую зуб-

ную пломбу, а у одного изъ нихъ даже цѣлый зубъ, покрытый золотой пломбой.

Власти потому запретили играть въ карты, что кто-то проигралъ 800 кронъ и затѣять драку съ обигравшимъ его.

8. марта. — Снѣгъ падаетъ. Мы получили платье и 17 паръ венгерскихъ сапогъ. Получилъ впервые рубашку и прочее бѣлье, въ которое незамедлилъ сѣчайшъ же одѣться, сбросилъ свою бѣлье, котораго уже не сгодно стирать, до того оно было изношено. Теперь я чувствую себя словно обновленнымъ и уже не боюсь, что заболѣю.

9. марта. — День морозный. Въ трубѣ 14-го барака зажглась сажа; капитанъ, съ помощью солдатъ, потушилъ пожаръ. Въ кантинѣ продаютъ булки по 4 геллера, но онѣ крошечныхъ размѣровъ и изъ темной муки. Комиссаръ поймалъ одного въ моментъ, когда онъ продалъ полученную имъ контрабандными образомъ водку и въ наказаніе посыпалъ его подъ арестъ. Въ 6-омъ баракѣ поймали священника на игрѣ въ карты, это навѣло страхъ и на другие бараки и тамъ перестали на время играть въ карты.

Увы, мы получаемъ вещи зараженные и същия почти по одной мѣркѣ, и то получаемъ ихъ всегда передъ прибытиемъ ревизионной комиссии. Понятно, что эти вещи почти никуда не годятся и особенно не подходятъ тѣмъ, кто ихъ получаетъ. Извѣстно, что всегда передаются портному Вейсу (нѣцу), для передѣлки и вслѣдствіе этого у него всегда много ра-

боты. Одинъ проситъ укоротить брюки или душегрѣйку, другой, на противъ удлинять брюки или изъ съузить или же расширить, тоже душегрѣйками: тому она узка другому черезъ чурь широка, тому рукава коротки, другому же длинны и т. д. Бѣдный Вейсъ не знаетъ, за что раньше взяться, а работу надо скоро окончить, ибо можетъ нагрянуть комиссія. Часто можно видѣть людей, ходящихъ въ платѣ сшитомъ изъ кусковъ разныхъ матерій, ибо Вейсъ производитъ починки изъ всего, что ему попадаетъ подъ руку.

10. марта. Холодный день. Получаемъ лекарства за 3—5 кронъ. Священники же получаютъ жалованіе (конгресу). О. Едакій получаетъ письмо изъ Львова, помѣченное январемъ 1918 г. Женевы.

Стецева берутъ въ госпиталь. Въ кантинахъ не хотятъ продаивать масла. Вчера мы наши сѣниники обсыпали нафталиномъ, какъ лучшимъ средствомъ противъ насѣкомыхъ.

11. марта. — И о. Влад. Бачинскій и о. Преторіусъ идутъ подъ карантинъ. Одинъ летчикъ упалился высоты 100 метровъ и убился.

13. марта. — Ночью прибыло въ Талергрофъ 200 плѣнныхъ русскихъ солдатъ привезенныхъ изъ Венгрии. Нѣмцы построили деревянные ворота передъ лагеремъ съ надписью „Лагерь интернированныхъ“. Работа продолжалась два дня.

14. марта. — День теплый и ясный. Идемъ почти всѣ изъ нашего барака купаться въ бани. Батюшка Тофанъ имѣетъ библиотеку

и отпускаетъ другимъ книги для чтенія, взымая по 4 геллера за томъ въ сутки и 1 крону въ залогъ.

Хромого портного за то, что удаѣтъ изъ подъ карантинъ, въ 1-й баракѣ, капитанъ приказываетъ посадить подъ арестъ. На площади читаются громкимъ голосомъ, по скрипке, фамилии освобожденныхъ.

15. марта. — Освобожденные подписываютъ свои путевые легитимации. Толпа крестьянъ собирается возле воротъ. Получаемъ газету, которая переходитъ изъ рукъ въ руки.

16. марта. — У кого-то прошло 20 кронъ. Подоарѣніе падло на невинного крестьянина Тымко за. Комиссаръ приказываетъ ему выйти изъ барака на воздухъ и раздѣлиться почты до ногъ и самъ производить ревизію, держка почту головы человѣка довольно долго на колодѣ. Не найдя у него этихъ 20 кронъ, отпустилъ его. „Бау-офиціалъ“ (техникъ зодчій), запрещающій стирать бѣлье воялѣ сортира. Въ бараки приходитъ парикмахеръ. Людей изъ 7-го барака переводятъ въ 3-й баракъ.

17. марта. — Сегодня день былъ хороший и безвѣтреній. Воздухъ былъ такъ чистъ, что вдали видѣлись Альпийскіе вершины, частично покрытые снѣгомъ. Валеты аэроплановъ не удаются. Часто видно, какъ аэропланъ сразу подымается передней частью вверхъ, почти отъ земли стоя въ воздухѣ. Паденія чаѣты, вслѣдствіе чего, стоящий на горѣ автомобиль тотчасъ же подлетаетъ и забираетъ раненыхъ въ госпиталь. Лемки и бойки долго

стоятъ воялѣ сортира и смотрятъ въверхъ, слѣдя полеты аэроплановъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ во время катастрофы съ аэропланами выпадаютъ изо рта трубки.

О. Д. М. со скучки, не отдавая себѣ отчета, курить одну папиросу за другую, но закуриваетъ одну папиросу отъ другой, лишь въ то время, когда чувствуетъ, что курить уже пустую бумагу. Больѣ глазами, онѣ не можетъ читать и все его дневные занятія состоятъ изъ куреній папиросъ.

Уже второй день повара не даютъ намъ на ужинъ чаю, а только тоцій и жидкий пшеничный супъ О. Александра Полянскаго скончался въ 8 часовъ вечера подъ карантиномъ. Все свое имущество, кото рое имѣлъ при себѣ, онѣ передалъ на руки о. Генриху Полянскому.

18. марта. — Отѣмнѣтъ карантинъ нашего барака. Панихида по о. Полянскому и похороны его въ 3 ч. пополудни. На обѣдъ получили мы впервые жиденький супъ изъ кукурузы.

20. марта. — Почти 100 человѣкъ уѣзжаютъ. Нѣкоторые студенты изъ 3-го барака подверглись наказанію „шпанги“, вслѣдствіе чего населеніе барака избираетъ нового коменданта барака. О. Сеникъ предоставляетъ людей отъ перенасыщенія Ѣдой, реконвалесцентъ послѣ тифа, ибо тѣ, объѣвишись, вновь заболѣваютъ и умираютъ. Въ 1-омъ участкѣ оказалось пять случаевъ заболѣванія тифомъ. Врачи отѣлили аптеку отъ амбулаторіи. Дуетъ холодный вѣтеръ.

21. марта. — Похороны гимназиста Льва Кудѣля изъ Старого

Самбора. Русскимъ изъ Буковины власти запрашаютъ пѣть пѣсни въ баракъ.

22. марта. — Абсолвенты юридическихъ наукъ Д. посадили подъ арестъ за продажу спиртныхъ напитковъ. Толпа людей преимущественно крестьянъ ожидала возлѣ рѣшетки, дабы подписать путевую легитимитату. На завтрашк и на ужинъ даютъ намъ супъ вродѣ лемковской „кеселицы“, но очеви юдкой. Многіе не кушаютъ этого супа, до того онъ противенъ. Послѣ даютъ черный кофе съ сахариномъ. Кислый супъ, въ связи съ кофе и сахариномъ, у многихъ вызываетъ боли желудка. Въ баракѣ такъ ходили, что наши люди приуждали даже ночью топить печки досками.

23. марта. — 50 человѣкъ уѣзжаютъ утромъ въ Грацъ. 2 Качмарчика, 1 Дорикъ, Куликъ и др. идутъ подъ карантинъ.

24. марта. — Влад. Качмарчикъ тоже идетъ подъ карантинъ. 4 лемковъ наказаны одиночнымъ арестомъ за то, что высказали свое мнѣніе о занятіи русскими войсками Перемышля. Изъ Криницъ приходили пакеты на имя Стефана Криницкаго. Такъ какъ постовые приказали тушить лампы въ 8½ часовъ, то въ лагерь и баракахъ такъ темно, что нельзя гулять.

25. марта. — День теплый. Иосифъ Урбанъ получилъ изъ дому посылку съ ёдой и водкой и немедля распаковалъ ее и со свойственнымъ славянамъ гостепримствомъ угощаетъ лемковъ. Старикъ Матвей Ццуру изъ Мацины Великой, переходитъ въ 14-й ба-

ракъ. По общему требованію страшно обросшихъ людей прибываетъ къ намъ браѣдей.

26. марта. — Дуетъ холодный вѣтеръ. На обѣдъ получаемъ кукурузянику и небольшой кислый хлѣбъ. Священники высылаютъ телеграмму съ просьбой объ освобожденіи въ Грацъ, а о. Можнацкий проф. Черкасскому въ Вѣнѣ.

27. марта. — Приглашаютъ съ Кицкой къ Криницкому и Петриашку по случаю получения ими изъ дому пакетовъ со сѣѣстными припасами. Новые порядки въ аптекѣ и амбулатории. Двоя въ Пелагіи Савдовичъ прибыла съ новорожденнымъ ребенкомъ изъ Граца въ лагерь.

28. марта. — Получили вѣтченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ задержанные властями лагеря наши письма. О. Макаръ Григорий получилъ письмо помѣщченное еще 1914 годомъ.

29. марта. — Переходимъ всѣ послѣ бани въ первый карантинный баракъ. Много хлопотъ у насъ съ этимъ, ибо надо выискать удобное мѣсто и поближе помѣстить наши вещи. Новый баракъ имѣтъ 2 комнаты, одну для интеллигентной публики, а другую для крестьянъ. Здѣсь многимъ лучше живется, ибо баракъ чище и свѣтлѣе и имѣть каменную печку. Желательная печки фельдфебель Новакъ перевезъ въ магазины. Баракъ имѣть 2 лампы, умывальную, водопроводъ и что то въ родѣ передней. Въ кантинахъ бѣлаго хлѣба не продаютъ.

Узнаю, что 27-го, власти лагеря наказали двухдневнымъ аре-

стокъ Дм. Собина, Карела Андрея и Ядовскаго ивана (лемковъ), зато, что передали выходящимъ въ Грацъ письма къ своимъ родственникамъ въ Америкѣ съ просьбой о материальной поддержкѣ.

Въ виду того, что 6-ой баракъ подвергнутъ дезинфекції, его жители перевели въ 7-ой баракъ. Старикъ Школьникъ умеръ отъ тифа. Въ виду отказа Кицкой отъ должности коменданта барака, избираютъ на эту должность Преториуса, а его замѣстителемъ Феофилла Курилло. Въ другой части барака где находятся о. Отто со здѣшнимъ Червинскимъ, состоять комендантъ Мазуръ. Власти 30 человѣкъ отпустили на свободу.

30. марта. — День холодный, пасмурно. Изъ ночныхъ приключений: Перегинецъ пошелъ ночью въ сортиръ; постовой солдатъ не пренесъ его задержать и узналъ, что онъ изъ нашего барака, но не дозволяя ему, разбудилъ Преториуса, дабы проверить показанія Перегинца.

31. марта. — Нашъ баракъ выигрываетъ уже не дѣрь Коллеръ, а какой то другой врачъ. Я выхлопоталъ у властей два жгѣльныхъ печки, ибо каменные совершенно отпускаемаго намъ топлива, очень скучно. День холодный и падаетъ снѣгъ. На обѣдъ получаемъ кукурузянику. Кому то удалось где то раздобыть бочонечкъ селедокъ-москаліковъ, которая была на разливъ интернированными разрабраны. Хлѣбъ получаемъ изъ кукурудзы. О. Кирилло подаетъ прощанье черезъ Гельмана о выдаче свя-

щенникамъ жалованія. Гельманъ обязанъ вся пропшн и заявленія къ властямъ дезинфцировать.

Апрѣль 1915 г.

1. и 2. апр. — Сегодня 30 человѣкъ уѣзжаютъ въ Грацъ; въ ихъ числѣ: Соболевский съ супругой и сестры Мокрицкія. Ихъ чьмоданы, сложенные на телѣгѣ, вѣзвѣ старая, сухая и заморенная лошадь. Всѣ мы прощаемъ съ ними и машемъ шляпами. Провѣтряемъ наши вещи възлѣ решетки. Воргать же сторожитъ ихъ.

Нѣсколько дней тому назадъ чиновникъ по политическимъ дѣламъ, въ сопровождѣніи 2 солдатъ арестовалъ д-ра Крушинскаго изъ 30-го барака, но за что, того я не могу узнать. Получаемъ изъ магазина 2 литра вина на весь баракъ. Получаемъ на нашъ баракъ платье и сапоги, которые распредѣляемъ между неимущими въ баракѣ. Богослуженія страстной недѣли совершаются въ обѣихъ половинахъ барака.

3. апр. — День прекрасный. Получаю на баракъ 5 литровъ вина, а хлѣба столько, что небольшая булка приходится [на 4 человѣка, приходится жить впроголодь. У кого есть деньги, и то значительные, тотъ можетъ приобрѣсти вѣтчину, краковскую колбасу, хрынъ и т. п. Всѣ эти мы могли бы купить, но въ три дорога, ибо продавцы стараются использовать недостатокъ сѣѣстныхъ припасовъ, называя на свой товаръ неимовѣрно высокія цѣны. Кантину (лавку съ сѣѣстными припасами) почти всегда осаждаютъ интернированные,

Несмотря на то, что небольшой хлебец стоит 52 геллера, он в миг исчезает, ибо его нарашивают покупатели изголодавшиеся люди. Сегодня почтальон Лейссъ принес значительную почту из Галичины, для раздачи к общей радости всѣх насть. Приготовляемся к празднику Пасхи и моемся, чистим плащ, бреемся, штопаем и зашиваем плащ, бараки тоже чистим и покупаем кое-что к свѣтлому празднику.

Завѣдывающіе печками заготавливают дрова и доски для топки на 4 дня праздниковъ. Священники совершают Богослуженія. Думы мрачны на чужбинѣ, в Штирии, преслѣдуютъ меня, когда вспомни я праздники, проведенные мною дома.

4 апр. — Сегодня первый день Пасхи. Уже 8 мѣсяцевъ томлюсь въ неволѣ. При раздѣлѣ яицъ высказываемъ пасхальный пожеланія. Д-ру Коллеру вѣрено попеченіе надъ семью бараками. Первый участокъ (гофъ) отданъ Пистингеру изъ Галичины. У меня идетъ изъ носа кровь. Я, вмѣстѣ съ отцомъ, и г. Попель помѣщаюсь въ маленькой комнаткѣ, въ другой такой же помѣщается продавщица въ кантинѣ.

7 апр. — Въ 9 ч. утра 20 человѣкъ отправляются въ Грацъ, среди нихъ о. Влад. Бачинскій.

Вчера о. Обушкевичъ изъ Олифента, Па. въ Соед. Штатахъ Америки, прислали 300 кронъ Мих. Дубику для раздачи нуждающимся лемкамъ. Эмигранты изъ деревни Лоссъ (горлицкаго уѣзда) въ Аме-

рикѣ прислали на руки Андрея Капела 250 кронъ для раздачи нуждающимся лосьянъ. На руки Кузяка изъ Богуши (грибовскаго уѣзда) пришло 300 кронъ для лемковъ О. Василій Курилло составлять списокъ интернированныхъ лемковъ.

На обѣдъ даютъ недоваренную кукурузинку („поленту“). Больныхъ тифомъ переводятъ въ новые бараки. Встрѣча юриста Юрия Полошиновича.

8 апр. — Падаетъ дождь. Грязь изрядная. Маленький хлебецъ стоять 52 гел.. булокъ же вовсе не получаемъ. Папаша и я получаемъ письмо отъ о. Мих. Вербицкаго, который чуть ли не первый подалъ о себѣ вѣсточку, другіе освобожденные, хотя и обѣщали писать намъ, но своего слова не сдержали. Головка чесноку стоитъ 24—26 гел., а литръ топленого молока 40 гел. Кусокъ торта (но какого!) — 36 гел. Въ баракѣ находятся слѣдующія лавки: молочная съ хлѣбомъ и булками, которыхъ обыкновенно не бываетъ, колбасная, трафика (табачная) и для „карантинна“, продавющей которой состоится нѣмка (швабка). Въ молочной продавщицей состоитъ панна Зося, ст прислуживающей ей дѣвѣкой; въ булочной поляки, въ табачной — судья Гиссовскій, а въ колбасной русскій изъ-за кордона, у которого получаемъ яблоки, апельсины и другие сѣстини продукты. Говорятъ, что за 4 мѣсяца рижеволосая нѣмка заработка только на одномъ хлѣбѣ и чаѣ 30.000 кронъ. Въ баракѣ прибыла въ поненошномъ и подранномъ плащѣ, теперь же обросла въ перья и засидраетъ носъ вверхъ.

Кромѣ того есть въ баракѣ агенты, которые посредничдаютъ между наими и торговыми фирмами въ Грацѣ, таковы: Феофанъ Морозъ, Ткачукъ, капраль Гельманъ и др. О. Сеникъ проходитъ снимки I и II участковъ (гофа) и кладбища по 70 гел. Подадаются также тайные продавцы спиртныхъ напитковъ, таковъ Д. и другіе. Папиросы продаютъ гимнастисты. Отъ тифа умеръ въ послѣднее время только одинъ человѣкъ.

11. апр. — Врачъ Пистингеръ велитъ составить списокъ людей нашего барака съ цѣлью прививки оспы. Спустя два часа прибыль онъ съ Полякомъ (хехомъ) и заставилъ всѣхъ поддаться этой операции прививки оспы, хотя намъ слѣдовало бы привить противотифозную, а не оспенную сыворотку. Одинъ Буюкъ лишь спасся благъствомъ отъ этой не нужной ему вовсе операции.

Сожженіе „живой“ соломы.

9 апр. — Дезинфекція нашего барака состоять въ томъ, что его внутри спрыскиваютъ лизоломъ. Всѣ, чтобы не портились, мы вынесли на воздухъ и потомъ обратно внесли въ баракъ. Карантинъ для военныхъ талергофскаго лагеря снятъ.

10. апр. — Деньги присланные изъ Америки раздѣляются между лемковъ. Дезинфекція земляковъ и бараковъ III-го участка.

13 апр. — Сегодня три Качмарчика и о. Дорикъ отправляются въ Фельдбахъ на конфинансію (подъ надзоръ полиціи на свободу). Изъ барака выѣзжаютъ около 160 чел. Поляки безъ денегъ ѳдуть въ Лейбницъ, а русскіе изъ Галичины въ Больсбергъ. Они выходятъ партіями. Интеллигентъ занимаетъ телѣгу съ запряженной парой лошадей, на телѣгу складыва-

еъ свои ничтожные пожитки. Въ 4 ч. по полудни, толпа крестьянъ, въ сопровождении солдатъ безъ штыковъ, покинула лагерь и направляется въ Грацъ. "Украинцы" получили 3, 5 или 7 кронъ вспомоществованія, русскіе ничего. Сей-часъ же вслѣдь за ними власти освободили доктора Войтовича, который уѣхалъ на автомобилѣ; Евгений Лейзеръ и Мазеръ сопровождаются всѣхъ со свойственными имъ приворованными. Петрусь прощаетъ слѣпымъ по 2 гел. за кружку.

15. апр. — Сильный вѣтеръ несетъ въ лагерь туманы песку. Постовиши солдатъ замѣнили другими молодыми, ибо старыхъ солдатъ берутъ на фронтъ. Даже славный "ца унда цва" повартъ Гансъ Фашингъ, который прославился среди нась жестокимъ обращеніемъ и побоями разливной ложкой за малѣйшую по его мнѣнію пропинность, долженъ быть отправиться на фронтъ, послѣ чего многіе изъ нась облегчено вздохнули. Подъ карантинъ отправляются: о. Игнатій Монахікій, Гулла и др.

16. апр. — День почти лѣтній. Минъ удалось выхлопотать у повара пищи польз ушата больше для нашего барака.

19. апр. — Несогласія въ баракѣ вызвали рапортъ комисару, который рассудилъ споръ такимъ образомъ, что коменданты обѣихъ частей стали самостоятельными и заботится каждый о своей части. Вечеромъ цѣлая толпа окружаетъ какого-то парубка — работника сидящаго на доскѣ и въ тактъ своей пѣснѣ ударающаго палкой въ доску,

издающюю звуки какъ бы для аккомпанемента къ его пѣснѣ.

22. апр. — Почту разносить молоденчий ефрейторъ. Новый лейтенантъ призываетъ всѣхъ комендантовъ бараковъ къ рапорту. Этотъ же лейтенантъ, приѣзжая неожиданно для нась въ баракъ, увидѣлъ същниковъ играющихъ въ шахматы, почему то разошлись, схватились шахматную доску и такъ сильно ударили сю о столъ, что столъ раскололся.

Среди нась набираютъ охотниковъ на военную службу. Нашъ баракъ отгородили решеткой отъ мастерскихъ.

23. апр. — День пасмурный, несмотря на это уже въ 5 ч. утра мы всеѣ были на ногахъ. Цугсфирерь (въводный) приноситъ чистую бумагу для канцелярии барака. О. Сеникъ отказывается отъ должности плащ-коменданта. Русинъ и Борухъ занимаются шлифовкой найденныхъ по дорогѣ кусковъ мрамора, на которыхъ потомъ вырезываютъ надписи "памятка изъ Талергофа". Эта работа прививается съ томъ и въ другихъ баракахъ.

Судъ надъ Д. Бубнякомъ, ф. Крушинскимъ и прочими.

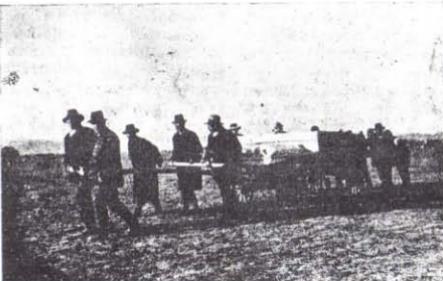
25. апр. — Воскресенье. Гуляю по дорогѣ между бараками. Жаворонки поютъ надъ нами въ воздухѣ. Озимая рожь такъ пышно подрастаетъ, что любо смотрѣть на нее. Главнымъ священникомъ у нась, вмѣсто о. Отто, выпущенного на свободу, состоить о. Григорій Макарь изъ Угерецъ минеральныхъ. Лейтенантъ кого-тъ устраиваетъ отъ должности коменданта барака.

26. апр. — Послѣ 8 дневнаго карантинъ 59 человѣкъ отправляются частью въ Лейбницъ, а частью въ Вольсбергъ, между ними судья Гулла и о. Игн. Монахікій. Падаетъ сильный дождь.

Похороны Еронима Куновскаго.

27. апр. — Въ виду предстоящей ревизии комиссіи приводятся бараки въ порядокъ. Прибывшему генералу рассказываемъ о нашемъ

не такъ она исправна, какъ это бывало во времена завѣдыванія его Лейземъ. Капитана Стрика (Stricka) иѣть уже въ лагерь. Вотъ, какимъ образомъ мы пріобрѣтаемъ картофель: Для чистки картофеля нашъ баракъ обязанъ высыпать 2 или 3 человѣка. Такихъ людей мы всегда снабжаемъ самыми широкими шароварами съ весьма глубокими карманами. Эти люди, чистя кар-

Въ постыднѣй путь.

житъ-быть... Онъ говоритъ по польски. Осмотрѣ бараковъ 1 участка онъ производитъ подробно и довольно милостиво разговариваешь съ delegatами бараковъ, позволяешь имъ высказывать свои желания. Въ 10 ч. утра купаемся. На обѣдѣ даютъ намъ желтую варенную рѣпу. По приказу генерала получаемъ вещи изъ магазина. Дождь падаетъ. Хлопоты съ поѣздой, уже

тофель, крадутъ его потиконку и прячутъ въ свои шаровары и потому продаютъ его намъ.

28. апр. — Собираемъ деньги для одного лемка изъ Воловца. Принимаюсь за изученіе римскаго и церковнаго права (Institution des röm. Rechts u. Kirchenrechts), которая забралъ я изъ Горлицъ съ собою. Пишу секретарю Вѣнскаго университета и прилагаю марку въ

1 крону на отвѣтъ. Д. Дубняка и Гали постѣ 27 дневнаго ареста вы пустили вчера и отправили вновь въ бараки. Очень жарко, жаль что нѣтъ огорода въ лагерѣ.

29. апр. — Люди изъ карантинна идутъ купаться, потому ихъ помѣщаютъ въ 39-омъ баракѣ. Вокругъ лагеря проходитъ похоронная процессія какою то имѣетъ съ музыкой во главѣ. Слышенъ похоронный маршъ Шопена. Опять работы въ полѣ. Для лемка изъ Воловца собрано 5 кр. 40 гел. и передано на руки Авг. Мышковской. Съ папашей и Перегинецемъ гуляю вокругъ но-аго карантинна Зеленымъ кругомъ.

Возвращающіеся, замѣтили одного больного, лежащаго на землѣ, ко торому первую помощь оказала врачъ дѣрь Могилевской.

30. апр. — Боякъ и Завойскій идутъ подъ карантинъ. Завтра всѣ мы должны перейти въ шестой баракъ.

Май 1915 г.

1. мая. — Суббота. Преко димъ въ шестой баракъ. Второе отѣбѣчье прежніго барака, подъ предводительствомъ Маура, выразяетъ протестъ, но вскорѣ успакивается. Устраиваемся въ баракѣ, прибывая къ стѣнѣ полка изъ досокъ. Такъ какъ „полевая кровати“ довольно просторны, то съуживаемъ ихъ. Въ баракѣ А) переходятъ реконвалесценты изъ II участка. Совместно съ Преториусомъ хлопочу о присыпкѣ въ нашъ баракъ мастеровъ. Часть пѣнныхъ закордонныхъ русскихъ идетъ ку да-то, а остальные обмазываются

крыши дегтемъ и зарабатываютъ т. об. по 5 кронъ въ день.

2. мая. — Адресовать къ намъ надо: „An Lagerkommando“ а не „Bewachungskomando“. Постѣ о. Сеника плацкомандантъ сталъ какой-то полякъ, но ненадолго. Послѣ жары падаетъ дождь. Опять является комиссія во главѣ съ генераломъ, который внимательно распрашиваетъ delegatovъ бараковъ. Дѣрь Крушинскій подаетъ ему жалобу, которая навела страхъ на всѣхъ чиновниковъ и военныхъ, держащихъ настъ, что называется въ сковородкахъ рукавицахъ. Можно себѣ представить какими негодовеніемъ они къ намъ запылали. Ватылинъ просить обѣя улучшенніи пищи, такъ какъ ежедневно даютъ на обѣдъ вареную рѣпу и ничего больше. Власти вербуютъ „добровольцевъ“ на фронты. Изъ Гранца привозятъ 14 человѣкъ въ лагерь

3. и 4. мая. — Подъ карантинъ идуть Махай, Ковальский, Сухнай, Милько и др., всѣхъ 9 человѣкъ; на ихъ мѣсто прибываетъ новыхъ 6 человѣкъ.

5. мая. — Дезинфиція нашего барака. Снова таскаемъ свои вещи то изъ барака то въ баракѣ; эта работа заняла намъ цѣлое послѣобѣденное время. Мы какъ жды на пустынѣ таскаемся изъ шатра въ шатерь, а Богъ вѣсть, сколько разъ еще придется намъ такъ скисаться, т. е. въ сущности только топтаться на мѣстѣ. Принимаемъ въ нашъ баракъ Григорія и Николая Гали и Федорка (лемковъ).

6. мая. — Снова 12 человѣкъ отправляются въ Грацъ, среди нихъ и о. Отто. Сегодня прибыва

ть къ намъ санитарная комиссія для осмотра лагеря. Въ кантинѣ можно купить марки для писемъ, но при условіи покупки и бумаги для письма. Заказное письмо стоитъ 74 геллера. Однѣ крестьянки изъ Званики (Уѣздъ Кросно), хотя были освобождены, въ отчаяніи отъ полученныхъ имъ свѣдѣній, бросились подъ ноги, и лишь на другой день нашли его тѣло.

7. мая. — 89 людѣй изъ Тerezin прибыли утромъ и заняли II участокъ лагеря. Евстахій и Романъ Макарь изъ Угерецъ Минеральныхъ посѣщають о. Григорій Макара въ нашемъ баракѣ и разъказываютъ своимъ перипетіямъ. Къ намъ приходять знакомые и прихожане о. Макара, которые были во второмъ, а постѣ въ 20-омъ баракѣ. Транспортъ Тerezинцевъ раздѣленъ на дѣвѣ группы: одна интернированныхъ, которые должны оставаться въ лагерѣ, а другая людей, которыхъ отправляютъ въ разные города подъ надзоромъ полиціи.

8. мая. — Второй участокъ изолированъ отъ первого проволочной рѣшеткой и поставлены кругомъ него сторожевые посты. Снова прибываетъ комиссія во главѣ съ генераломъ; о. Савула пошлетъ подъ карантинъ.

9. мая. — Воскресенье. Дождь весь день и понятно все время преко димъ въ баракѣ. На обѣдъ даютъ по обыкновенію вареную рѣпу. Обѣѣвшись этой рѣпой, мы почувствовали тяжесть въ желудкѣ, вслѣдствіе которой почти всѣ поголовно легли спать, но и во снѣ рѣпа даетъ себѣ чувствовать такъ, что не спящіе были вынуждены суетиться.

Многіе почти всю ночь не спали. Почту разносить по лагерю ефрейторъ Мандль.

10. мая. — Генералъ снова посѣщаетъ лагерь. Вдова Нестора Полянскаго хочетъ посѣтить до отѣбѣда гробъ своего мужа, но власти не разрѣшили ей этого. Запрещается женамъ, мужьямъ и дѣтямъ молитись угроба своихъ родныхъ передъ отѣбѣдомъ.

Имѣемъ нового врача Поллячка (чеха). Врачъ Пистингеръ уѣзжаетъ на фронтъ, онъ былъ довольно хороший и врачъ и человѣкъ и помогалъ намъ сколько могъ. Петро Дицкѣкъ переходитъ въ госпиталь не заразительныхъ болѣзней.

11. мая. Медицинскій осмотръ сегодня производятъ врачи: дѣрь Лайакеръ и Поллячекъ. Сегодня уменьшено число порций, супа съ 28 на 8 на весь баракъ. На обѣдъ даютъ разваренную рѣпу, цѣликомъ не очищенную. Прѣѣзжаютъ въ лагерь два офицера польскихъ легионовъ съ заданиемъ вербовать австрійскихъ и русскихъ поляковъ въ легионы. Многихъ изъ интернированныхъ уже вчера привозили въ воротамъ эти офицеры и предлагали имъ вступить въ легионы.

Генералъ разрѣшилъ читать газеты къ нашему общему удовольствію, ибо это разрѣшеніе все таки подаетъ надежду, что въ будущемъ жизнь наша станетъ неминимо легче.

О. Овичъ пользуется этимъ разрѣшеніемъ береть старую газету, которую онъ читалъ нѣсколько разъ, выходитъ съ нею на площадь и, развернувъ ее съ торжествомъ

щимъ видомъ, начиная читать во всеуслышаніе. Военный судья допрашиваетъ „заподозрѣнныхъ“ или тамъ обвиненныхъ. О. Х. къчитаетъ „Universum“, послѣ чего засыпаетъ сномъ праведнаго, не выпуская изъ рукъ экземпляра этого журнала. Подойдя къ нему, мы прочли заглавіе статьи, которую онъ читалъ. Оказалось, что это была статья „о модахъ“. Очевиди, что чтеніе такой поучительной статьи вліяетъ на мужчинъ пожилого возраста, благотворно убаюкивая ихъ ко сну.

Киселюкъ Романъ и вдова Полянская, идти подъ карантинъ, а Бояко и 40 терапевтъ уѣзжаютъ въ Грацъ. Возлѣ ангаровъ для аэроплановъ власти устроили пекарни. Люди нашего барака употребляютъ въ разговорѣ часто слова: „хомикъ“ и „лапа римская медвѣдѣкъ XVI“. Среди людей изъ Тerezина находятся о. Пирогъ, студентъ Шуминскій, Кимикиевичъ и др. Крестьянинъ Барна заработалъ столько на стиркѣ бѣлыя, что купилъ себѣ впервые въ жизни бинтъ на усы и надѣвъ его кичливо разгуливаетъ по площади съ засунутыми въ карманы руками. Тѣ, котормъ вратъ запретилъ давать мясной супъ, обсуждая это между собой, говорятъ: „Я могу обойтись безъ мясного супа, но почему меня исключили изъ списка получающихъ мясной супъ, не понимаю“. Ненормальный Стефанъ ухаживаетъ за толстой продавщицей булочной и за „Schwester“, чѣмъ приводитъ толпу гуляющихъ въ неописуемое веселье.

12. мая. — Генераль осматри-

ваетъ бараки. Одинъ старый крестьянинъ просить его отпустить его въ виду его старости, съ сыномъ на свободу, отправивъ предварительно подъ карантинъ. Генераль, выслушавъ его, обѣщаѣ разсмотрѣть его дѣло. Ободренный милостивымъ отношеніемъ генерала, старикъ гнусливымъ низкимъ голосомъ, по польски обращается къ генералу: „Ваша эссеїда!“ „Чего хочешь?“ — спрашиваетъ генераль. „Врачъ не хочетъ дать мѣдаль карточки на мясной супъ!“ Присутствующіе улыбнулись. Генераль махнулъ рукой и пошелъ дальше. Читаемъ газеты передъ баракомъ. М. къ береть обычно за одиночное чтеніе газеты 70 гел. Іосифъ (полика), посаженного на 4 мѣсяца въ одиночное заключеніе безъ объясненія причинъ и безъ слѣдствія, выпустили 11-го сего мѣсяца въ часть ночи и направили въ баракъ Кильца въ 7 ч. утра привезъ по приказу властей, въ арестной баракѣ Карела и Дудру. Утромъ ходило, но послѣ обѣда потепѣло.

13. мая. — Дм. Качоръ заболѣлъ тифомъ. Во время Ѳѣдѣ хлѣба смазанного медомъ у меня сломалась зубъ, къ счастью моему я во время это замѣтилъ и выплюнулъ его. Подъ карантинъ, оказывается, отправлены изъ нашего барака Базарь, Середа, Стефанъ Качмаръ, Ковалъ, отецъ о. Калиновича и др. Сборъ для больного Качора. Вечеромъ разговариваемъ съ Шуминскимъ, Романомъ Макаромъ и однимъ крестьяниномъ, который передалъ намъ фактъ преднаѣреннаго убийства постовымъ одного крестьянину. Нѣсколько мѣся-

цеъ тому назадъ рассказчикъ стоялъ поодаль отъ поста и видѣлъ, какъ къ постовому солдату подошелъ другой солдатъ и пособѣгъвалъ ему зажечь папиросу и бросить передъ проходящимъ той дорогой интернированнымъ крестьянамъ, что постовой солдатъ немедля исполнилъ. Крестьянинъ, видя лежащую на землѣ зажженную папиросу, не смотря на то, что курить было запрещено, поднялъ ее и, конечно, счѣтъ стать ею курить. Этого только и ожидалъ солдатъ и, подбѣжалъ къ нему, прокололъ его штыкомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ! Въ настоящее время солдаты чеки къ намъ относятся гораздо снисходительнѣе, чѣмъ солдаты австрійцы.

Сегодня пришли мы въ нашъ баракъ лемковъ: дѣдка Казимира Червинскаго, Гаврана и Олесневича. День жаркий. Возлѣ бараковъ занятыхъ людьми изъ Тerezина торчатъ цѣлая толпа нашихъ, ко торыхъ чешскіе посты не отгоняютъ. Съ почтой нѣтъ порядка, ибо раздаютъ ея 5 человѣкъ. Играю въ шашки съ Федоркой.

14. мая. — Воинский слѣдователь допрашиваетъ меня и о. Кирилла В. Мой протоколъ гласитъ: Феофиль Курилло, 23 лѣтъ отъ роду, гр.-католикъ, свободный, юристъ и практиканть въ уѣздной польской судо-берегательной касѣ въ Горлицахъ, на дому, однимъ изъ вахмистровъ жандармерии „За что арестованъ?“ отвѣчало: „не знаю причину, быть можетъ — Вамъ, господинъ судья, это известно“. „Извѣстите деньги?“ — „не имѣю, но мой отецъ ихъ имѣть“. „Почему онъ сюда не явился?“ — „Потому, что не быть призванъ“. „Ну такъ зовите его“. (Я привѣзъ папашу). Судья тоже распрашиваетъ отца, такъ же его имя и фамилию, сколько лѣтъ, женатъ ли онъ, былъ ли подъ слѣдствиемъ. Отецъ отвѣчаетъ, что въ Новомъ Санчѣ, былъ подъ слѣдствиемъ, по причинѣ анонимнаго доноса. Изъ заподозрѣнныхъ только двумъ были объявлены приговоры: благочинному Сандиничу и его сыну Антону, которые и были разстрѣляны въ Новомъ Санчѣ, а остальные, въ виду появленія въ Н. Санчи холеры, были перевезены въ Талергофъ. Я былъ предланъ военному суду и, какъ видно, освобожденъ. Судья: „Сколько денегъ имѣете вы?“ Отецъ: „въ депозитѣ 400 кронъ и 130 кронъ мѣсячнаго жалованья“. Сегодня воинский слѣдователь допрашиваетъ всѣхъ заподозрѣнныхъ изъ Перемышля, а изъ лемковъ только: д-ра Дм. Собина и его брата Михаила и еще нѣсколькихъ крестьянъ. Душная жара. Мы вѣсъ только въ рубахахъ и штанахъ. На площади нѣкоторые собираются окуки брошенные на землю и, вытряхивая изъ мундштуковъ оставшийся та бакъ, сушатъ его и употребляютъ эту массу на изготовление новыхъ папиросъ. Утромъ, во время завтрака, можно видѣть цѣлую толпу голодныхъ людей, молящихъ о предоставлѣніи имъ остатковъ супа. Получившие его хлебаютъ съ жадностью чисто зѣбриной. Нѣкоторые покупаютъ, этотъ сильно разбавленный супъ по 4—10 гел. за кружку. Воинский слѣдователь уг-

ромъ допрашивалъ Боруха, послѣ чего его переводятъ вмѣстѣ съ Крыжановскимъ, Кмицикевичемъ и Прислопской, въ 34-й баракъ. Надѣ Талергофомъ разразилась буря съ громомъ.

15. мая. — Безчеловѣчное обращеніе старшаго надзирателя арестованаго барака съ однимъ русскимъ интернированнымъ. Неизвѣстно, за что, былъ его палкой по спинѣ и рукамъ и на возраженіябитаго ругалъ его (каналья, свинья и т. п.) и послѣ длительного истязанія, посадилъ его снова подъ арест.

Власти велятъ побѣльть известь бараки извѣнѣ, а возвѣтъ нихъ устроить у стѣны грядки, бороды и посадить въ нихъ фасоль, дабы она, выросши, накрыла стѣны барака. Сильный дождь Кригичъ (Kriegicz) вечеромъ, отправляется въ Гранцъ. Комиссия рассматриваетъ дѣло устройства часовин и спрашиваетъ священниковъ, какой они вѣры, ибо немѣцамъ не было ничего извѣстно объ уніатахъ и они ихъ принимали до сихъ поръ за православныхъ.

16. мая. — Хлѣбъ пекутъ въ Талергофѣ, но онъ уже не тотъ, ибо къ мукѣ примѣщаны отруби и обрѣзки картофеля. Понятно, что многие изъ насы сильно болѣютъ послѣ принятия такой неудобоваримой пищи. Даже солдаты откалились братъ свой паекъ въ видѣ этого хлѣба. Топить печку можно только въ определенное время. Случилось, что кто-то въ баракѣ, по слѣ того какъ поѣлъ этого Талергофскаго хлѣба, заболѣлъ жедулкомъ, и ему нужно было приготовить горячую пищу, для чего

другой затопилъ печку и стальварить воду. Врачъ увидя дымъ изъ трубы нашего барака, сейчасъ прибылъ въ баракъ и, вызвавъ меня, какъ одного изъ коменданттовъ барака, обѣщалъ подать рапортъ на меня, если подобное своеволіе со стороны жителей барака еще разъ повторится. Читало новопоявиившийся юмористический листокъ „Терезинская вошь“.

На обѣдъ, несмотря на жалобы генералу, всетаки подаются рыбь и рѣпка. Встрѣчаю бывшаго гимнастиста второго класса въ Яслѣ, Станчака. Разговариваю съ о. Ка-лужицкимъ по дѣлу вспомоществования для больного Качора.

17. мая. — Дають одну булку недопеченнаго хлѣба на 5 человѣкъ. Хлѣбный голодъ господствує во всемъ лагерѣ.

18. мая. — Работники поправляютъ дорогу за бараками Жара ужасная. Послѣ съѣденія всенепремѣнной рѣпы идемъ спать. Постоянно солдатъ побѣль до крови одного старика, три сына, котораго служили въ австрийской армии и сражались на фронтахъ.

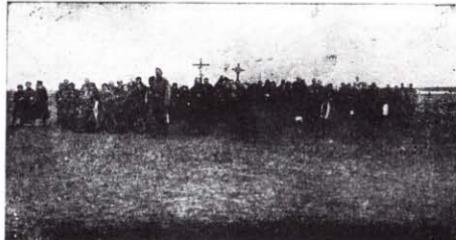
19. мая. — На меня и Кильку подаль Поллячекъ рапортъ, что въ баракѣ, несмотря на напоминанія, топлено въ печи въ недозволенное время. Присутствующій при допросѣ офицеръ Тымчакъ далъ о насы комендантъ лагеря благопріятный отзывъ, говоря, что мы лучшіе коменданты въ цѣломъ лагерѣ. Въ виду этого отзыва комендантъ лагеря выразилъ надежду, что мы, какъ коменданты барака, будемъ стараться строго слѣдить за тѣмъ, чтобы обитатели барака

не топили печекъ въ недозволенное время, и отпустилъ насть.

Къ рапорту представлены тоже были: д-ръ Собин и Прислопская. Главный комендантъ лагеря, (оберштѣ) полковникъ, сегодня почему-то въ хорошемъ расположении духа. Пользуясь этимъ, о. Курилло идетъ къ нему и показываетъ недопеченный хлѣбъ. Увѣя этиотъ хлѣбъ, оберштѣ немедля распорядился забрать у насы этотъ хлѣбъ и выдать замѣсто него лучшій.

спрашиваетъ меня, что сказалъ мнѣ главный комендантъ (полковникъ), не похвалилъ ли мене. Въ отвѣтъ говорю ему, что полковникъ махнулъ рукой на его рапортъ и велѣлъ мнѣ идти въ баракъ.

Мандъ абонируетъ: „Neue Freie Presse“, а о. Курилло: „Nowa Reforma“. О. Х. читаетъ лекцію дѣткамъ, сначала обѣтъ эманципаціи женщинъ, потомъ о грамматикѣ и на конецъ о Шпицбергенѣ. П-ло сначала слушаетъ, потомъ, встаетъ съ

Похоронная процесія

Одна булка хлѣба приходится на 4 человѣка. Въ общѣ затрудненія въ полученіи хлѣба непрѣодолимы. Только сегодня прибывають на двѣрѣ бараковъ инструкцію о многихъ обязанностяхъ и никакихъ правахъ для интернированныхъ. Узнаемъ, что Италия присоединяется къ коалиціи, враждебной Австрии. Говорятъ, что завтра будуть допрошены 400 человѣкъ. 4-й баракъ дезинфицируютъ.

20. мая. — Падаетъ проливной дождь. Врачъ Поллячекъ ра-

время варимъ себѣ чай, супъ и прочее на Примусъ. Хлѣба получаемъ одну булку на 5 человѣкъ. Утромъ получаемъ мучной супъ (пишено рѣдко кто береть), на обѣдъ рѣпу, а наужиѣ кофе. Въ нашемъ баракѣ помѣщается 120 людей. Вечеромъ мы всѣ идемъ гулять, но не надолго, ибо падаетъ дождь.

21. мая. — Первое упражненіе пожарной дружины подъ руководствомъ възводного (капрала) Ревса, и инструкція, какъ пользоваться пожарной трубой.

На обѣдъ гнилая рыба. Много бараковъ возвращаєтъ ее обратно. Сопровождає больного Париничъ въ госпиталь. Въ амбулаторіи дѣлаютъ снимки. Хлѣбъ получаемъ только въ 4 ч. пополудни. Собираемъ деньги на уплату работницамъ въ баракахъ.

22. мая. — Купаемся въ банѣ. Папаша пишетъ письмо Сашѣ К., адресуя его на имя Перегинца (за согласіемъ тойже) черезъ Галазѣтъ (Румынія) для передачи Сашѣ К., ибо всѣ наши письма къ ней были безъ отвѣта. Хлѣбъ получаемъ на 3 дня впередъ. На обѣдѣ: картофельный супъ съ мясомъ неопредѣленного вида и вкуса. „Рада“ одѣваюясь, цѣлуетъ каждую отдельную вещь своего гардероба и также уважительно, какъ эпиграфилъ и фелонъ священника.

23. мая. — Первый день праздника св. Троицы. Бараки украшаются зеленью. По всѣмъ баракамъ священники праѣтъ утреню. Врачу заявляю, что подаваемый намъ супъ невозможенъ, на что онъ отвѣтилъ, что надо обратиться къ полковнику. На обѣдъ получаемъ

ристь, а на завтракъ опять до того скверный супъ, что выливаемъ его въ сортиръ. Дипломатическая сношенія Австрии и Германіи съ Италией прерваны. Хорѣ Терезинцевъ подъ регенствомъ Галушки поетъ хорошо. Сегодня не видно полета аэроплановъ. Проходя около луговъ, слышимъ стрекотанье кузничиковъ и пѣнѣ жаворонковъ и выдыхаемъ въ себя живительный воздухъ, приносимый вѣтромъ съ Альпъ. По баракамъ завелось, кроме обычныхъ и вѣдѣсущихъ насѣкомыхъ, также много новыхъ, какъ напр. муравьевъ и др.

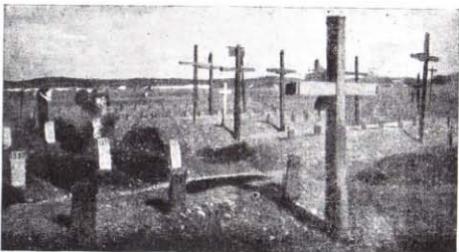
24. мая. — На обѣдъ даютъ неизмѣнную, возненавиденную рыбну, а на ужинъ плохого качества фасоль. По слушаю праздниковъ, гаэзъ не получаемъ. Послѣ обѣда старикъ Ч., лежа на кровати безъ сапогъ и сюртука, разсказываетъ желающимъ его слушать, какъ хорошо въ молодости онъ читалъ „Апостола“ въ церкви и какъ за это углашили его у себя благочинный и совѣтники. Эти разглагольствованія его были прерваны о. Вл. Митрофономъ, ибо недавали ему спать; большинство людей уже спитъ, другие играютъ „въ дураки“, иные же молятся или пишутъ домой письма, даже втихомолку поплакивая и всхлипывая. Распиря Богдана Км. съ Добѣй. У Богд. Км. производятъ ревизію и наказываютъ его одиничноымъ заключенiemъ. На другой день Богд. Км., допрошенніемъ Тымчей, выпущенъ изъ подъ ареста, ибо признанъ невиновнымъ.

25. и 26. мая. — Слѣдственныхъ власти допрашиваютъ нѣкоторыхъ. Получаемъ сегодня на обѣдъ

картофельный супъ и риѣ. Въ лагерѣ мало хлѣба, мы его не только не получили, но даже не можемъ за деньги достать. Вышло приказаніе, дабы тѣ изъ поляковъ, которые не ходили къ допросу, явились въ часъ дня, у воротъ лагеря, для допроса. До сихъ поръ всяку корреспонденцію передавали мы Уѣйскому, Мандло, Папарі и двумъ постовымъ, и часто наши письма не доходили по адресу, теперь же бросаемъ корреспонденцію

кой, поеть удивительно хорошо. Вижу здѣсь о. о. Феленчака, Пи. Пирога и прочихъ.

Часть людей изъ карантинного барака уѣзжаетъ домой на свой собственный счетъ, въ ихъ числѣ: Стефанъ Криницкій. Священникамъ выплачиваются жалованіе. Прошу врача, чтобы вѣльзъ давать одинъ хлѣбъ на 4 ч. ювѣлька, такъ какъ хлѣбъ, который выдаютъ, не хватаетъ, на что получаютъ отвѣтъ, что это невозможно ибо, и мирное

Кладбище „подъ соснами“.

иъ почтовый ящикъ. Одного человека, который сошелъ съ ума вслѣдствіе долгаго одиничного заключенія, отправили къ врачу въ Грацъ, 50 человѣкъ изъ Терезина уѣхали въ Грацъ. Карантинъ наложенъ на Терезинскій отдѣль отѣчищенъ.

27. мая. — Мой первый визитъ у Романа и Евстахія Макаровичъ, которые прибыли изъ Терезина. Хорѣ, управляемый Галуш-

населеніе имперіи не получаетъ больше хлѣба. Получаю на весь баракъ 3 куска мыла и нѣсколько др. вещей.

28. мая. — Получаемъ хлѣбъ, представляющій смѣсь муки, деревянныхъ опилокъ пыли всякихъ др. неудобоваримыхъ примѣсей. Этотъ хлѣбъ вызываетъ у настъ боли въ желудкѣ и головную боль. Генераль пріѣзжаетъ ревизовать ла-

геръ. Онъ милостиво принимаетъ всѣ жалобы. Бараки бѣлья извѣстю. Гвоздевскій показываетъ генералу хлѣбъ. Штирия объявлены на военномъ положеніи. Хлѣбъ сталъ дороже на 4 геллера. Въ баракахъ заведены посты пожарной стражи.

29. мая. — Даются на два дня впередъ горький хлѣбъ. Всю ночь падаю дождь. Переводятъ изъ нашеаго барака 9 человѣкъ въ 19-ый баракъ, въ числѣ ихъ: Сенекъ Брунарскаго и Червинскаго. Иностранные Круля и Вуйцика переводятъ въ 10-ый баракъ. Тѣхъ, которые были подъ карантиномъ, вмѣсто того чтобы выпустить на свободу, вновь, безъ объясненія причинъ, помѣстили въ бараки, задерживая ихъ освобожденіе на неопределенное время (Befehl ist Befehl!) Получаемъ журналъ „Universum“, за 3 крону. Возлѣ кантинъ (лавки) устроили фонтанъ. Изъ газетъ имѣемъ: Neue Freie Presse, „Grazer Tageblatt“ и „Курьеръ Вѣнскій“.

30. мая. — Воскресенье. Утромъ прибыла новая партия интернированныхъ, числомъ 500 человѣкъ, изъ разныхъ городовъ. Среди нихъ православный священникъ Гудимъ изъ Вейнберга и нѣсколько крестьянъ изъ грибовскаго и другихъ уѣздовъ. Ихъ размѣстили частично въ трехъ карантинныхъ баракахъ, частью въ баракахъ №№ 31, 32 и 33. Пелагея Сандовичъ распрашивается о. Гудиму про его жеину. До 28. с. м., интернированныхъ въ Талергофскомъ лагерѣ насчитывалось 5.164 человѣкъ. Однихъ булочниковъ (пекарей) было 40 человѣкъ. Кофе не получаемъ, ибо

его нѣтъ. Получаемъ лишь прескверный супъ, отъ которого у многихъ появился поносъ.

31. мая. — 88 поляковъ, русскихъ подданныхъ, переводятъ въ Штайнакампъ (нижня Австрия). Хлѣбъ получаютъ вечеромъ Дождь падаетъ довольно часто. На плоскости огласили власти фамилии тѣхъ, которыхъ уже давно одержимъ въ Талергофскомъ лагерѣ, но не объяснили причины такого оглашенія. Однѣи старикъ изъ Мостиска живетъ 7-го барака задыха въ банѣ, видно любить сильно попариться. Изъ этого вѣса работники баня привозятъ къ рапорту.

Июнь 1915 г.

1. июня. — Я изучалъ законы, но прихожу къ заключенію, что изучать ихъ не стоитъ, ибо здѣсь въ лагерѣ нѣтъ законовъ, а лишь своеволіе властей и сплошное беззаконіе. Читаютъ газеты. 50 терезинцевъ вѣхъ и на свой счетъ въ Грацъ. На баракъ прислано 3 килограмма мыла. Позже идея: купаться.

2 июня. — Утромъ слѣдственныхъ власти допрашиваютъ интернированныхъ изъ слѣд. уѣздовъ: Новый Санчъ, Горлицы, Грибовъ, Ясло и Броды. Михаиль Дудыкъ и Трембачъ, арестованы, запасли въ арестѣ такъ, что надизиратель послѣ 8 ч. утра засталъ ихъ спящими. Всѣдѣствіе этого онъ поклонился полковнику, что они не исполнили приказа вставать до 8 час. утра. Полковникъ сдѣлалъ имъ выговоръ и выразилъ надежду, что впередъ они этого не сдѣлаютъ

Упражненія пожарной дружины на случай пожара. Лемкѣ почта доставила 15 посылокъ. Мандль раздаетъ ихъ вмѣстѣ съ корреспонденткой, возлѣ нашего барака. Утромъ получаемъ давно ожидаемый кофе, въ которомъ было больше желудей, ржи и т. п. вещей, чѣмъ настоящаго кофе. 8 человѣкъ, среди которыхъ Полянская, о. Дыгдаевичъ и о. Савула освобождены, и отправляются въ Грацъ. Хлѣбъ до того скверный, что никто изъ насъ не принимаетъ его. Еще 80 человѣкъ освобождены и уѣзжаютъ.

3. июня. — Прибыло 300 человѣкъ интернированныхъ въ Талергофъ. Знакомлюсь съ Тустановицемъ. Изъ Сандецкаго уѣзда прибылъ лишь одинъ крестьянинъ изъ нѣсколько женщины изъ Ростоки; изъ Горлицкаго уѣзда тоже нѣсколько крестьянъ. Въ транспортѣ отъ много женщинъ. Вещи ихъ доставлены въ лагерь на телѣгѣ. На плоскости слышится рѣчьпольская, щиганская и румынская, но преимущественно раздается русская рѣчь. Впервые слышимъ салатъ.

4. июня. — Прибылъ транспортъ русскихъ военнопленныхъ. Васильевичъ изъ 30-го барака, по моей просьбѣ, стрижетъ теперь людей нашего барака, но подъ условиемъ, что за это кто-нибудь изъ нашего барака сыграетъ съ нимъ въ шахматы. Власти перемѣщаютъ людей изъ одного въ другой баракъ, какъ будто пѣшки на шахматной доскѣ. Всѣдѣствіе этого Жолкевичъ, Киселюкъ и прочие переходятъ въ баракъ А. Людямъ транспорта изъ Гейнбурга не назначено карантинна

и разрѣшено свободно гулять на площади. Полуумный Стефанъ изъ Бережанскаго уѣзда чутъ было не убить одного крестьянина за то, что тольѣ драинилъ его. Когда шель вводъ солдатъ, мы всегда уступали ему мѣсто, а Стефанъ шель всегда на прямикъ, за что получалъ изрядные побои, ибо мѣшалъ вводу иди. Вахмелевскій идетъ подъ карантинъ въ 15-ый баракъ.

5. июня. — Перемѣшилъ взять австрийцами. Большому Качору приносятъ хлѣбъ и деньги. Нашъ баракъ покидаютъ: о. Оришкевичъ, о. Дикій, Мизераки отецъ и сынъ, Мазур и др. Ужасно жарко. Вечеромъ приходитъ пьяный вводъ-войводы (капранъ) и велитъ очистить грядку фасоли передъ нашимъ баракомъ, на мое заявленіе, что нѣть ни лопатъ ни другого подобного орудия для этой работы, получаю отвѣтъ, что Адамъ и Ева не имѣли подобныхъ орудий, а все таки умѣли варъхъ землю.

6. июня. — Воскресенье. Получаемъ отъ о. Отто открыты съ дороги. Видно, онъ не забываетъ настя. Почту раздаютъ уже 4-ый день возлѣ нашего барака. На почтѣ Пунтигамъ задерживаются посылки съ сѣбѣстными припасами, такъ долго, что наши люди получаютъ ихъ испорченными. Въ лавкѣ можно приобрѣсти салатъ и соевую воду. Внутри въ часовнѣ пишутъ иконы и красятъ иконостасъ. Романъ и Евстахій Макарь живутъ въ нашемъ баракѣ. Жара ужасная, 27° по Реомюру. Многихъ изъ Терезинцевъ высыпаютъ власти въ Грацъ на свободу. Сегодня даются на завтракъ супъ изъ немы

той фасоли, на обѣдъ картофельный супъ съ мясомъ, какъ поговариваютъ, старой лошади, а на ужинъ совсѣмъ скверный супъ неопределеннаго вкуса и цвета.

8. июня. — Въ 4 ч. пополудни температура достигаетъ 27° по Реймору. Лысенко уже самъ моетъ свое бѣлье. Въ ангарахъ находятся аэропланы, которые совершаютъ полеты только утромъ и вечеромъ, днемъ же вслѣдствіе жары этого не дѣлаютъ. Кто-то изъ нашего барака получитъ списокъ раненыхъ и убитыхъ на фронте. Всѣ просматриваются его, нѣтъ ли тамъ родныхъ или знакомыхъ. Хитрый, хвастливый и вѣчно довольный собой Дизю М. сидитъ одѣтый въ кожухъ и жалуется на страшную жару. Кто-то соѣтуетъ ему сбросить кожухъ, но получаетъ отъ него отвѣтъ, что безъ кожуховъ онъ обойтись не можетъ и такъ бы скучали за ними и себя грѣзъ, что умеръ бы, и такъ кожухъ и не снялъ. О. Макаръ, Хилякъ и другие играютъ въ преображеніе, иные читаютъ газеты или бесѣдуютъ между собой. Впервые мы узнали о смерти двоихъ дѣтей о. Игнатія Мохнацкаго изъ Войтковой.

Абигуріентъ Феофиль, заподозрѣнныи въ шпионствѣ въ пользу России, повѣщенъ 18. января 1915 года, на рынкѣ въ Грибовѣ, а Марія звѣрски убита на улицѣ въ Премышль 15. сентября 1914 года. Число невинныхъ жертвъ австрійскаго террора все увеличивается. Изъ Криницы пишутъ, что вербуютъ дѣвицъ въ сестры милосердія австрійскаго Краснаго Креста. Муравьевъ настъя преслѣ-

дуютъ, ихъ всюду въ баракѣ полно. Съ 11 ч. утра до 5 ч. по полудни на улицахъ лагеря почти не видно людей. Всѣ жители прятутся по баракамъ и лежать почтѣ раздѣтые, до того жарко. Михаилъ Нестеракъ идетъ подъ карантинъ. Покидаетъ лагерь 35 человѣкъ.

9. июня. — Въ 12 ч. температура доходитъ до 26°. Поваръ присыпаетъ мясо изъ кухни и велитъ его дѣлать въ баракѣ на горії Скора въ кухнѣ съ поваренкомъ. Дядька Дуфанецъ идетъ въ солдаты въ Новый Санть. Сегодня выѣхало въ Грацъ около 20 членовъ. Въ нашемъ баракѣ находится 101 человѣкъ. Прибываетъ транспортъ въ числѣ 25 человѣкъ изъ окрестностей Коломыи. Тымчакъ велитъ мнѣ писать протоколъ дознаній.

Одинъ изъ только что прибывшихъ инженерированныхъ на вопросъ, за что его арестовали, отвѣтилъ, что одолжилъ какому-то товарищу прокурора суда что-то около 18 кронъ и встрѣтѣ его на улицѣ, просилъ его отдать ему долгу. Товарищъ прокурора не только не отдалъ денегъ, но приказалъ еще доставить его въ Талергофъ, какъ неблагонадежного Г-жу Рубингтер взяла за то, что она, будучи хозяйкой у настоятеля прихода, разговаривала съ о. Левицкимъ, недавно выпущеннымъ на свободу изъ Талергофскаго лагеря и возвратившимся домой.

Феодоръ Мохнацкій, о. Сеникъ Дм. Вислоцкій, Андрейко, Гнатышаки (кромѣ Ореста), Мащакъ Іоанна Дуркотъ и др., идутъ подъ

карантинъ, послѣ которого отправляютъ ихъ въ Вѣну, подъ судъ. Щѣ разболѣлся, а дентиста нѣтъ, его обязанности исполняетъ поваръ. Волѣй-неволѣй иду къ нему. Онъ ткнулъ мнѣ въ ротъ какую-то свою пачкатель и вѣлько уплатить за это две кроны.

10. июня. — Работники изъ нашей братіи работали весь день несмотря на нестерпимую жару, подгоняя кнутами сторожащихъ постовыхъ. Они исправляли дороги, волсили на спилъ дровъ отъ станицы желѣзной дороги въ лагерь, или же выкачивали камни, то какъ невольники тянули возы, то трамбующій дороги валь. Эти несчастные даже не имѣютъ цѣлаго шатла, а отдахъ имъ даютъ только на часъ или два, когда нестерпимая жара даетъ себѣ болѣе чувствовать и сторожащимъ ихъ лѣдъ. Еду получаю очень скучную и потому, если не имѣютъ своихъ денегъ, положительно примѣряютъ стъ голову. Почту получаю исправно, а пакеты съ исключительными сѣйственными принадлежностями. Сортируя распространяется ужасная вонь.

11. июня. Жарко. Качоръ находится въ 7-омъ баракѣ, а Орестъ изъ Нового Санчы въ 19-омъ. Сегодня дежурять въ кухнѣ изъ нашего барака Максимовичъ и Пирогъ. Каждый въ баракѣ получаетъ отдельно порцію мяса и отдельно порцію супа. Такой порядокъ заведенъ по приказанию властей, дабы прекратить воровство кѣмъ-либо поваровъ. На карантинѣ, где находится о. Дикъ, появив-

лись два роя пчелъ, которые были пойманы и помѣщены въ ульи.

Постовые солдаты спокойно смотрѣли и даже выражали по этому поводу радость. Русскіе пѣньи пекутъ хлѣбъ качества значительно лучшаго, чѣмъ наши пекари — „баброши“. Въ кантинѣ берутъ: за 10 гр. „брѣнды“ (специального sorta сухой творогъ) 5 гел., за головку попорченного сала та 14 гел. и за вязанку луку — 60 гел. Читаютъ акты судопроизводства по дѣлу ссыпи Кмыцикевича и Добиѣ въ полюбомъ судѣ, въ которомъ членами состояли д-ръ Орестъ Гнатышакъ, о. Мащакъ, о. Кисѣлевский, д-ръ Могилницкій и д-ръ Саноцкій. О. Жолкевичъ уѣзжаетъ въ Лебинцы. Михаилъ Нестеракъ расказываетъ мнѣ, что постовые солдаты 2 и 3 участковъ быть нашихъ крестьянъ по лицу.

12. июня. — Поваръ „пломбируетъ“ мнѣ вѣбу. Около 600 человѣкъ, преимущественно изъ терезинскаго транспорта, взяты на работы. Жители трехъ бараковъ А, Б и Ц (A, B C) отправлены въ Гминденъ, остается только Ивашикевичъ. Всё дѣлать порядки въ нашемъ баракѣ; утромъ выносить кровати, моютъ полъ и окна и раздаютъ людямъ нафтальинъ, какъ средство противъ вшей, отъ которыхъ нѣтъ спасенія. Власти призываютъ явиться тѣмъ, которые служили на военной службѣ, но не перешли 42-лѣтнаго возраста.

Власти разрѣшаютъ ити около 70 человѣкъ въ 6 час. на кладбище, где о. Влад. Венгриновичъ совершає панихиду по усопшимъ

Хоръ поеть подъ управлением Галушки. Всезем гробы одного русского солдата и остальныхъ австрийскихъ солдатъ; послѣдне украшены деревянными крестами.

Между похороненными находятся самоубіца, австрійскій солдатъ; о причинѣ его самоубѣства многіе разно толкуютъ, но настоящая причина не извѣстна. Одни говорятъ, что душа проколотыхъ и убитыхъ имъ интернированныхъ не давали ему спать; другие, что онъ не могъ больше смотрѣть на талергофскій адъ, и потому жизнь ему опротивѣла, а иные еще что, да мало ли тутъ всякихъ причинъ?

Мы воспользовались разрѣшеніемъ выхода за ограду лагеря и гуляемъ въ сосновомъ лѣсѣ, воздухъ которого благотворно влияетъ на насъ и подкрадѣленные возвращаемся черезъ Карльсдорфъ въ лагерь. Впервые послѣ 10-мѣсячнаго заключенія шли мы черезъ штирийскую деревню, въозъ Галергофа, конечно, сопровождаемы солдатами со штыками. Хлѣбъ выдано намъ на 2 дня впередъ. Григорию Галю изъ Лосиа пропало на почтѣ 50 кронъ, высланныхъ ему изъ его родныхъ мѣстъ.

13. июня. — Совмѣстно съ отцемъ составляю родословную таблицы нѣсколькихъ семействъ Лемковщины. Военные власти беруть на военную службу: д-ра Собину и др. 90 человѣкъ, которыхъ временно помѣщаются въ 32-омъ баракѣ. Д-р Собинъ прощается со всѣми. Власти переводятъ въ карантинный баракъ до 400 человѣкъ,

изъ нашего барака 10 человѣкъ, среди которыхъ: Бенька, Кошку, Бурдяка, Школьника, а изъ 4-го: Головку, Соботицкаго и др. людей, изъ уѣзда Ярославскаго и сосѣднихъ. Всѣ прощаются, плачутъ, причитаютъ и даже стонутъ. Крики раздаются со всѣхъ сторонъ. Всѣ скопляются возлѣ бани.

Посыщаю выздоровливающаго Дм. Качора, который, чувствуя себя очень слабымъ, лежитъ неподвижно на нарахъ. Я убѣждою его, если еще сможетъ, гулять по площади, на солнцѣ. Послѣ же съ болѣйшимъ Трембачемъ изъ Лосиа иду въ аптеку уже въ третий разъ за глазными лекарствами. Получаю супъ, что-то вродѣ лемковской „киселицы“ овсянки. Супъ этотъ единодушно прозвали мы „гальюпка“, что значитъ „быти отъ него галопомъ“.

На товарныхъ самоходахъ летчики, увозъ испорченный аэропланъ, уѣзжаютъ и при этомъ поютъ пѣсни. Всѣдѣ за ними идетъ толпа людей, около 100 человѣкъ, выпущенныхъ на свободу. Среди нихъ вижу: Червинскаго, Петра Брунарскаго и др. Идетъ проливной дождь.

Въ нашемъ баракѣ насчитывается теперь всего 93 человѣка. На весь баракъ получено 3 килограмма мыла. Писаремъ нашего барака состоится Лысенко, ибо „ради“ получила постъ коменданта I участка. Передъ обѣдомъ выѣхало въ Грацъ еще нѣсколько человѣкъ.

14. июня. — Ночью шелъ проливной дождь. Изъ Кракова привезли 25 человѣкъ, а изъ Криницы: Ольга и Марія Гнатышакъ. Туста-

новичъ помѣщенъ въ нашъ баракъ. О. Василъ Курило, философъ Перегинецъ, о. Дион. Мохнацкій, Бандровскій, Блищацкъ и я, переходимъ въ 21-ый баракъ, который на первый взглядъ уютнѣе и удобнѣе прежнаго барака. Чувствую себя очень утомленнымъ и стараюсь отдохнуть, а впрочемъ, все — отыхъ. Бекерскій сердечно прощается съ нами, не забывая своей привычки

„гдѣ живутъ здѣсь дѣвки?“ „я не знаю, гдѣ подобны созданія обитають“, отвѣчаю я и обратно иду въ баракъ. День сегодня теплый и пріятный. Концертъ Гринберга.

16. июня. — Прозиватели нашего барака идутъ купаться. Ночью, почти съ рассвѣтомъ, прибыло 25 человѣкъ изъ Дрогобычскаго уѣзда. О. Гнатышакъ пріѣхалъ изъ Граца. Упражненія пожарной дру-

Панихида на могилѣ о. Олимпія Полянскаго.

потчеванія насыпютъ та-
бакомъ, съ никакимъ поклономъ.

15. июня. — Ночью приморозокъ. Комендантъ барака состоѣтъ о. Козиневичъ. Въ баракѣ есть два отдѣленія. О. Вахнянинъ заканчиваетъ въ Грацѣ три книги. На почтѣ все таки безапордки. Дежурю въ баракѣ съ 12 ч. ночи до 6 час. утра. Одинъ пьяный солдатъ ночью зоветъ меня и спрашиваетъ:

жини. Исправляютъ 22-ой баракъ, а его жителей временно, до окончанія починки, распредѣляютъ пососѣднимъ баракамъ. Мих. Собинъ исполняетъ обязанности раздѣляющаго въ баракѣ порціи. Слѣдственная власти допрашиваютъ лемковъ изъ горлицкаго, сандецкаго и грибовскаго уѣзда. Федорко, студентъ академіи художествъ, написалъ довольно удачно портретъ

О. Василій Курилло. Я уже со дня прїїзда въ Талергофъ переведенъ въ десятый по счету баракъ. Почта доставляетъ въ лагерь много денежныхъ переводовъ на имя интерированныхъ. Эти деньги даютъ возможность покупать съѣстные припасы и одежду. Не будь этихъ денегъ, смертность въ лагерь возросла бы до страшныхъ размѣровъ.

17. іюня. — Михаиль Максимчакъ. Поруцдло и др. „добровольцы“ переходятъ въ III баракъ. Сегодні утромъ выпущено на свободу 100 человѣкъ. День хороший. Тымчакъ назначилъ мене сократицо въ свою канцелярію. Составляю протоколы и ежедневные списки для двухъ госпиталя.

18. іюня. — Власти принуждаютъ насть записываться въ пожарную дружицу. Продолжаютъ допрашивать крестьянъ — лемковъ. Больше писать не могу, ибо поранилъ пальцъ. Ерачъ третьяго участка Вейсса смазалъ мой палецъ юдомъ, облилъ рану йодной настойкой и наложилъ на него пластырь.

19. іюня. — Вѣльно собираять въ нашемъ баракѣ по 10 гел. съ человѣканна уплату прислугѣ барака.

20. іюня. — Цѣлый день льеть дождь лиxивъ. Ночью ст. транспортъ. Интерированныхъ привѣтилъ о. Ioаннъ Русинякъ, парохъ изъ Королевской русской (уѣзда Грибовъ) и др. Отъ прибывшихъ узнали, что въ клиникѣ въ Вѣль скончался преподаватель гимназии въ отставкѣ Иванъ Черкавский, бѣженецъ изъ Галичини.

21. іюня. — изъ Америки приходять деньги на руки Собинадля разда-

чи лемкамъ. 150 человѣкъ отправлены подъ карантинъ. Постщи о. Ди-каго и о. Хомина. О. Русинякъ переходитъ во 23-й баракъ. Здѣсь совершаютъ обѣдню и читаетъ молитвы до и послѣ єзы о. Полянскій. Тымчакъ возвратился изъ Граца только въ 9 ч. вечера. Онъ получилъ телеграмму переводающуего его въ Перемышль. Прощаясь со мной, онъ оставилъ мнѣ на память пузирки красныхъ и зеленыхъ чечерницъ.

22. іюня. — Въ 3-мъ участкѣ пищу даютъ лучшую, чѣмъ въ первомъ и даже во время жары орошаютъ землю водой. Снова прибыло въ лагерь 45 человѣкъ изъ Ярославскаго и Дрогобычскаго уѣздовъ. Одна партія изъ подъ карантинна уѣзжаетъ въ Грацъ. Въ лагерь можно купить пустигальское пиво по 30 гел. за бутылку и конденированное молоко въ жестяникахъ.

23. іюня. — Жарко. Въ пожарную команду вербуютъ насильственно и заставляютъ вести ежедневно упражненія во время жары до 6 ч. вечера, поэтому я удираю въ 6-й баракъ и торчу тамъ до 3½ часовъ. Должностъ Тымчака принялъ судья Величковскій. Допрашиваютъ: Якова Вислоцкаго, о. Гумецкаго, о. Василия Дорика, о. Милянича и др. О. Миляничъ присудили къ двухгодичному тюремному заключенію. Сегодня скончался Іосафатъ Крулевскій, служащий „Лемк. Кассы“ изъ Лѣщинъ, горлицкаго уѣзда. Онъ заболѣлъ тифомъ и лежалъ въ изолированномъ баракѣ. Подъ влияніемъ жара, въ бреду, онъ хотѣлъ удрать изъ барака и выбѣжалъ, постовой сол.

датъ окликнулъ его, но тотъ продолжалъ бѣжать, тогда солдатъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ выстрѣлилъ въ него и убилъ его. Такъ скончался тихій а ревностный патріотъ.

300 работниковъ должны выѣхать въ Австроію на работы, ожидаются только агента. Сегодні выдаютъ изъ фасоли и кукурузянку. Въ баракѣ, какъ обыкновенно, одни играютъ или въ карты или чечерницъ.

О. Киселевскій совершаєтъ панихиду при участіи хора. 55 лѣтнихъ мужчинъ переводятъ въ 19-й баракъ, а людей до 53-го года наряжаютъ всѣхъ въ „добровольцы“. Іосефертъ передаетъ намъ, что Кжижикъ взялъ въ солдаты, а его же-ну выпустили на свободу.

25. іюня. — Сегодні идемъ купаться. Возлѣ сортира строятъ новые бараки. Беруть въ солдаты интерированныхъ.

Послѣ похоронъ.

итъ шахматы, другіе варятъ чай или супъ собственного изобрѣтенія, а треты курятъ напіры и бесѣдуютъ о чѣмъ-то или просто раздумываютъ. Бл. єсть кукурузянку и запивають ее кофе. Чашка кофе въ лагерь стоитъ 24 гел. Работники копаютъ землю за воротами. Изъ Перемышля прибыль транспортъ въ 50 человѣкъ.

24. іюня. — 2 сотни людей отправляются на кладбище „подъ со-сами“, помолиться за усопшихъ,

Составляю списокъ лемковъ горлицкаго уѣзда, подлежащихъ отбыванию воинской повинности. Вечеромъ получаемъ супъ съ картофелемъ и капустой. Опять переселеніе, изъ шестого барака всѣхъ въ 20-ый, а всѣхъ изъ 20-го въ 22-й. Для чего такое перебрасываніе людей изъ одного барака въ другой, не извѣстно. Оберлейтенантъ допрашиваетъ всѣхъ тѣхъ, которые покупали табакъ у Дейтшера. Онъ слиш-

комъ поздно взялся за раслѣдованіе этого дѣла, ибо много важныхъ свидѣтелей уже покинуло Талергофъ. Въ баракѣ производимъ чистку вещей, пола и т. п. Вечеромъ запрещено въ цѣломъ лагерѣ зажигать огни и лампы, видимо опасаются полета непрѣятельскихъ аэроплановъ. Ночью бури.

27. июня. — Составляю списокъ новобранцевъ изъ шести ѿзводъ. Феленчакъ приходитъ въ нашъ баракъ. Приводятъ въ порядокъ шесть бараковъ, вѣроятно для новыхъ интернированныхъ.

28. июня. — Ночью идетъ дождь, утромъ воздухъ чистъ и свѣжъ. Годовщина смерти Фердинанда, на наслѣдника австрійскаго престола. Панихида въ церкви. У О. К. развелась страсть къ словопрѣнѣянию, онъ очень радъ, если его слушаютъ. Повторяя нѣсколько разъ

свой выводъ или взглянуть, онъ говоритъ своему слушателю, «слушайте, но вѣдь не въ этомъ дѣлѣ», и дальше развиваетъ прямо противоположный взглядъ, на что слушатель даетъ отвѣтъ: жаль что батюшка учился богословію, а не юриспруденціи, сталь бы хорошимъ адвокатомъ, ибо ловко орудуетъ софистикой. Гуляетъ онъ обыкновенно въ одной бѣлой рубахѣ (не застегнутой у воротника) съ открытой грудью и не застегнутыми рукавами, которыемъ на воздухѣ при каждомъ его движениѣ болтаются. Руки держитъ обыкновенно въ карманахъ. Въ разговорѣ, употребляемъ выраженіе «Знаете, ибо это знаете». Этотъ священникъ небольшого роста, сѣдой, съ краснымъ, задернутымъ носомъ былъ въ свое время благочиннымъ на Лемковщинѣ и дѣлалъ много пользы народу.

Лемковщина въ Талергофѣ.

Редакціей Талергофскаго Альманаха собираются материалы для составленія возможнаго полного списка всѣхъ узниковъ Талергофскаго лагеря. Покамѣстъ помѣщаемъ списокъ Талергофскихъ мучениковъ-лемковъ, со обозначеніемъ даты смерти тѣхъ, которые умерли въ Талергофѣ.

Высова — п. Тамъ же.

Сивакъ Григорий.
Демянчикъ Федосій, ум. 24. 3. 1915.

Андрей, 5. 3. 1915.

Бабаракъ Степанъ.
Курилло-Меффодій, ум. 22. 1. 1915.
Яковъ, ум. 18. 2. 1915.

Фаренцикъ Іоаннъ.
Вариха Григорій.
Касперъ Лука.
Коваль Алексѣй, ум. 27. 1. 1915.
Яцевичъ Симеонъ.
Дулина Михаилъ.

Дрекслеръ Захарія.
Гатацъ Іоаннъ, ум. 24. 2. 1915.
Кристиничъ Якобъ.
Ясьоновскій, огородникъ.
Петришинъ Алексѣй.
Васильчакъ Георгій.
Коблюшъ Павелъ.
Лябанъ Феодоръ.
Куликъ Георгій, ум. 27. 1. 1915.
Сѣмёновскій Іоаннъ, ум. 13. 2. 1915.

Регетовъ Вѣнцій, п. Гладышевъ.

Пачакъ Феодоръ.
Дзюбакъ Василий.

Куряльськъ Симеонъ.
Лубда Кирилль.
Дада Іоаннъ.
Шелецкій Климентій.
Тезоръ Михаїль.
Забавскій Николай.
Варновичъ Михаїль.
Тезборъ Михаїль.
Морозъ Алексѣй.
Гайдоща Константій, ум. 5. 2. 1915.
Морозъ Кондратъ.
Матвій.
Теборъ Симеонъ.

Регетовъ Нікітій, п. Гладышевъ.

Кола Несторъ.
Сасакъ Эміліанъ.
Біяніцкій Іоаннъ.
Дзенірандъ Константій.
Корѣнъ Симеонъ.
Дзенірандъ Петъръ.
Поліщакъ Спиридонъ.
Корѣнъ Іоаннъ.
Обухъ Іоаннъ.
Соколічъ Михаїль.
Тутко Феодоръ.
Феніціо Онуфрій.
Обухъ Захарій.
Дудль Левъ.
Вільхъ Григорій.
Пеньковичъ Феодоръ.

Лука.
Тутко Симеонъ, ум. 3. 2. 1915.
Губакъ Димитрій, 23. 2. 1915.

Скіпартъ, п. Устье Русске.

Гібей Іоаннъ.
Тыма.
Станічакъ Павель.
Дзевінський Іосифъ.
Обухъ Марко.
Лазорко Павель.
Крайнякъ Аквікентій.
Кільч Даниїлъ.
Картоничъ Климентій.
Сулячъ Миронъ.
Сапко Феодоръ.
Дуда Григорій.
Кода Іоаннъ.

Бѣлянка, п. Шимбаркъ.
Забавскій Лука, ум. 3. 2. 1915.
Зарето Антоній, ум. 3. 2. 1915.
Тыма Даніїлъ, ум. 5. 2. 1915.
Лабовскій Іоаннъ.
" Никодимъ.
" Самуїлъ.
" Іоаннъ.
Стефановскій Григорій.
Дутка Іоаннъ.
" Александръ.
Русснікъ Михаїль.
" Іоаннъ.
Шлакъ Марко.
Дзвончикъ Петъръ.
Чупикъ " .
Русснікъ Іоаннъ.

Чорне, п. Незнаева.

Ваніко Лука.
" Іоаннъ.
Китчакъ Феодоръ.
Байса Петъръ.
Прислопскій Петъръ.
Гривна Эміліанъ, учитель въ Гладишевѣ.
Войса Михаїль.
Валько Лука.
Розідзелскій Іосифъ.
Байса Даниїлъ.
Ваніко Лука, дякъ.
Шевчикъ Іоаннъ.
Гіба Петъръ.
Лыжакъ Іоаннъ.
Бавольськъ " .
Барна.
Прислопскій Лука.
Хованецъ Феодоръ, ум. 4. 3. 1915.

Долгѣ, п. Незнаева.

Сабатовичъ Феодоръ.
Шута " .
Яловичъ " .
Ксенічч Константінъ.
Копча Іоаннъ.
Васенко Димитрій.
Кусайлло Іоаннъ.
Зеленськъ Георгій.
Чулікъ Андрей.
Зеленськъ Михаїль.

Соховицкий Иоанн, ум. 9. 1. 1915.
Васинко Феодоръ, ум. 19. 2. 1915.
Михаилъ
Сынъ Даниилъ

Антика, п. Незнаева.

Пелешъ Иоаннъ
" Адамъ
Яневичъ Андрей
Пелешъ Николай
" Исидоръ
Гацций Николай
Котянскій Лука, ум. 12. 12. 1914
Гашницъ Симеонъ, ум. 27. 1. 1915
Галечко Василий, ум. 23. 1. *
Стасикъ Діонисій

Радоцина.

Кравицкий Иоаннъ
Юрковский Николай, учитель въ Сквир-
тномъ
Петричакъ Илля
Турко Василий
Куриловичъ Терентий
Костыль Павель
" Иоаннъ
Павелчакъ Симеонъ
Гелета Андрей
Павелчакъ Иоаннъ
Добровольский Илья
Павелчакъ Максимъ

Незнаева, п. тамъ-же.

Хомикъ Илля
Сенчакъ Лука
Слотъ Михаиль
Пыркто Ева
Сенчакъ Василий, ум. 12. 1. 1915
Дмитрийъ Феодоръ, 5. 1. 1915

Маластовъ, п. Ропица Русская.

Дзыбянъ Петъръ
Ротко Михаилъ
Адамъ Андрей
Баюсъ Симеонъ
" Петъръ
Ротко Андрей
Баюсъ Феодоръ
Высовский Илья
Шкирланъ Павелъ

Желемъ Петъръ
Кардашъ Антоний Иоаннъ
Кикила Алексѣй
Гринина Феодоръ, ум. 3. 2. 1915
Шкирланъ Онуфрий

Жданка п. Гладышевъ.

Спійакъ Кондратъ
о. Дуркотъ Феодосій
" Іоанна
Спійакъ Дмитрий
" Николай
Потоцький Діонісій, гімназістъ, теперъ
въ Прагѣ

Хованський Еміліанъ
Млынарькъ Андрей
Одомирко Петъръ
Сандовичъ Тимофей
" Николай
" Легалія
" Максимъ
Каницакъ Петъръ
Капітула Александръ
Падла Максимъ
Філіпъ Стефанъ
Варыхъ Феодоръ
Шевчикъ
Перунъ Василий
Вислоцький Александръ, учитель въ Гав-
човъ
Усцікъ Симеонъ, земер. учитель
Чухта
" Ананій, ум. 18. 1. 1915
Філіпъкъ Іоаннъ, ум. 18. 3. 1915

Конечна, п. тамъ-же.

Лъвакъ Андрей
Урбанъ Алексѣй
Сліпакъ Адамъ
Шевчикъ Йосифъ
Млынарькъ Пантелеймонъ
Дзямбъ Павель
Шевчикъ Мафей
Томашевицъ Марко, ум. 19. 1. 1915

Грабъ.

Святко Андрей
Котыра Михаиль
Уранъ Дмитрий
" Иоаннъ
Пъгощъ Андрей

Валько Михаиль
Лъвакъ Іоаннъ
Пахъ Марія
Павелчакъ Сильвестръ, ум. 25. 12. 1914
Романчакъ Григорій, ум. 3. 1. 1915
Давидъ * ум. 23. 12. 1914
Сандоръ Стефанъ
Гончакъ Георгій
Яніска Пелагія
Томашкъ Марія
Курижко Марія
Націкъ *

Вышоватка.

Коцко Лука, ум. 2. 1. 1915.
Баїса Феодоръ, ум. 16. 1. 1915.
Китчакъ Іоаннъ
Симъ Дмитрий, ум. 19. 12. 1914.

Смерековецъ п. Гладышевъ

Ядовский Іоаннъ, студентъ, нотаръ въ
Чехахъ
Яловський Феодосій, медикъ
о. Волинський Стефанъ
Ковалчукъ Вікторъ
Вронъ Феодоръ
Шмайдъ Іоаннъ
Павчакъ *
Лукашинъ Андрей
Шорикъ Стефанъ
Васічко Андрей
Станічакъ Симеонъ
Дытко Іоаннъ
Пупчакъ Прокопъ, ум. 25. 12. 1914.

Мосье, п. Ропа.

Галь Григорій
Дудра Іоакімъ
Шланга Григорій
Телехъ Александръ стар.,
" Амерікъ * мл., медикъ, въ

Павликъ Стефанъ
Фекула Наазаръ
Дудра Григорій
Галь Михаиль
" Іоаннъ
Дудакъ Михаиль
Горнікъ Павель
Кръль Василій
Трембачъ Григорій

Кундравицъ Эмануиль, отравился
Телехъ Михаиль
Собольинъ Іоаннъ
Малешикъ Феодоръ
Кроль Йосафатъ
Хома Даниилъ
Дутка Симеонъ
Евускікъ Николай
Олесевичъ Іоаннъ
Собольинъ Николай
Кароль Андрей, юристъ, въ Чехахъ
" Павель
Палахъ Іоанъ
Сивакъ Яковъ, цыганъ
Гирникъ Николай
Парничъ Григорій
Собольинъ *
Новакъ Іоаннъ
Галь Николай

Гладышевъ, п. тамъ-же.

Вислоцький Яковъ
Михаилъ Йосифъ
Сиротякъ Юстинъ
Вислоцький Іоаннъ, юристъ, въ Чехахъ
ум. 24. 2. 1915

Даюбина Григорій
" Діонісій
Федорко Гавриїль
Басаликъ Петъръ
Павелчакъ Илля
Шмайдъ Іоаннъ
Вирхинівський Василій
Подлісковичъ Кондратъ
Григорій
Сиротякъ Симеонъ
Михаиль
Федорко " художникъ, въ Чехахъ
Бодонъ Іоаннъ, ум. 22. 1. 1915
Штокля Исидоръ, ум. 5. 3. 1915
Спінка Іоаннъ, ум. 18. 3. 1915

Вірхня, п. Гладышевъ.

Нелехачъ Симеонъ

Устье русское, п. тамъ-же.
Цислисъ Андрей
о. Калиновичъ Григорій
Войтовичъ Василій
Гумецкий Антоній

Криницкий Григорий
Марковичъ Каэтанъ
Габоръ Симеонъ, ум. 16. 1. 1915
Андрейинъ Симеонъ, ум. 9. 2. 1915
Хованский Иоакимъ, ум. 21. 2. 1915
Марковичъ Юстина

Кватонь, п. Устье русское.

Криницкий Михаиль
Цимбала Григорий
Вислоцкий Стефанъ

Клиникова, п. Устье русское.

Домчакъ Дмитрий
" Госифъ
Базилевичъ Василий
Децъ Григорий
Барна Павель
Карпакъ Максимъ
Хомякъ Кондратъ
Гудзъ Лаврентий
Лемай Николай
Матуско Госифъ
Микулякъ Петръ

Вышеватка.

Павелчакъ Лука
Коцко Феодоръ
Гаврилякъ Евстахий
Роздольский Андрей

Святкова.

Колдра Андрей
" Григорий
Лабикъ Михаиль

Святкова.

Констанкевичъ Василий
" Иоаннъ

Кремпина, п. тамъ-же.

Федакъ Алексей
Попопчакъ Стефанъ

Розстайнъ

о. Мишковский Марьянъ, парохъ въ Пе-
режинѣ
Мишковска Августа, матушка
Прокопчакъ Андрей

Дошица, п. Вышгородъ.
о. Сѣлекій Александръ ум. 4. 1. 1915

Брезова, п. Змигородъ.

Владыка (трехъ)

Кутякъ

Боднарикъ, п. Липники.

Сокачъ Иоаннъ

Дзянъ Пётръ

Романъ Эмма

Кланачъ Иоаннъ

Сембратъ Григорий

Валевский Антоний, стар.

Смажъ Даниль

Поповчакъ Дмитрий ум. 20. 1. 1915

Мацина великая, п. Липники.

Куцуря Матвей

Роздолье, п. Липники.

Бубнякъ Василий

" Павель

Пижъ Андрей, ум. 22. 12. 1914.

Бодакъ Константинъ, владѣлецъ па-
рого тартака

Драганъ Георгий

Коцуръ Константинъ

Ваница Иоаннъ

Тылявский Петръ

Бортне, п. Ропица Русская.

о. Калужинский Владимиръ

Д-ръ Собинъ Дмитрий въ Чехахъ
" Махаиль, ум. 10. 9. 1915
отравился

Подбережнякъ Михаиль

" Василий

Горбаль Михаиль

Дутканичъ Косма, ум. 1. 2. 1915

Горбаль Иоаннъ

Нечко Эмма

Перунъ Даниль

Горбаль Ефимъ, ум. 15. 1. 1915

" Косма, ум. 20. 2. 1915

Феленчакъ Петръ

Годъ Даниль

Пелешъ Феофиль

Журавъ Иоаннъ

Богачикъ Титъ, учитель
" Иоаннъ, "

Перегонина-Бодяки, п. Ропица Русская.

Шпакъ Иоаннъ

Качоръ Дмитрий, юристъ

Валенне, п. Липники.

Бубнякъ Василий

" Дамьянъ

" Дмитрий

Д-ръ Пижъ Симеонъ, теперь въ Америкѣ,
редакторъ "Правды" въ Филадельфи.

Ганчова, п. Устье Русское

Руссиянъкъ Владиміръ, учитель, ум. 1. 2.
1915

Дѣдикъ Григорій

Соколъ Антоній

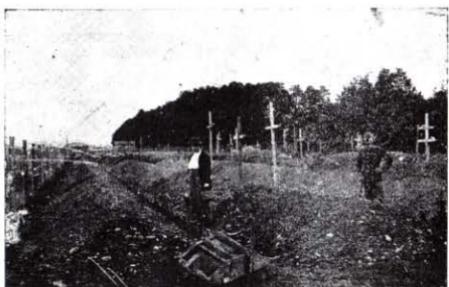
Лукачінъ Димитрій

Микулякъ Степанъ

Пирогъ Григорій, теперь дир. банка въ
Самборѣ

Вандзѣлякъ Єома, ум. 6. 2. 1915

Ропица русская, п. тамъ же.

На кладбищѣ.

Драганъ Йоаннъ

Рахель Діонисій

Желемъ Петръ, ум. 29. 1. 1915

Банатко Ігнатій, ум. 2. 2. 1915

Мацко Ілія, ум. 2. 2. 1915

Пероганичъ Петръ

Андрей

Рахель Василій

Куликъ Михаиль

Козакъ Петръ

Сільвакъ Феодоръ

Варанъ Алексій

Ропи, п. Устье Русское

Цикотъ Харитонъ

Дошина Василій

Лаврентій Анастасія

Варань Косма
Желемъ Иоинъ
Баюсъ Василій
Желемъ Григорій
Пыхъ Іоинъ

Пантина, п. Ропица Русская.
Шкирпань Антоній
Михалякъ Яковъ
Ванцко Николай
Баюсъ Стефанъ

Баница, п. Незнаева.
Смый Іоанинъ
Сайферть, ум. 26. 1. 1915
Журавъ Феодоръ, ум. 14. 2. 1915
Благунякъ Феодоръ, ум. 19. 1. 1915

Крыва, п. Незнаева.
Урда Михаиль
Іоанинъ
Кицей Николай
Вислоцкий Симеонъ

Воловецъ, п. Незнаева.
Измей Іоанинъ
Лаховский Кароль
Бібей Василій
Сидоракъ Ісидоръ

Новица п. Устье Русское.
Сембратовичъ Стефанъ
Василій
о. Городецкій, тепер парохъ о. Дынова
Надежда

Ячичакъ Стефанъ
Брея Лука
Карлякъ Стефанъ, ум. 18. 1. 1915

Прислопъ, п. Устье Русское.
Пелехачъ Іоанинъ
Зватканич Константинъ
Крайнякъ Марко, ум. 23. 1. 1915

Свержева Русская.
Кобанъ Юстинъ

Аугъ, п. Гладышевъ.
Демянічъ
Дзямба Георгій
Кроль Петро, ум. 25. 1. 1915

Долини п. Шимбаркъ
Рыдзай Кирилль

Блѣхнارка.

Дзюбинъ

Лѣщины, п. Устье Русское.
Королевский Іосафатъ
Корба Петро

Горлицы, тамъ же.
Слюзарь Іосифъ, теперъ банкоецъ въ
Перемышлѣ, чи въ Львовѣ

Полини, п. Флоринка

Трохановскій

Каминна, п. Флоринка.

Н. Н.

Блѣхнарка, п. Высова.

Деміянъ Алексій
Дзюбинъ Миронъ
Патрошъ Яковъ
Башукъ Макарій
Швецъ Романъ

Флоринка, п. тамъ-же.

о. Курилло Василій
Д-ръ Курилло Феофіль, окружный судья
Leszno

Максимчакъ Михаїль, теперъ учит. гимн.
в. Польставы
Воргачъ Юстинъ

Мерена Марія

Берестъ, п. Флоринка.

Голоп Марія

Бѣлцарева, п. Флоринка.

о. Качмарчикъ Феофіль
Д-ръ * Владимиръ, судья въ Гдыни

Д-ръ Качмарчикъ Любомиръ иотарь въ
Дыновѣ

Трохановская Марія, замужняя въ Кри-
нинѣ

Богуша, п. Грибовъ.

Кузакъ Симеонъ
Плещенікъ Степанъ
Горошакъ Василій

Королева Русская, п. Пташкова.

о. Руссиякъ Іоанинъ
Чирининськъ Анна
Дроздіць Іосифъ
Бубернакъ Феодоръ

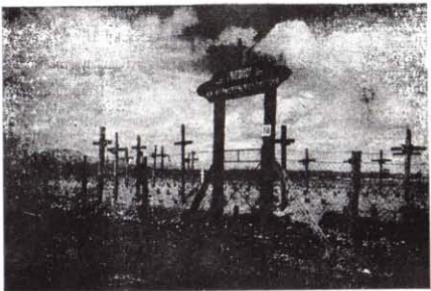
Кладбище „подъ соснови“ въ 1917 г.

Избы, п. Снѣтница.

о. Хилякъ Димитрій
Кобиць Василій
Дуда Петро
Кунинськъ Петро, ум. 16 4 1915.
Ванько Юліанъ, ум. 21. 3. 1915.
Цимбалякъ Іоанинъ, ум. 25 12 1914.

Чирина, п. Снѣтница

о. Мохнацкій Владимиръ

Папачъ Феодоръ
Поруцъдло Йосифъ
Перунка, п. Флоринка
Кузьмакъ Петър
Русинко Павелъ
Единакъ Герасимъ,
Дзядикъ Йосифъ
Гелей Петър
Слюсарчикъ Йоанъ
Буриничъ Аданасъ
Щипникъ Феодоръ, ум. 22. 3. 1915.
Зборовичъ, волъ Ценжиковицъ
Стабрило Александъръ, съгнъ, ум. 19. 1.
1915.
Ценжиковицъ.

Шухевичъ Юліанъ, почтмайстеръ
Дечикъ Максимилианъ, жандармъ
Dr. Brys Szymon, рабинъ изъ Варшавы.
Rodowicz Wladyslaw, ум. 27. 12. 1914.

" Wacław
Bozowski Henryk

Мушина, п. Тыличъ.
Нестракъ Онуфрий, учитель
" Михаилъ, гимназистъ
" Владмиръ, учитель
Нѣмчикъ Андрей

Ростока Великая, п. Крыница.
Вильчакъ Йозефъ
Репела Йосифъ

Тыличъ п. тамъ же.
о. Венгриновичъ Эмиліанъ
Андрейко Йоанъ, юристъ въ Чехахъ.
Джуганъ Степанъ, учитель
" Марія, въ Жегестовъ

Сенько Илия
" Михаиль
Гарбера Андрей, лѣсной сторожъ каме-
ральни.
Пастернакъ Феодоръ
Брунарский Петър
Дзядикъ Димитрий
Бреникъ Левъ
Цолка Йоанъ, окуленый
Бабея Симеонъ
Гамеринъ Атанасий

Бадарикъ Діонисій, елюсарь
Копичъ Іоакімъ
Чеканикъ Феодоръ
Криницкий Василь
Андрейко Антоний
Мохначка, п. Крыница
Мохнацкий Феодоръ
о. " Діонисій
Гагберга Яковъ
Гаврецъ Лука
Поручникъ Онуфрій, ум. 28. 1 1915
Единакъ Феодоръ
Гойнякъ Михаилъ, ум. 28. 3. 1915.
Петъръ
Святковский Палелъ покололся гвоздемъ
и порвался, ум. 24. 2. 1915.
Сивецъ Никита
Цимбалникъ Яковъ
Витякъ Назарий
Крыница, п. тамъ же
о. Гнатышкъ Гавриль, ум. Вѣнѣ.
" Феодоръ, юристъ, ум. въ Вѣнѣ.
Александъ, ветеринаръ
Д ръ " Орестъ, адвокатъ въ Кра-
инцѣ.
Гнатышкъ Ольга, замужня Кокуревъ
жена нотари, въ Косовѣ
Гнатышкъ Марія, антикарка въ Львовѣ
Малининъ Климентий
Михаилъ, уч. сем. уч
Урбанъ Йосифъ, гимназистъ
Йоанъ
Крайникъ " осафатъ, лѣсникъ
Телицакъ Михаиль
Петрикъ Георгий
Криницкий Максимъ
" Стефанъ
" Петъръ
Лаврикъ Петъръ
Жалниакъ Кондратъ
" Симеонъ
Криницкий Софронъ
Петричукъ Антонъ
Громосикъ Николай
Сачвакъ Авксентий, учитель
" Стефанія, учит. замужня за ф.
" Мохнацкий въ Солотвинахъ
Д ръ Ільянський Александръ
Троханонский Мефодій, упр. школы

Солотвина, п. Криница.
Комитянский Іссифъ, змер. жандармъ
Андреевка, п. Мушина.
Головачъ Василь
Щавникъ, п. Мушина.
Дзобинскій Тимофей
Милянчикъ Евстахій
" Василь
Лишникъ Феодоръ
Шавинський Ігнатій
Гайдичъ Йоанъ
Златок, п. Мушина.
Дзюбинскій Антонъ
Жегестовъ, п. тамъ же.
Семиникъ Михаилъ
Венгринъ Петъръ, ум. 5. 2. 1915
" Йоанъ, ум. 1. 2. " "
Стернікъ Елена, учительница
Гонората "

Шляхтоў, п. Шавиница
Матиашъ Антоній
Грандацъ Григорий
Поворозникъ, п. Мушина.
Пирогъ Александръ
Стрѣланцъ Константина
Конько Петъръ, ум. 30. 1. 1915
Криштифіко Йоанъ, ум. 11. 2. 1915
Кольчакъ Итидоръ, ум. 12. 2. 1915
Драбинъ Стефанъ, ум. 3. 2. 1915
Кулакъ Феодоръ.
Милянчикъ Алексій, учитель
Кольчакъ Кондратъ
Патловський Йоанъ
Контуръ Матрена

Ястребчикъ, п. Мушина.
Слота Йоанъ.
Телянчикъ Григорій
Ковалчукъ Онуфрій
Новая Весь, п. Лабова.
Мастюхъ Михаиль
Стернікъ Георгій

Плаконъ Лука
о. Соболевскій Михаиль, въ Устью рус-
скому
о. Соболевская Юлія, матушка
Марковичъ Петъръ
Масыра Климентій
Кореча Филипъ
Жиличъ Симеонъ
Лабова п. тамъ-же.
о. Дуркотъ Йоанъ Хр.
" Феодосій, гімназістъ
" Сергій, сошель съ ума
Вислоцкій Георгій
" Феодоръ
" Марія
" Димітровъ, юристъ, редакторъ
въ Америкѣ, (Гуаніка)
Куландъ Константина
Пелінникъ Євсевій
Козоль Феодоръ
Куландъ Симеонъ
Коуртъ Антонъ
Зій Антоній
Зій Лука
Руссінський Симеонъ
Йосифъ
Заграй Идія
Чернинскій Казіміръ, учитель
Юліанъ
Полянікъ Йоанікъ
Масловъ Лаврентій
Шайки Кесій
Лабовецъ, п. Лабова.
Шаршонъ Павель
Шептакъ Степанъ
Птахъ Афанасій
Новакъ Феодоръ
Оснікъ Венедиктъ
Хованецъ Йоанъ, ум. 22. 2. 1915
Вроня Георгій
Шептакъ Александръ, ум. 9. 2. 1915
" Лука, ум. 24. 2. 1915
Гбуръ Захарія
Котовъ, п. Лабова.
Пелякъ Тимофей
Талашъ Андрей
Тырличъ Петъръ

Мушнина, п. тамъ-же.
 Турко Андрей, экзекуторъ под.
 Савка Іоаннъ, юристъ суда
 Яновичъ Арсеній, юристъ, ум. 16. 2. 1915

Верхоманъ, п. Пиннична
 Русинъ ктъ Михаилъ, капраль
 Дзобинскій " бухгалтеръ
 Дарабъ Василій, юристъ, ум. 26. 2. 1915

Зубриць, п. Жегестовъ
 Стерапка Стефанія, учительница
 " Юліана, чин. жвл.

Новий Санчъ, п. тамъ-же.
 Киріловъ Михаилъ, мулляръ
 Шеремета
 Юречко Димитрій, кол'євъ
 Лъ ръ Масюкъ, парохъ въ Горожанії велівикъ
 Клокъ Йозефа, економка укр. бурсы,
 Бандорскій Павель, гімназістъ

Кростенко, в. Нового Торга.
 Морочко Еліашъ
 Карпінській контролеръ под. въ Гданськѣ.

Зандрамова.
 о. Коныстяній Корнійлъ
 с. " Стефанія, нотаръ въ Премищії

Тылька.
 о. Коцьловскій Кириль
 Коцьчикъ Михаилъ, учитель
 Кирпінъ Іоаннъ
 " Николай, 24. 1. 1915

Мишана
 о. Дутковскій Казиміръ, теперъ въ Америцѣ
 Даюрій Казиміръ
 Шевчукъ Михаилъ
 Кушвара Михаиль
 Хильська Мирослава, учитель

Ольховець.
 о. Дуркотъ Максиміланъ
 Кульявчикъ Іоаннъ, студентъ

Ропника.
 Бугель
 Поляни.

о. Феленчакъ Николай
 Яценій Афанасій
 Федакъ Николай
 Мишковскій Феодоръ
 Дытко Даніель

Смеречне.
 Репакъ Іоаннъ
 Терстяна.

Фучила Владіміръ

Мысцова.
 о. Дуркотъ Владіміръ, теперъ въ Летії
 Клянць, гімназістъ
 Франчъ Онуфрій
 Гайдя Павелъ, учитель

Гірова.
 о. Чеснокъ Захарій
 Бѣдникъ Іоаннъ

Тыханя.
 о. Пирогъ Даниль, убитый бандитами въ 1929 г.

Красна.
 о. Григорій Александръ
 Вархолинъ Симеонъ
 Газданий Павель
 Яблонський Алексій
 Вознякъ Петръ
 Налисниць Еміліанъ, ум. 19. 1. 1915

Воробійчикъ Королевскій.
 Драганъ Михаилъ
 Лінда Андрей
 Герлахъ Феодосій
 Струсъ Іоаннъ

Чорнорбіж.
 о. Войтовичъ
 Сенчакъ Григорій
 " Фаддей
 Вознякъ Димитрій
 " Стефанъ
 Вознякъ Михаилъ, 4. 1. 1915

Рѣпникъ.
 о. Мерена Феодоръ
 Помібъ Михаилъ
 Кам'яцкій Іосифъ
 Яскіла Василій
 Махуль Корнілій, ум. 19. 3. 1915
 Трамба Михаилъ, ум. 27. 1. 1915

Вановка.
 о. Тустановскій Кириль
 Шуфляйтъ Григорій ст.
 " мл.
 Мотовилікъ Пётръ
 " Григорій

Братківка.
 Яскіла Стефанъ

Красно

Кесь, профессоръ
 Диківъ Валеріанъ, офіц. под.
 " Стефанъ, жена
 " Богданъ, сынъ.
 Стусъ Димитрій, чин. телегр.
 Н. Ольга, телефоністка
 Генсцій Власілій, профессоръ ткацкої школы

Дукая.
 Котеліаніцкій Василь, письмоносецъ
 Смука Іоаннъ, ор. геом.
 Кардашъ Ілля, вегемайстеръ

Корчинка.
 дъръ Прислонікъ Яковъ
 Приходко Павель

Санонь.
 Бугера Андрей, змер. секр. стар.
 " Николай, юристъ
 " Василій, практик. ур. под.
 о. Москалікъ Іосифъ, змер. проф.
 " Юліанъ, юристъ

Подолинскій Феофілій, богословъ
 о. Сендерікінскій Іосифъ, кат.
 Іашко Іосифъ, офіц. суд.
 Рудникъ Іоаннъ, змер. лист.
 " Кириль, гімн.
 " Еміліянъ, "
 Волинський Петръ, столяръ

Волинський Мецьо, столяръ
 Орищакъ Константинъ, столяръ
 Райтаръ Іосифъ, столяръ
 Рочінъ Николай, столяръ
 Смажецкій Іоаннъ
 Мазуръ Іосифъ, ма ни въ
 Кущакъ Францъ
 Савчукъ Антоній, чин. Бескида, ум. 2.3.915
 " Іоаннъ, гімн.
 Гавдякъ Михаилъ, учитель
 Филичакъ Константина
 Герболакъ Фелдей, медикъ
 Кульчицкій Іоаннъ
 Стричукъ Анастасія, 14. 12. 1914
 Переломъ Михаилъ, 23. 2. 1914

Дудровка.
 Мазуръ Андрей
 Гринякъ Николай, 2. 2. 1915
 Задорожний Іоаннъ
 " Василій, ум. 10. 3. 1915

Ольховцы.
 Когутъ Николай, гімн.
 Бедникъ Михаилъ
 Полянка Антонъ
 Стапчакъ Захарій, уч.
 " Іоаннъ, юристъ
 Мыхновскій Григорій
 " Василій
 Ялечко Димитрій
 " Іоаннъ
 Гніздуль Димитрій, ум. 12. 1. 1915
 Бедникъ Іоаннъ, ум. 21. 2. 1915
 Глицикъ Петръ, ум. 6. 1. 1915
 Банота Іоаннъ, ум. 13. 2. 1915
 Бобіякъ Клеменсій, ум. 18. 1. 1915
 Лісовський Михаилъ
 Скобеліцький Андрей
 " Александри
 Соханя Ілля, ум. 13. 2. 1915
 Кець Николай
 Галицкій Максимъ

Межирідье

о. Бугера Константинъ

Дудицьки

Дмитрикъ, учительница
 одол'їй ум. 26. 2. 1915

Певня.
о. Сембратович Юліанъ
Колодій Іоаннъ
Дзядкъ Йосифъ
Кочань Антоній, ум. 7. 2. 1915

Полонна.

Кутепъ Гринякъ Романъ

Лищна.

Филипчакъ Димитрій

Залужъ.

Страмник Іоаннъ
Гамерський Йосифъ, юристъ
Балинъ Людвікъ, ум. 24. 1. 1915

Тырава Сольна.

о. Шатынський Михаїль
Дръ Евгентъ, адвокатъ
Лазука Михаїль, 23. 3. 1915
Банть Николай
Сибидло Петръ

Тырава волошская.

о. Сливинский Михаилъ

Голучикъ въ.

Зубикъ Іоаннъ
Мельникъ Йосифъ
Андреенко Марія
Рибицка Станіслава

Щаве.

о. Порошиновичъ Владимиръ, ум. 6. 10
914.

Полошиновичъ Георгій, юристъ, теперъ
уч. въ Грабѣ

Войске.

Вайдя Михаїль

Быковцы.

Цапъ Йосифъ
Павловъ " ум. 22. 11. 1914

Загорье.

Кишка Николай, чин. жежѣз nondor.
" Владиміръ, гімн.

Кавалкевичъ Василій
" Йосифъ
Бубинъ Михаїль
Хомицакъ Григорій
Щенецький Іоаннъ
Брехунъ Михаїль
Боловський Йосифъ
" Василій, юристъ
Горнякъ Іоаннъ
Каніць Михаїль
Глинякъ Михаїль
Жубримъ Іоаннъ
Баловска Агнеса
Мандолякъ Екатерина
Шинецка Розалія
Кишка Антоній
Секъ Іоаннъ
Бѣлликъ Людвікъ; оф. жел ум 29. 1. 1915

Липовецъ.

Волошиновецъ Александръ, канд. пот.
Кирпанъ Михаїль
Гирила "

Далієва.

о. Вахнянинъ Владимиръ
Яловський Симеонъ

Посада Яслиска.

Волошиновичъ Василій, ум. 15. 3. 1915
" Феодоръ
" Андрей

Сурвица.

о. Жубрдъ Михаїль
Стецко Іоаннъ

Дошно.

Петровский Петръ, ваятель

Вороблькъ

Розенбейтеръ Андрей
Бурка Андрей

Боско.

Купина Михаїль ум 10. 1. 1915
Бобякъ Феодоръ
" Андрей
Андрець Іоаннъ
" Михаїль

Романтъ Василій
Войнартъ Йосифъ

Синявка.

Вацлавскій Михаїль М., юристъ
Бедзикъ Петръ, уч.
Вацлавска Анастасія
Бекъ Іоаннъ, 7. 2. 1915
Сирко Александръ

Новосильцы.

Твардоң Георгій
Плещі Павель

Лопачсь Іоаннъ
Федакъ Андрей, ум. 22. 3. 1915
Хома Михаїль
Давида Феодоръ
Вацьцъ Михаїль

Юровцы.

Хома Михаїль, ум. 13. 1. 1915

Команча.

о. Венгриновичъ Гилірій
Терлекій Василій
Пышнякъ Параскева

Православная часовня. (Наружный видъ).

Константинъ, ум. 13. 1. 1915

Ващишинъ Іоаннъ

Костаровы.

Соболевский Вінкентій
Ева
Масляна Анна, зам. Звѣрикъ, уч. въ
Святковой
Звѣрикъ Феодоръ, уч. въ Святковой

Сугоровъ дольшній.

Фута Александръ
Ладівль Онуфрій
Домбровский Петръ

Гомантъ Григорій, ум. 11. 1. 1915
Іоаннъ

Цапъ "

Прусицъ.

Амбіцкій Яковъ, ум 13. 1. 1915
Стрічокъ Анна
Рудий Іоаннъ
Гешко " 31. 12. 1914

Кулешівъ.

Хвастякъ Адамъ

Черткъ.

о. Полянскій Константінъ
Шурготъ Романъ
Волянскій
Рейтаръ Василій, ум. 13. 1. 1915

Тречка.

о. Полянскій Владимиръ
Дробикъ
Карниковъ.

Темчинъ Никита, ум. 29. 12. 1914
Кросценко.

Новакъ Іоаннъ, ум. 3. 1. 1915

Полини, в. Сянока.

Кромка Яковъ, ум. 12. 1. 1915

Чистогоръ, в. Сянока.

Павзельчинъ Лазарь, ум. 19. 1. 1915

Поповци.

Назарчукъ Василій, ум. 10. 2. 1915

Високій Великий.

Сопынка Феодоръ, ум. 12. 2. 1915

Улючъ.

Костенскій Василій, ум. 21. 2. 1915

Мариковци.

Норякъ Антоній, ум. 18. 3. 1915

Радошиць.

Гривко Василій, ум. 3. 4. 1915

Составиль о. В. О. Курілло.

Т. е. всѣхъ 1915, изъ нихъ — по-
мерло въ Талероффѣ 168 чл. Розумѣ-
ется, что этотъ списокъ все еще не
полонъ.

Дневникъ покутъянина.

с. Альде шлях., Толмач. у.

(Сообщеніе Ал. Як. Бабя).

На пятый день путешествія,
нашт зшелонъ прибыль на талер
гофскій плацдармъ.

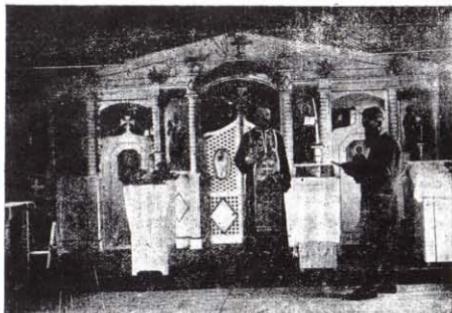
Сортируя и перегоняя палками
и прикладами съ мѣста на мѣсто.
Конвойные приказали намъ ложиться
на зальдевѣлою отъ мороза землю.
Интернированные отъ холода
и голода звонили зубами.

На слѣдующій день раздали
по половинѣ хлѣба на двоихъ, съ
приказаниемъ ѿѣть только мякинія,
а корку оставлять вмѣсто чашки

для супа. Эти искусственные хлѣб-
ные чашки размокали отъ жидкости,
супъ вытекалъ на землю, а
непомнившій себя отъ голода на-
родъ облизывалъ его облизывалъ
его языками. Звѣрское обращеніе
австрійскихъ издѣвателей съ узниками
возвимѣло свое дѣйствіе: многіе
въ отчаяніи плакали, видя подоб-
ное оскорблѣніе человѣческаго до-
стоинства.

На четвертый день пребыванія
въ лагерѣ узники были размѣще-

ны въ ангарахъ. Въ нашемъ помѣ-
щалось 1800 человѣкъ. При полу-
ченіи обѣдовъ мало кого миновала
палац, потому многіе предпочитали
не являться за полукой. Рыскав-
ше между нами караулы проколы-
вали, потѣхи ради, расположивших-
ся интернированныхъ и тутъ же
закапывали. Позднѣе на смынѣ при-
шли боснійцы, которые обращали-
лись съ нами по человѣчески.

Православная часовня. (Иконостасъ).

Въ первой половинѣ октября
часть интернированныхъ была пе-
реведена въ новые бараки, постро-
енные въ дождливую пору, а по-
томъ полные грязи, перемѣшан-
ной со старой соломой. На мѣсто
отозванныхъ боснійцевъ вернулась
прежняя стражка. Въ баракахъ воз-
никла эпидемія тифа, бѣзжалостно
косившая интернированныхъ и не

Подая нѣкоторыя строки изъ
записанного:

б ноября. — Узники сами го-
товили себѣ обѣдъ въ виду бѣг-
ства поваровъ передъ эпидеміей.
Хлѣба въ этотъ день не получали.
Потѣшили себя надеждой, что, быть
можетъ, скорѣе пустятъ насы на
свободу по случаю распространяв-
шейся эпидеміи.

7. ноября. — Показались вбли-
зи лагеря караулы; на дворѣ невоз-
можный холода, трудно согреться
одѣтому въ лѣтнюю одежду.

14 ноября. — Запрещено сно-
ситься съ жителями сосѣднихъ ба-
раковъ. Случайно знакомлюсь съ
Евг. Билинскимъ изъ Збаража и съ
Павломъ Прихотко изъ Корчи-
на, возлѣ Кросна.

15 ноября. — Разболѣлась го-
лова отъ простуды. Ухаживаютъ
за мной свящ. Кинасевичъ изъ Под-
города, вояжъ Рогатина, и крест.
Григорій Цепенда изъ Джуриня,
вояжъ Чорткова.

16 ноября. — Полковникъ объ-
явилъ, что приѣдетъ нѣсколько во-
енныхъ судей для допроса интер-
нированныхъ. Невинные будуть сей-
часъ же освобождены. Разрѣшено
въ баракахъ курить.

20 ноября. — Вечеромъ пѣль
организованный узниками хоръ. Пѣ-
ли весьма удачно пѣсенку о учи-
теле еврейскихъ дѣтей. Рядомъ со
мной синглъ Іосифъ Богачикъ изъ
Нижанковичъ, вояжъ Перемыш-
ля. Студентъ Спачинскій угощаетъ
насъ картошкой.

21 ноября. — Прислушивались
трое офицеровъ пѣнью хора.

22 ноября. — Я приобрѣлъ па-
ру чистаго бѣлъя, чувствуя себя
великолѣпно.

23 ноября. — Несмотря на чи-
стую перекѣну бѣлъя, меня обсып-
ли насѣкомы. Занимаюсь все время
чисткой и ихъ истребленіемъ.

24 ноября. — Ширится въ ла-
герѣ эпидемія; сегодня умерло семь
человѣкъ.

28 ноября. — Прихаль гене-
раль осматривать бараки.

29. ноября. — Получаю, какъ
студентъ Спачинскій, ватное одѣло.

1. декабря. — Допросили и пу-
стили на волю свыше ста человѣкъ.

3. декабря. — Многие надѣютъ
съ продолженіемъ двухъ недѣлъ
уѣхать изъ Талергофа. Вчера сна-
чины были пушечные выстрѣлы изъ
Градца. Говорятъ, что стрѣляли
по случаю взятія австрійцами Был-
града, иные утверждаютъ, что стрѣ-
лили по случаю будто бы оконча-
нія войны.

4. декабря. — Лагерная адми-
нистрація обѣщаетъ выдать нары
(тапочки) и туфли, построить камен-
ные печки, прачечную и т. п.
благодати.

5. декабря. — Переѣрадался
изъ третьего ряда бараковъ нѣкій
человѣкъ къ своимъ знакомымъ въ
другомъ рядѣ. Карапузъ выстрилилъ,
а пулъ пробилъ тонкую деревянную
стѣну барака, убила молящагося
въ ту пору крестьянина Ивана Поп-
еля изъ села Мединичъ, Дрогобыч-
ского уѣзда. Убитый оставилъ
домъ жену и пятеро дѣтей.

8. декабря. — Полковникъ объ-
явилъ официально баракъ комен-
дантамъ; во время утреннаго ре-
порта, что сознаніе культурнаго
единства русскаго народа не есть
наказуемъ и не заключаетъ въ
себѣ преступленія государственной
измы.

9. декабря. — Привели полго-
роста человѣкъ пѣльныхъ изъ Рос-
сіи, для постройки новыхъ ба-
раковъ. Наши надежды на скоро-
е окончаніе войны и наше освобож-
дение расплюются. Солдаты по-
ютъ „Дружнѣй“, а за обѣдомъ и
ужиномъ „Отче нашъ“. Поютъ по

русски. Многіе изъ интернирован-
ныхъ плачутъ.

16. декабря. — Берутъ интер-
нированныхъ на принудительныя ра-
боты при постройкѣ бараковъ. Про-
водятъ электричество.

17. декабря. — Свящ. о. Ки-
насевичъ, получившій жалованіе,
даетъ мягъ въ займы десять коронъ.
Нынѣ встрѣтился я съ односель-
чаниномъ Ив. Рыбакомъ, съ кото-
рымъ не видѣлся съ октября мѣ-
сяца.

18. декабря. — Пища улучша-
ется. Утромъ и къ обѣду получа-
емъ супъ, къ ужину кофе или чай.
Ежедневно освобождается человѣкъ
по пять-десять.

19. декабря. — Праздникъ Св.
о. Николая. Интернированные да-
гаютъ другъ другу подарки. Нахо-
жу въ изголовья пачку табаку и
белую булку, подложенную о. Ки-
насевичемъ. Вспоминаются жена и
дѣти.

20. декабря. — Противотифоз-
ная прививка.

24. декабря. — Первый разъ
поданы къ обѣду щи съ фасолью.
Сапожники взяли для починки раз-
валившіеся ботинки. Сижу въ ба-
ракѣ босикомъ, а въ случаѣ надоб-
ности пользуюсь обувью о. Кана-
севича.

26. декабря. — Принесли мягъ
ботинки и чистое бѣлъе. Чувствую
себѣ счастливымъ и думаю, какъ
мало иногда надо человѣку для
счастья.

28. декабря. — Между интер-
нированными возникаютъ разногла-
сія и споры. Несмотря на всеоб-
щую ненависть къ австрійцамъ, и-
ногда изъ заключенныхъ жалу-

ются лагерной администраціи на
своихъ же товарищей недоли. Об-
жалованного мѣщанина Сегину изъ
Галича, священникомъ С., страж-
никъ побилъ до крови палкою по
головѣ.

29. декабря. — Говорятъ, что
умеръ помѣщикъ Крыськовъ. Здѣсь
следуетъ замѣтить, что разъ че-
ловѣкъ перестаётъ шевелиться, тутъ-
же его кладутъ въ готовый ящикъ
и отправляютъ на кладбище. Тамъ
хоронятъ по нѣсколько-десетъ че-
ловѣкъ сразу въ заранѣ вырытыя
длинныя могилы.

30. декабря. — Былъ арестованъ
плацкомандантъ, еврей Дейт-
шеръ, съ помощникомъ за хище-
ніе продуктовъ, бѣлъя и одежды,
назначенной для интернированныхъ.

4. января 1915. — Скоропости-
жно скончался комендантъ на-
шего барака свящ. Сѣлецкій изъ
Ясельскаго уѣзда. Свящ. Сѣлецкій
умеръ во время получки продук-
товъ для варки обѣда.

6. января. — Сочельникъ Рож-
дества Христова; ужинъ быть по-
стный. Помощникъ присяжнаго по-
вѣра Генсьорскій досталъ газету,
которую тутъ коментировали на всѣ
лады.

13. января. — Въ четвертомъ
баракѣ часто меняются коменданты.
На мѣсто Сѣлецкаго избрались
свящ. Вахнянинъ, послѣ него стар.
жел.-дор. ревизоръ Фома Вито-
шинский. Послѣдній оставилъ по се-
бѣ хорошую память. Благодаря его
стараниямъ, многіе получили шап-
ки, куртки и одѣяла.

18. и 19. января. — Праздно-
вали день св. Крещенія.

25. января. — Говорятъ о скопьи освобождений интернированыхъ.

26. января. — Съ 24 по 28 умираетъ ежедневно около тридцать человѣкъ. Вчера умерло 32 интернированныхъ.

31. января. — Переношусь съ святымъ Кинесевичемъ въ девятый бакъ, занимаемый лемками.

3. февраля. — Вчера умеръ въ девятомъ баракѣ Левъ Павловскій.

5. февраля. — Преподавателя гимн. Влад. Труша взяли на военную службу. Сплю рядомъ со студентомъ Подшивиничемъ. Съ другой стороны слышу пасаломщикъ изъ села Пятковы во звѣри Бирки, Добромильского уѣзда.

6. февраля. — Ходить слухи, что въ новыхъ баракахъ будуть размѣщены арестованные по поручению уѣздныхъ начальниковъ. Этой вѣстью я сильно обезпокоенъ. Вчера былъ отправленъ въ больницу святымъ Кинесевичемъ.

7. февраля. — Эпидемія продолжается.

10. февраля. — Вчера познакомился съ Василиемъ Озоромъ изъ Черновецъ.

12. февраля. — Быть взяты въ больницу крест. Педешъ изъ Борнаго, горлицаю о уѣзда, братъ го-коагного станиславовскаго епископа. Въ тотъ же день г. Кошко не позволилъ брать изъ бараковъ босыхъ и раздѣтыхъ узниковъ на работы, за что былъ посаженъ подъ арестъ и избить палкою. Хоронили надсое-вѣтника Проскурунніцкаго.

15. февраля. — Святымъ Г. Полянскимъ старается провести между заключенными путемъ голосования

постановлениѳ, чтобы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, не принимать скромныхъ супоѣ. Его предложеніе перенаполо. На войнѣ въ тюрьмѣ нечего бояться ада; живешь пріимѣнительно къ обстановкѣ. Въ середу даютъ мясной обѣдъ, а въ воскресенье могутъ оставить и безъ постнаго обѣда.

Газетныя извѣстія сообщаютъ, что на моей родинѣ, въ Надворной и Делятинѣ, находятся боевые линіи. Сильно беспокоясь за семью. 18. февраля. — Я опять потревоженъ газетными извѣстіями. Къ югу отъ Коломыи идутъ сильные бои, а вечернія газеты сообщаютъ, что Коломыя отобрана австро-итальянскими войсками.

19. февраля. — Благодаря материальной поддержкѣ преподавателя Кустыновича, выздоравливаетъ больной Пріымакъ; также поправляется Кукудякъ. Онъ отъ времена до времени ходитъ даже на работу.

22 февраля. — Узнаю о священникахъ Кинесевичѣ, Боднаркѣ и Т. Кунинѣ. Поправляются отъ болѣзни, а Рыбакъ третій день лежитъ въ постели.

23. февраля. — По сегодняшнее число выведено „подъ ссыпь“ свыше тысячи человѣкъ, а болѣеть еще около двухъ тысячъ душъ.

1. марта. — Хорошая погода, но холодныи вѣтеръ. Кругомъ Талергофа видныи горы, покрытыя снѣжными снѣжными заплатами, въ дальне свѣтлые верхи съ вѣчными льдами. На дворѣ теплое весеннее утро, а мою душу леденятъ мысли обѣ оставленной мною семье.

6. марта. — Красивый видъ разстилается кругомъ Талергофа: Горы, покрытыя темно-зелеными елями, за ними синя горы, покрытыя бѣлыми снѣжными заплатами, въ дальне свѣтлые верхи съ вѣчными льдами. На дворѣ теплое весеннее утро, а мою душу леденятъ мысли обѣ оставленной мною семье.

12. марта. — Газеты сообщаютъ о бояхъ съвернѣ Надворной, въ моихъ родныхъ мѣстахъ.

15. марта. — Навѣщаю меня въздоровѣвшій Пріымакъ. Я дѣлаю визитъ больному о. Кинесевичу и получаю отъ него въ займы 40 коронъ.

3. апрѣля. — Пища ухудшается.

15. апрѣля. — Взываютъ меня, преподавателя Кустыновича и Федорова подъ комендантскія ворота: Простоють здесь до двухъ часовъ дня, узнаемъ, что слѣдствіе прошлое насъ прекращается.

— 0 —

26. октября 1915 г. — Съ апрѣля мѣсяца я пересталъ вести свой дневникъ. Пережилъ въ неволѣ весну, лѣто и осень; паска была не веселѣ Рождественскихъ праздниковъ. Не зная, что случи-

лось съ моей семьей во время пе-редвиженія противъ двухъ сражав-шихся другъ противъ друга армій, я написалъ въ сельское управление въ Лицкомъ, запрошу о судьбѣ же-ны и дѣтей. Односельчане Пріымакъ и Рыбакъ получили отъ своихъ письма и деньги, о монхѣ же ни малѣшаго извѣстія. Не имѣя возможности прожить, я снесся съ вѣнскими и будапештскими фирмами, съ которыми находился пе-редъ войной въ торговыхъ снош-еніяхъ и, получивъ отъ нихъ кой-какіе товары, я занялся торговлей. Деньги на поднятіе товаровъ съ почты занималъ у знакомыхъ. Та-кимъ образомъ поддерживалъ я свое жалкое существование.

И только 13. октября 1915 го-да получиль я отъ жены первое письмо и 30 кронъ. Я весьма обрадовался, что всѣ мои живутъ, хотя радость была не полна. Же-на сообщала, что старшая дочка опасно болѣеть и что торговля можетъ совершенно разграблена

Въ тотъ же день хоронили мы, сердечно болѣя, молодого Юліана Кустыновича, преподавателя гимна-зии въ Бродахъ.

А. Я. В.

Іюль и августъ 1915 г. въ Талергофскомъ лагерь.

Окончаніе дневника Ф. В. Курилло.

(см. стр. 98 сего выпуска).

Приводимъ здѣсь добавочно полученнное скончаніе Дневника Ф. В. Курилло за мм. конецъ июня, июль, по 20-авг. 1915 г.

Свящ. о. совет. Василий Курилло,
с. Флоринка, у. Грибовъ, (отецъ).

Его сынъ Феофанъ Васильевичъ
Курилло, авторъ Талергофскаго
Дневника.

29. июня 1915 г. — Тустановскій освобожденъ. Льеть ливень дождь. Нельзя показать носа. Скука. Овесь и трава быстро ростутъ. Дао вырвать корень, порченного зуба д-ру Коллеру, который вырвавши его по методамъ среднихъ вѣковъ, удивился, что корень оказался столь длиннымъ, и говорить: „годится для помѣщенія въ музѣй“. Изъ раны долго и обильно текла кровь, теченіе которой было простоянно д-ромъ Могильницкимъ. Чувствую себѧ очень ослабленнымъ.

Въ 7-омъ баракѣ одинъ изъ обитателей заболѣлъ холерой. Всѣхъ

находящихся въ этомъ баракѣ солдаты вооруженные штыками, насищенно перевели въ карантинный баракъ, даже тѣхъ, которые зашли туда въ гости. Качоръ, Андрей Карель, Константий Романъ и др. тоже изолированы вмѣстѣ съ ними. Всѣ очень испугались появленія холеры.

30. июня — Пьемъ кофе съ конденсированнымъ молокомъ, жестянка котораго стоитъ крону. Нѣсколько десятковъ человѣкъ ѳдетъ на работу.

Приходитъ транспортъ, состоящий изъ 30 человѣкъ Ряшевскаго

убѣза, среди которыхъ находится нѣсколько цыганъ Горлицкаго уѣзда. Врачъ велѣлъ произвести дезинфекцію 7-го барака. Доступъ запрещенъ. Сегодня понесли гробы въ одинъ изъ изолированныхъ бараковъ. Нѣсколько русскихъ военно-пленныхъ удрало изъ лагеря, но были пойманы за Грацемъ.

Въ лагерь прибыли 2 финансовыхъ комиссара. Воздухъ такъ чистъ, что видныются вершины Альпъ, а надъ ними облака. 160 человѣкъ отправляютъ на работы куда-то въ окрестности Вѣны. Передъ ихъ отѣзломъ, у нихъ производятъ ревизію вещей. Пойманныхъ за Грацемъ военно-пленныхъ подвергли 3 недѣльному аресту.

Вдругъ приѣхали въ баракъ вооруженный постовой и кричали: „Шиммеркомандантъ я беру 30 человѣкъ на работы“. Гоцкій назначаетъ 30 человѣкъ на работы, въ числѣ которыхъ находится извозчикъ изъ Криницы. Не желая идти работать, онъ флегматически вынимаетъ краюху хлѣба и преспокойно начинаетъ есть, хотя только что обѣдалъ Горячаго темперамента постовой солдатъ хватаетъ его за шиворотъ и выталкиваетъ изъ барака за вышедшими людьми на работу. Спустя часъ извозчикъ, удравъ, возвращается и говоритъ всѣмъ вообще и никому не особенности: „Какоже вспѣльчій человѣкъ этотъ постовой! Вѣдь я только хотѣлъ сѣсть немногого хлѣба, а онъ такъ грубянски поступилъ со мною!“ Послѣ чего ложится спать съ чувствомъ исполненія долга и немедленно засыпаетъ.

Іюль 1915 года.

1. июля. — Одинъ больной холерой, уже умеръ. Еще находится въ баракѣ 4 человѣка больныхъ холерой. 15-ый баракъ тщательно дезинфекцируютъ. Приказываютъ воен-

Ужатская часовня. (Наружный видъ).

ниля власти явиться молодежи отъ 18 до 24 лѣтъ къ набору. Военная комиссия мало кого освобождаетъ и записываетъ въ солдаты до 250 человѣкъ.

О. Сеникъ, Феодоръ Мохнацкій, д-ръ Секало, Ив. Андрейко, Дм. Вислоцкій, Феод. Дуркотъ, Степанка, съ сестрой, Иоанна Дуркотъ, Гнатышки, Гаврилъ и Феодоръ,

Трохановский Мефодий, учитель нар. изл. Криницы и др отправлены подъ конвоемъ б-ти солдатъ на судъ въ Вину. О. Зарницкий, о. Андреянинъ и вообще всѣ священники въ лагерѣ получили право совершать богослуженія.

На грядкахъ, между капустой, женщины садятъ салатъ. Баримъ „мокка-кофе“ и пьемъ его съ конденированнымъ молокомъ. Д-ръ Коллеръ такъ идеально вырвалъ мягк. корень зуба, что у меня распухли правый глазъ, съ верху и внутри щека и болятъ десна. Комиссия признала годными къ военной службѣ 207 человѣкъ изъ 250 рекрутъ и заставила ихъ присягать на вѣрность на малорусскомъ, польскомъ и румынскомъ языкахъ.

2. июля. — Ночью „падаетъ дождь“. Грязь непроходимая. Мужчины отъ 24 до 30-лѣтнаго возраста должны явиться въ комиссию по отбыванию воинской повинности. Заставляютъ ити не только напр Юрия Порошиновича и Евстахія Макара и др. мірянъ, но и духовныхъ лицъ, даже протоереевъ.

3. июля. — Вечеромъ въ 8 ч., когда мы уже улеглись спать, пришли солдаты и вытребовали Ивана Вислоцкаго, Михаила Перегинца и нѣсколко десятковъ русскихъ студентовъ изъ другихъ бараковъ, въ числѣ которыхъ находились Романъ Макарь, Генсьерский, которыхъ, какъ оказалось потомъ, подвергли одиночному заключению безъ обьясненія причинъ.

4. июля. — Воскресенье. Пере-даю черезъ тюремного надзирателя одинъ хлѣбъ для Перегинца. Власти продолжаютъ арестовывать

нашу молодежь за то, что при опросакъ комиссіи по воинской по винности за родной языкъ — давали русскій языкъ! Гулять имъ разрѣщается разъ въ сутки въ теченіе одного часа. Они помѣщены въ маленькой комнатѣ, где и тѣсно и душно. Духота эта тѣмъ болѣе чувствительна, что стоитъ нестерпимая жара и неудивительно, что многіе падаютъ въ обморокъ, а у нѣкоторыхъ, напр. Григорій Пирога, текла изъ носа кровь, строжакъ възлѣ дверей тюремы солдаты — сербы изъ Босніи. Это лютые люди. Образовали мы комитеты взаимопомощи для доставленія пищи голодающимъ въ тюрьмѣ.

Оберлейтенантъ запаса Чировскій зоветъ многихъ въ бой баракъ, строить ихъ въ (шеренгу) и выбираетъ людей, годныхъ по его мнѣнію быть писарями въ канцелярію. Онъ ведетъ себя грубо, и надменно, точно паша турецкій. Это — человѣкъ, толстый, небольшого роста, съ рыжеватой бородкой и такими же усами иноситъ пинсанія.

5. июля. — Меня и техники Феодосія Перчинскаго, съ другими, повели сгребать сѣно въ Карльсдорфѣ. Покупаю у штирийца одинъ хлѣбъ за 1 кр. 20 гел. и $\frac{1}{2}$ литра яблочного вина.

Рѣшили заботиться о заключенныхъ, Перегинцѣ и Вислоцкому. Даже вечеромъ устраиваемъ малочайную демонстрацію передъ арестнымъ баракомъ, где сидятъ они.

6. июля — Комиссія по воинской повинности оканчиваетъ выборъ солдатъ Гринберга и 2 евреевъ она забраковала. Гринбергъ

на радостяхъ играетъ на флейтѣ, кидается изъ стороны въ сторону, порицааетъ другихъ за то, что не имѣютъ понятія объ инструментахъ, покуриваетъ папиросу и вновь играетъ. Все это профильвается онъ уморительно, такъ что, глядя на него, нельзя не улыбаться.

Инженера Чижка и Мудраго-повара подъ арестъ. Въ 21-омъ баракѣ хорошо играютъ на флейтѣ

7. июля. — Праздникъ Иоанна Крестителя. День хороший и теплый. Утромъ идемъ купаться. Д-ръ Собинъ живеть съ нами. Прибыть транспортъ лемковъ изъ Штейнкляма, среди которыхъ находились: о. Венгриновичъ, Титъ Полянскій и другіе. Именины о. Иоанна Руссиянка изъ Королевы русской, Грибовскаго уѣзда. Священники совершаютъ богослуженій и молебны

Всюду жизнь... и въ Талергофской тюрьмѣ:
Крещеніе новорожденныхъ близнецовыхъ

и скрипкахъ. 50 работниковъ отправляется на работы въ окрестности Граца. Передаю съѣстные припасы заключенному Качору слѣдующимъ образомъ: подкупленный солдатъ относитъ пакетъ адресованный данному заключенному въ сортиръ, куда послѣ этого отправляетъ адресатъ и забирая пакетъ уносить его къ себѣ въ камеру.

возлѣ часовни и по всѣмъ баракамъ. Также Барановскій есть въ лагерѣ. Въ баракѣ затѣяли игру въ „волки и овцы“, въ другой части барака поютъ или играютъ на разныхъ инструментахъ. Студенты пишутъ прошенія къ военнымъ властямъ о признаніи имъ права одногодичной военной службы. Узнаю, что Романъ Макарь заключенъ вмѣстѣ съ тремя другими людьми.

8. июля. — Жара нестерпимая. Я, Оеод, Перчинский, Гнатышки Ольга и Марья, Добя, Куций и 9 священников отправляемся на работу въ Карльсдорфъ. Работать намъ не пришло много, но за то мы прогулялись.

Власти опорожнили 23-й баракъ и помѣщаютъ въ немъ до конца войны о. М. Еднакаго, Преторуса, Максимовича, Кисбера и другіхъ. Первую и вторую кухню власти перенесли за баракъ.

9. июля. — День прѣятный. Помѣщаю заключеннаго Перегинца по дѣлу подачи прошенія о признаніи однодгдичной военной службы. Имѣлъ еще отъ Тымчака легитимацію на право посѣщенія всѣхъ заключенныхъ въ лагерь по администрац. дѣламъ, я отправился къ тюремному надзирателю и, показавъ ему этотъ документъ, требовалъ пропуска въ арестантскій баракъ Романть Макарь передалъ мнѣ письмо къ своему отцу. Поговоривъ съ Перегинцемъ и Макаромъ не-продолжительное время, я немедля, ушель. Пропускъ данный мнѣ Тымчакомъ потерять въ то время силу, ибо былъ данъ на определенный срокъ. Для меня было хорошо то, что сторожевой не читалъ мое бумаги.

Вотъ какъ постовые ухитряются вербовать людей на работы: Солдатъ береть съ собою одного изъ интернированныхъ, владѣющаго хорошо нѣмецкимъ языкомъ, которыхъ мы провали, «нагонячи». Нагонячи, встрѣчая на дорогѣ кого-нибудь изъ крестьянъ, указываютъ на него солдату, тогъ немедля тащить такого на работу. Нагон-

ячи даже указываетъ и такихъ, которые спокойно сидѣть въ баракѣ! Понятно, что тутъ часто лина обида или злость играютъ очень важную роль. Часто между нагонячимъ и жертвой приходитъ къ рѣзкой ссорѣ, сопровождаемой ругательствами и бранью, которую обыкновенно прерываетъ выведенная изъ терпѣнія солдатъ, ругая спорящаго и даже прикладомъ загоняя на работу. (Епсльдѣтвій никто не хотѣлъ быть «нагонячимъ»).

Читая все еще сочиненіе «Песнь IX. и его архипастырская дѣятельность». Воздушные маневры летчиковъ. Отправляемся изъ нашего лагеря транспортъ людей, въ лагерь бѣженцевъ. Изъ Львова прибываетъ 10 человѣкъ интернированныхъ. Идемъ на кладбище. Скору трубоочисту съ караульнымъ комендантомъ разбираетъ оберлейтенантъ.

Работники откапываютъ гробы австрійскихъ солдатъ и тѣлъ ихъ, закапываютъ въ другомъ мѣстѣ, развѣ только изъ-за того, что солдаты, какъ вѣрные, по ихъ мнѣнію престолу, не должны бы лежать вмѣстѣ съ «измѣнниками». Священники не совершили панихиды.

Въ понедѣлѣніе должно состояться посвященіе греко-кат. церкви въ лагерь; въ виду этого торжества лагерныхъ власти издали цѣлыя ряды распоряженій.

10. июля. — Иду какъ добра волеца на работу. Жара ужасная. Ложусь во время отдыха въ тени каштановъ, съ удовольствиемъ ощущая ея прохладу, но не долго, ибо надвигается грозная туча и спешно возвращаюсь домой. Едва успѣ-

ли мы войти въ бараки, какъ разразилась буря съ громомъ и молнией и полился до того проливной дождь, что вода черезъ крышу про текала въ баракѣ. Съ сѣнниками и другими вещами бѣгаемъ изъ одного мѣста въ другое, чтобы найти сухое мѣсто. Подъ струи лившейся сверху воды подставляемъ блока и ушаты и по наполненіи ихъ выливаемъ воду за баракъ.

Буря разразилась надъ нами да два прѣма, на площади цѣлыи рядъ маленькихъ рѣчекъ течеть главные резервуары.

Дѣр Собинъ, промоченный, сидѣтъ склонившись на сѣнникѣ и читаетъ «Новую Реформу». О. Вас. Курило, простуженный, лежитъ на сѣнникѣ. Воздухъ идеально чистъ и съѣхъ много въ немъ послѣ буря озона. Туча проходитъ и изъ бараковъ показывается живительное солнечко. О. К. читаетъ преимущественно рассказы о путешествияхъ, по зоологии и о приключенияхъ. Возлѣ церкви вьютъ вѣнъ изъ зеленыхъ вѣтвей.

Мудраго, залитого кровью, по-несли на носилкахъ изъ одиночного заключенія въ больницу. По причинѣ жары, недостатка пищи и воды, и кромѣ того свѣжаго воздуха, получилъ онъ такое сильное кровотеченіе, что слегка окончательно.

Иванъ Вислоцкий всѣдѣтъ жа ру, чтобы чѣль не лишился чувствъ. Главныи виновникомъ заключеній нашихъ студентовъ является ква-ти-патріотъ, вѣрноподданный, пополнилъ «украинскій» оберлейтенантъ Чировскій.

Одна дама пришла въ 21-ый баракъ къ живописцу съ просьбой

написать ея портретъ красками. Во время позирования она упала въ обморокъ. Тинтенфасъ и другой врачи, находящіеся тутъ же, съ трудомъ привели ее въ чувство.

Качоръ находится въ 13-омъ баракѣ. Новый списокъ освобожденныхъ. О. Діонісій Мохнацкій отправленъ въ определенную нѣмецкую деревню подъ надзоръ полиціи. Во время бури молнией ударила въ электрическую станцію, и испортила центральную станицу, вслѣдствіе чего получили мы керосиновую лампу. Снова буря съ градомъ. Папара и его философія. Сидитъ онъ на сѣнникѣ и растегивая воротникъ да снимая сапоги громко философствуетъ самъ съ собой на тему своей доли.

11. июля. — Передаю заключенному Перегинцу хлѣбъ и соль, въ которой то очевидно нуждался. Освященіе церкви отложено на недѣлю, ибо дождь испортилъ крышу. Читаю: «Postsecreta in Himmel».

Въ 21-омъ баракѣ состоялся въ присутствии многочисленныхъ гостей, преимущественно женскаго пола, первый настоящій кощерьтъ. Наканунѣ праздника Петра и Павла, послѣ вечерни у насъ поздравляютъ именинникъ. Пять человекъ, а именно: Иванъ Гайдя, о. Петръ Дуркотъ и другиеѣ ѣдутъ въ Грацъ на судъ.

12. июля. — Праздникъ св. Петра и Павла. Эрцгерцогъ Леопольдъ Сальваторъ посѣщаетъ Тадеуша и осматриваетъ церковь. Онъ прѣѣхалъ со свитой въ 2 автомобилѣахъ и, осмотрѣвъ церковь, обратно уѣхалъ. Полковникъ съ офицерами уѣхалъ въ коляскѣ.

Аэропланъ разбился вдребезги. Обломки его летчики уложили на телегу и поместили въ ангары. Знакомлюсь съ о Жубридомъ.

Многихъ женщинъ солдаты посадили подъ арестъ за то, что изъ казенныхъ датскихъ одѣялъ, повѣсивши бумагу и изъ верха спили себѣ платье!

Военные чиновники берутъ къ себѣ на работу нашихъ дѣтушекъ. Нѣцы вывозятъ изъ лагеря нечистоты изъ сортира одной коровой и одной лошади. Упражненіи солдатъ на площади передъ гауптвахой. Послѣ обѣда снова идетъ дождь. Дѣрь Лакуста приноситъ намъ заказанные нами въ фирмѣ Кастнерт и К° въ Граце вѣщи Вицлодъ Яковъ и Сандовичъ, оба старики, сидя передъ баракомъ, бѣстѣютъ, подобно Гервазию и Прасгасю изъ „Пана Тадеуша“ Мицкевича. Вечеромъ снова падаетъ непроложительный дождь, послѣ выхожу вмѣстѣ съ Евстахиемъ Макаромъ гулять.

13. июля. — Передаю хлѣбъ и килограмма сахара Пересицу, черезъ о. Крушинскаго. Нѣсколько человѣкъ отправлены на судъ въ Грацъ. Глѣбовицкий и Славко Кимницевичъ помирились. Слѣдозатѣль при допросахъ очень хирго толкуетъ слова лемковъ.

Первый концертъ на площади. 14. июля. — Утромъ хорошая погода, пополудни снова дождь О. Милинич присужденъ къ 2-годичному тюремному заключенію съ зачисленіемъ 7-мѣсячнаго предварительного заключенія, но за что, то-го не знаю. Послѣ обѣда онъ въ сопровожденіи „пугсфирера“ идетъ,

подъ арестъ. Бѣдный человѣкъ, на пачкѣ ему украли 116 кронъ; мы собрали для него немногій денегъ. Онъ береть свои вещи и прощается съ нами, у всѣхъ наспѣхъ слезы.

Наши крестьяне косятъ сено на лугу за лагеремъ. Сегодня получаемъ на завтракъ фасоль, на обѣдъ кукурузянку, а на ужинъ кѣсце.

Капуста растетъ хорошо. Изъ Америки присланы живущими тамъ лемками въ Галергофъ для раздачи лемкамъ 500 кронъ. Честь и слава американскимъ лемкамъ. Плѣнныи русскіе починяютъ крышу барака, покрываю ее чѣмъ то въ родѣ толя.

Гринъ былъ въ тюремѣ въ строго на строго запрещеніи давать сѣстрынѣ припасы заключеннымъ студентамъ и сообщать имъ сѣднія о жизни въ лагерѣ. Я зналъ, что Романъ Макаръ помѣщается въ маленькой камерѣ, ст. 5 другими арестованными. Какъ они тамъ помѣщаются, уму не постижно, ибо никакъ нельзѧ тамъ больше 3 человѣкъ вмѣстѣ.

Гиссовскій держитъ табачную лавочку. Освобожденный Папара уѣзжаетъ изъ Талергофа.

15. июля. — Утромъ получаемъ тминный супъ, а не фасоль. День теплый. Крестьяне изъ Лоси приходятъ въ нашъ баракъ и покупаютъ рюмками сливовицу или ромъ. Вечеромъ въ баракѣ раздается пѣсни. Покупаемъ фунты „бриндзы“ за 2 кроны. Врачъ Могилевицкій опредѣлилъ у меня рабматизмъ мускуловъ таза.

16. июля. — Босняки и русскіе пѣлины коясть сѣно на лугу за лагеремъ. Барановскій упалъ въ ровъ воалѣ кухни и вывалился себѣ ногу; немедля письменно изѣщаетъ онъ команду лагеря объ этомъ случайнѣ, надѣясь на возможность получения иѣкоторыхъ выгода изъ этого случая. Повиальная бабка, присланная врачомъ, осмотрѣла его ногу и взялась лѣчить.

О. Василий Курилло и о. Феделечакъ дѣлать присланнія изъ Америки деньги помежу лемковъ. Снова потрѣбѣтъ аварія аэропланъ. Одніи лемки, оглядываясь на всѣ стороны говорить потихоньку Ванѣкъ: „слушай Ваня, навѣро и одно изъ государствъ разобѣется, какъ этотъ аэропланъ“. Пишу да пишу сегодня: тминный супъ, кукурузянка, съ новой картошкой, но безъ жиру. Листъ бумаги въ канѣтѣ стоитъ уже 4 гелера.

Генеральная чистка второго участка. Возлѣ 19-го и 20-го бараковъ строятъ трибуны. Власти велятъ женщинамъ переселиться и то вечеромъ въ 11-й баракъ. Кухни и бараки бѣльятъ извѣсткой. Возлѣ церкви женщины выуютъ вѣнки. Въ 5 ч. дня прибываѣтъ 10 человѣкъ изъ Коломицкаго уѣзда. О. Владимиръ Мохнатцкій долженъ быть конфинированъ.

Вечеромъ въ баракѣ пѣніе. Среди поющихъ выдѣляются своякъ прѣятнѣмъ тембромъ и силой голоса крестьянка изъ Костаролоса, близъ Синока, Еви Соболевской и Анны Маслянной. Ихъ пѣніе производитъ милое впечатлѣніе и многіе съ наслажденiemъ ихъ

слушаютъ. Поютъ также студенты и гимназисты. Слушатъ пѣсни: „Безъ росы травица виляетъ, безъ росы деревцо сохнетъ“, „По горамъ ходила“, „Какъ я у матушки жила“, „Южъ сивертомъ застѣ“, „Ночь тиха, благія минуты“, „Зашумѣла бересенька“, „Ой вербо, вербо кучерявъ“, „Какъ я была мала“, „Въ темномъ лѣсѣ“, „Кедъ мнѣ пришла карта наруководїцъ“, „Не осенний мелкій дождикъ“, „Слабая, слабая, видно я умру“, „Укажи мнѣ такую обитель“, „Пришелъ бы къ вамъ, когда бъ я зналъ“, „А я вчера оравъ, (пахаль)“, „У насъ былъ такой Иванъ“, „Онъ копалъ я керниченку, разъ-два-три“, „Ой, верше мой, верше“, „Якъ я пойду на мадьяръ“, „Я есмъ цыганъ“, „Въ Перемышль на Подзамчѣ“, „Дубе, дубе, што съ тя будеѣ“, „Стелися зеленій барвинокъ“ и цѣлый рядъ другихъ пѣсень. Отъ времени до времени важно и мощно раздаются и такія пѣсни какъ „Коль славенъ“ и „Пречистая Дѣво Мати русскаго края“. Многіе тайкомъ плачутъ, у многихъ, отъ волненій и воспоминаній, катятся по щекамъ слезы открыто. Пѣсни эти всѣхъ воодушевляютъ и ободряютъ. Военнопленнѣе русскіе очень проворно и хорошо починяютъ крыши бараковъ.

Развлеченія ради, о. Феделечакъ разсказываетъ крестьянамъ лемковскую сказку, какъ теленокъ, рожденный крестьяниномъ, сѣѣль его и только ноги въ сапогахъ оставилъ. „Жильѣ быть — говоритъ — крестьянинъ, который пилъ только молоко, другихъ жидкостей не принимая. Жена его, желала оту-

чить мужа отъ этой жадности къ молоку и говорить ему, что если дальше онъ будет пить молоко, то родить теленка. Но крестьянин продолжалъ не смотря на это глотать дальше молоко, потолстѣлъ и брюхо ему выросло. Ростъ брюха заставлялъ его удрать изъ дома, ибо началъ бояться, что на глазахъ у жены родить теленка. По дорогѣ въ лѣсу, куда онъ забрѣль встрѣтить пару лежащихъ сапогъ и, взявъ ихъ за уши на пальцы, побрѣль дальше. Приходить вечеромъ въ какую-то хату и стучится. Хозяинъ хаты принялъ его на noctлегъ и помѣстилъ на печкѣ, дабы ему было тепло. Ночью у хозяина хаты корова отелилась, и хозяинъ изъ-за холода, положилъ родившагося теленка на печку возлѣ гостя. Раннимъ утромъ, когда еще все въ хатѣ спали, пробуждалася гость крестьянинъ — и, увидѣвъ возлѣ лежащаго теленка, пришелъ въ ужасъ, такъ какъ ему показалось, что слова жены исполнились. Недолго думая, онъ одѣвалася и, забывъ про найденную имъ сапоги, торопливо уходилъ изъ хаты не простившись съ хозяевами. Въ сапогахъ же, о чемъ не знала нашедший ихъ въ лѣсу крестьянинъ, находились остатки ногъ членовъ, сѣдненаго волками. Хозяинъ хаты, проснувшись прежде всего вспомнилъ о своемъ гостѣ и немедля подошелъ къ печкѣ, но на печкѣ гостя не оказалось, зато остались покинутые имъ сапоги. Хозяинъ удивился, но увидя сапоги, подумалъ: „вотъ хороший гость, оставилъ мнѣ сапоги, попробую, авось мнѣ годятся“, и сталъ

тутъ же пріѣхать сапоги, но нога не лѣзть въ сапоги, ибо что-то мѣшаѣтъ. Тогда онъ засовываетъ руку въ сапогъ и вынимаетъ оттуда голень со ступней человѣцкой! Это его до того напугало, что онъ бѣжитъ къ женѣ и показываетъ ей сапогъ съ найденную въ немъ ногу, говоритъ ей: „вотъ смотри теленокъ сѣдъ крестьянинъ и оставилъ только его ноги“. Крестьянинъ же удрашившися изъ хаты приходитъ домой и разсуждаетъ про себя: „хорошо, что жена не видѣла, какъ я родилъ, вотъ скажалася бы надо мнѣ“. Эта сказочка очень понравилась крестьянину.

17. июля. — Въ 6^й ч. утра отправляется на судъ въ Грацъ Билликевичъ. Баракъ приводятъ въ порядокъ. Воздухъ чистъ, небо синее, вдали видны сѣрия облака. Красные крыши стѣрѣйскихъ хатъ виднѣются издалека. Виднѣются то же горы покрыты виноградникомъ. Авропаны ведутся и по обнаженнѣю падаютъ. Стефанъ изъ бережанъ, широкоплечий видный мужчина, но слабодушный, проходя вслѣдъ кухни, громогласно, но фальшиво поетъ: „она была файнъ, она была добра“. Размахивая палкой, онъ обращается къ встрѣщающимся по дорогѣ людямъ со словами: „раастуши!“ На его искушданіе изнуреннымъ голodomъ лицъ видна легкая улыбка. Увидя, что кто-тоѣ хлѣбъ, подходитъ къ нему и проситъ: „либа“, т. е. „хлѣбъ“. Нѣкоторые крестьяне, имѣющіе деньги приходя въ баракъ, где продаютъ водку и пьютъ ее, рюмку за рюмкой. Одинъ изъ нихъ, послѣ изрядного количества рю-

мокъ, прослезился и, обнимая другого крестьянина, говоритъ: „дай намъ Боже здравья“. Затѣмъ оба возвращаются въ свой баракъ спать. День прошелъ, завтра снова придутъ пить, дабы забыть свою горькую долю. Такъ они дѣлаютъ изо дня въ день, покуда хватитъ у нихъ денегъ.

Слѣдователь допрашиваетъ б заключенныхъ. Заболѣвшаго Григория въ арестѣ помѣстили въ

католические священники. Освященіе произведено съ торжественностью, при участіи войскъ, хора и военной музыки. Удивительный „тактъ“ предержащихъ лагеря, именно въ томъ, что для освященія нашей церкви вымыслили римо-католическихъ ксендзовъ, тогда какъ въ лагерѣ нашихъ священниковъ насчитывается нѣсколько сотенъ. Хоръ подъ управлениемъ о. Петра Дуркота поетъ гимнъ: „Бо-

Партизаны лагерного начальства.

госпиталь. Соболевский, сторожа сожнущее его бѣлье на окружено щей лагерь рѣшетѣ, гуляетъ съ заложенными за спину руками. На головѣ у него старая черная шляпа съ тремя большими жирными пятнами.

18. июля — Воскресенье. День нечастный. Посвященіе нашей греко-католической церкви совершаютъ прибывшіе изъ Граца римско-

же буди покровитель, цѣсарю его країнь“...

Вся церковь и всѣ окрестныя лавки украшены флагами союзныхъ (центральныхъ) государствъ и папскаго престола.

Русские плѣнныя приносятъ стулья для представителей власти, послѣ чего строятся въ ряды вслѣдъ за австрійскими солдатами. Прекрасный видъ представлялъ парадъ

полка тирольскихъ стрѣлковъ во главѣ съ ихъ капитаномъ. Трибуны заняты дамами, генераломъ и офицерами. Съ лѣвой стороны трибунъ уставленъ хоръ пѣвчихъ и оркестръ. Во мнѣ 19 и 20 бараковъ стояла большая бочка съ водой. Публика, какъ всегда, любопытна, не обратила на нее внимания и чириала одинъ на другого, на tolkнула на нее близъ стоящихъ, бочка перевернулась и вода вылилась подъ ноги стоящимъ, которые, спасаясь, разбѣжались по баракамъ и это мѣсто опустѣло. Теперь уже можно было свободно смотрѣть на парадъ войскъ и совершающееся торжество. Финалъ освященія церкви былъ, однако, довольно комиченъ, ибо сильный дождь заставилъ всѣхъ смотрѣвшихъ разбѣжаться по баракамъ и остались только солдаты и нѣсколько священниковъ, но и тѣ промокли, какъ курицы поспѣшили вѣльѣ за убѣгавшими.

19. іюля. — Всегоѣ кантини, власти начали устраивать канализацію и потому за рѣшеткой вы копаютъ рвы для проложеній восточныхъ трубъ. Арестованыхъ повели въ баню. Герда сообщаетъ многимъ, что ихъ прощеніе объ освобожденіи изъ Талергофа не увѣнчалось успѣхомъ. На обѣдъ получаемъ супъ съ галушками и мясомъ. Упражненія пожарной дружины. Ходатайства наши обѣ освобожденій безъ усѣхъ.

20. іюля. — Русскіе военно-плѣнныя перебрасываются на лугу сюю, сѣниорошилкой. Въ заключенныхъ получаютъ письменный приговоръ „Малый — какъ адвокатъ, Кедыкъ — какъ рестораторъ, а

Гизыцкій — какъ часваръ“. О. К посадили въ одиночное заключеніе за скору, а ефрейторъ со штыкомъ шагаетъ за нимъ. Идемъ гулять на кладбище, понятно сопровождаемые солдатами.

21. іюля. — Прошенія о признаніи права одногодичной военной службы, возвращенная намъ вчера, сегодня воинскимъ начальникомъ вновь отбраны у насъ, для надѣжащаго зарегистрированія въ ста-
канцеляріи.

22. іюля. — Нѣкоторые рек-
рутъ изъ 18 — 24 бараковъ дол-
жны идти подъ карантинъ, къ нѣ-
му они послѣ обѣда и готовятся.

23. іюля. — Быть между нахо-
дящимися подъ карантиномъ ре-
кругами, которыхъ власти распре-
дѣляютъ по полкамъ. Переходжу съ Юркемъ, Поздиновичемъ во вто-
рую комнату этого барака. Цыганъ
Петръ изъ Лемковщины, тоже ре-
кругъ, разсказываетъ мнѣ подробнѣ
о цыганской жизни и, между
прочимъ, о своей матери, имѣвшей
трехъ мужья. Нашъ баракъ со
всѣхъ сторонъ былъ окруженнѣ
проволокой, чтобы никто не
удралъ изъ него, несмотря на
это, мы ухитрялись въ то время
когда солдатъ, сторожацій настѣ,
отходилъ отъ настѣ на значитель-
ное разстояніе и былъ обращенъ
къ намъ спиной, поднимать эту прово-
локу и проскальзывать по подъ-
ней, подобно вѣщамъ, наружу, да-
бы увидѣться со своими; вечеромъ
возвращались мы такимъ же обра-
зомъ въ баракъ рекрутъ. О. О-
рестъ Тустановскій уѣзжаетъ изъ
лагеря. Говорить, что постовой

солдатъ ранилъ одного интерниро-
ванного.

25. іюля. — Сегодня мнѣ не
удалось выйти изъ барака, ибо сто-
рожацій настѣ солдатъ слѣдилъ
внимательно за каждымъ нашимъ
движеніемъ. Папаша приносить мнѣ
масло и бѣлье. Освобожденные по-
лучаютъ путевые документы къ под-
писи.

25. іюля. — Жизнь рекрутъ
весь карантиномъ. Одни играютъ
въ карты, не пользуясь днёмъ въ карты,

получить отпускъ, чтобы повидать-
ся съ родными.

26. іюля. — Пріѣздъ генерала.
Дождь падаетъ. Въ Баучъ уѣзжа-
ютъ: Макартъ, Николай Галь и дру-
гие. Скука смертная, всѣтствіе че-
го уже послѣ обѣда ложимся спать.
Я почти все приготовилъ къ отъ-
ѣзу въ Фрейнденохфъ. 30 человѣкъ
изъ 30-аго барака уѣзжаетъ, меж-
ду ними находятся и Саврукъ. На
площади оглашаютъ списки осво-
божденныхъ. Я удираю вечеромъ

Ревакъ барака освобожденныхъ.

другое курять пачиросы и зедутъ
изъ карантинна къ отцу въ 21-ый
баракъ, а потомъ возвращаюсь до-
мой. Сегодня дали на завтракъ ко-
фе, на обѣдъ супъ съ мелкими
клещами и мясомъ, и на ужинъ
картофельный супъ. Приготовлено
запасы съѣдобнаго на дорогу.

27. іюля. — День хороший.
Идемъ купаться. Новобранцы, при-
численные къ 56 и 57 полкамъ, уѣз-

жаются въ 11 ч. утра. Многихъ новобранцевъ отпускаютъ на свободу, почему не на фронтъ, одинъ Богъ вѣдѣтъ. Кузакъ вторично интернированъ.

Мастера строятъ новые, болѣе удобные сортиры. Они соединяютъ 6-й баракъ съ первой кухней и дѣлаютъ что-то въ родѣ столовой. Получаемъ на завтракъ и ужинъ кофе, на обѣдъ картофельный супъ съ мясомъ. Вечеромъ хоръ поетъ хорошо разиня пѣсни.

Въ одиночномъ заключеніи однѣ изъ крестьянъ повѣсились на подтижкахъ. Къ счастью во время замѣтили и сняли устѣни спаси. Причиной его самоубийства было приговореніе его къ $\frac{2}{3}$ годамъ тюремного заключенія. Вечеромъ посадили въ одиночное заключеніе коменданта барака К-ра, за то, что бѣлъ пѣялъ.

28. июля. — Погода, день теплый. Со скучи, покупаемъ газеты и читаемъ. Новобранцы играютъ въ тарока и въ „ферблѣ“ или преферанс или покуриваютъ папиросы или плюютъ или же просто лежать на кровати и поють пѣсни, а то, просто роздумываютъ. Сенько дѣлаетъ папиросы, набивая табакъ въ гильзы. Цыганъ Петръ, устремивъ взоръ въ одно мѣсто, о чѣмъ-то думаетъ.

Жители третьего участка переходятъ частно въ 31 и 32 бараки а частью въ бараки второго участка. О. Влад. Мохнацкій въ 10 час. утра выѣзжаетъ на „конфигацію“.

Въ цѣломъ лагерь господствуѣтъ вѣтъ отны. Говорятъ, что 2 тысячи членовъ должны прибыть въ ла-

геръ. Даже новобранцевъ власти не оставили въ покое. Изъ барака С (II) переходимъ въ баракъ А послѣ ряда противоположныхъ распоряженій. Въ прежний баракъ переходятъ женщины второго участка. Ночью прибыло въ лагерь 30 человѣкъ. Пѣни не устраиваетъ, ибо нѣтъ охоты.

29. июля. — День теплый. Отъ юза въ Меришъ Нейштадтъ. Напара какъ говорятъ, состоять скретаремъ |магистрата| седьмого класса, будущи отставнымъ судьей. Сегодня получаемъ на завтракъ картофельный супъ, на обѣдъ — супъ съ мясомъ, а на ужинъ кофе. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отѣзда изъ лагеря, ибо уже очень скучно. Лавочница зарабатываетъ на чисто минимумъ 35%. Однѣ новобранцы играютъ отъ скучи въ карты съ 12 ч. дня до 9 ч. утра, слѣдующаго дня. Маргарита Попель заболѣла и лежитъ въ госпиталь.

30. июля. — Пасмурно. Утромъ прибываетъ въ лагерь изъ Заандорпера |многочисленный| транспортъ женщинъ и дѣтей. Почему ихъ не выпустили на свободу? Дѣтиплачутъ и кричатъ, требуя воды и хлѣба. Солдаты сопровождаютъ ихъ въ бани.

О. Вас. Куриллоѣзыаетъ почтой своей семьѣ въ Флорину свой портретъ Юланъ Дуркотъ, какъ освобожденный, съ 13 новобранцами, уѣзжающими въ свою полку. Посаженные въ одиночное заключеніе за то, что при наборѣ въ солдаты записались русскими, только спустя 2 недѣли освобождены изъ подъ ареста, но Чировскому этого еще мало и онъ заставля-

еть ихъ висѣть привязанными къ столбу, за исключениемъ троихъ, въ теченіи 2 часовъ. Это были: Гелатовичъ, Добринскій и еще кто-то третій, которыхъ врачъ освободилъ отъ этого наказанія. Эти исхудалые блѣдны люди послѣ 2 недѣльныхъ истязаній и страданій въ тѣсной душной кельѣ будутъ висѣть привязанные къ столбу и инова страдать отъ невыносимой боли и падать въ обморокъ, и можетъ быть истекать кровью, льющейся изъ носа и рта. И это называется культурная страна, въ которой инквизиція была запрещена! Т. об. по приходѣ Чировскаго будуть наказаны люди за то, что осмѣялись официально заявить себѣ русскимъ! Цѣлая толпа народа, каждый разъ ожидаетъ появленія этихъ мучениковъ и сопровождающая ихъ по баракамъ.

Нѣкоторые рекруты (новобранцы) дѣлаютъ себѣ изъ досокъ чесодинки на веши. Однѣ изъ нихъ варижъ чай и продаютъ стаканъ чаю по 2 геллера. Другой продаѣтъ кубики Магги (Maggie-Würfel) на супъ и хлѣбъ, ибо нуждается въ деньгахъ. Романъ Машарь, исхудалый послѣ ареста и истязанія, но бодрый духомъ, Славко Кмидиковичъ и Грицкъ посыпаютъ насъ.

31. июля. — Суббота. Солнечный красный день. Присужденныхъ поочередно подвергаютъ наказанію въ привязанномъ къ столбу!

Григорій Карель разсказывалъ Онуфрію Ткачу, что Мацаичевъ (лемко), былъ раненъ на фронтѣ въ Далматии во время боя съ итальянцами. Въ лагерь находится

одинъ еврей, который все молчитъ и плачетъ, бѣдный человѣкъ. Кизмы бѣдѣтъ людей. Сегодня даютъ намъ на завтракъ супъ съ фасолью, на обѣдъ супъ съ клецками и мясомъ, и на ужинъ спаржевый супъ:

Августъ 1915 года.

1. авг. — Кедыѣ продаются чешскіе кваргли (желтый сыръ съ острымъ запахомъ), пиво и водку. Иду гулять съ Перегинцемъ. Авдотъ катъ дѣтъ Хилякъ уѣхала изъ лагеря. Въ новыхъ баракахъ новобранцы играютъ въ карты, образовалось шесть партій. Въ этихъ баракахъ жить пріятѣль, ибо проходище чѣмъ въ нашихъ.

2. авг. — Утромъ иду въ 10 баракъ, а поспѣхъ для допроса къ судье Величковскому.

Русскіе съ радостью покидаются 34 баракъ и возвращаются въ свои бараки. Это произошло по приказу генерала Бачинскаго, по ходатайству депутатіи интернированныхъ, бывшей у него и просившей его обѣ этомъ. Ему известно, что въ лагерь Чировскій — персонажъ odiosa (ненавистный человѣкъ).

3. авг. — Идетъ дождь. Иду гулять съ Евстахиемъ Макаромъ. Въ супъ кладутъ мелкій зеленый лукъ. Получаю письмо отъ брата Зенона изъ Любляны.

4. авг. — День хороший. Въ лагерь прибываютъ новые люди изъ Галичинъ. Передъ купаньемъ въ бани отстрѣли ихъ, ибо у нихъ были очень длинные волосы. Илья Бекерскій находится подъ карантиномъ тутъ же возѣ нашего барака. Недалеко отъ насъ мастера строятъ

2 новыхъ барака и обижаютъ ихъ досками. Во время обѣда коменданты барака Паничко даютъ разсвирепия. Сегодня 9 новобранцевъ уѣзжаютъ изъ лагеря.

Наши работники возвратились изъ Граца; за работу въ фабрикахъ или у крестьянъ получали по деню по 1 кр. 40 г. до 1 к. 50 гел., пиши 3 раза въ день и квартиру. Такъ какъ они солидарно отказались работать по воскресеньямъ, то хозяева не давали имъ по воскресеньямъ пищи, вслѣдствіе чего они вынуждены были покупать себѣ єду за заработанные деньги. Жарко. „Радиа“ Конопинскій имѣеть, какъ говорятъ, копію списка политическихъ неблагонадежныхъ. Сегодня получаемъ на завтракъ кофе, на обѣдѣ кукурузинку, а на ужинъ — картофель съ капустой.

5. авг. — Утромъ прохладно, пополудни жарко. Отъ брата Зенона изъ Любляны получаю открытку съ интересными вѣстями. Имѣя разрѣщеніе врача, выхожу сейчасъ послѣ обѣда гулять. Сегодня день моего ангела. Работники, копая землю, вырыли трупъ, одѣтый въ длинные сапоги и платье со сложенными на кресть рукаами! Тамъ где прежде были 3 деревянныхъ креста, нашли много человѣческихъ костей. Работники сложили кости въ гробы и отнесли ихъ на кладбище и зарыли ихъ безъ священника. Это произошло въ присутствии многихъ интернированныхъ. Ужасное впечатлѣніе.

6. авг. — Очень жаркий день. На завтракъ даютъ картофельный супъ, на обѣдѣ кукурузинку („мамалыгу“), а на ужинъ — кофе.

Обѣдъ даютъ уже въ 10½ ч. утра. Изъ-за жары и обилья комаровъ спать не могу. Вечеромъ открыть входъ въ новые нормальные сортировы, въ старые входъ запрещенъ. На лугахъ собираютъ работники овесъ и сѣно и связать въ сараи, возить съ запряженными лошадью въ коровой. Настоятельмъ къ намъ назначенъ о. Карпикъ. Сегодня онъ прибылъ въ лагерь.

Въ 10 баракѣ произошла драка между цыганами. Тингенфѣль приказалъ поэтому посадить подъ арестъ одну цыганку. Драка произошла и за свободной цыганской любви. Съ 12 ч. ночи до 6 ч. утра, вѣтъ съ Шемердякомъ, стоя на часахъ, у отрѣблѣнія пожарной дружинѣ. Замѣчано, что повара уже въ 12 ч. ночи начинаютъ варить въ огромныхъ котлахъ кофе на завтракъ. Слышу движеніе поѣзда въ Грацъ и обратно. Тихая, приятная и спокойная ночь дѣйствуетъ успокающе на мое расставшееся нервъ. Наша умывальня находится во дворѣ въ баракѣ, что даетъ намъ возможность мыться подъ голымъ небомъ. Къ намъ доносится пѣсъ собакъ изъ сырой ской деревни. Зато неслышно птичье концерта, ибо пернатое царство, какъ и люди, почиваетъ. Весь денний шумъ и гамъ утихъ. Природа спитъ. Невольно я задумалась и мысли текутъ далеко въ родные мѣста на Лемковщину, а слезы невольно наворачиваются на глазу.

8. авг. — Утромъ прибываю въ лагерь новый транспортъ интернированныхъ. О. Хризостомъ Дуркотъ умеръ въ госпиталѣ, ибо болѣе его сердце не вынесло вы-

сокой температуры. Говорятъ, у него была „Gelbkrankheit“.

Михаилъ Максимчакъ присыпалъ о. Вас. Курилло открыту изъ Бау-чу. Читаю пѣсенницу. О. Карпикъ совершаетъ свое первое богослуженіе въ церкви.

9 авг. — Сегодня прибылъ въ лагерь генераль Бачинскій. На кладбищѣ власти приказали обрѣзать трехраменные кресты. На кладбищѣ находится одинъ еврейскій памятникъ, но его власти не тронули. Въ 6 ч. вечера состоялись похороны о. Хр. Дуркота. Хоръ подъ управлѣніемъ Галушки пѣлъ превосходно. Хоронилъ о. Карпикъ.

10. авг. — Сегодня снялъ съ касъ фотографію одинъ фотографъ. Хотѣть иметь мелкій донжичекъ, однако въ воздухѣ жарко.

11. авг. — Получаемъ новыя вѣсти отъ Уѣскаго. Дождь падаетъ. Одна девушка десятаго барака только и дѣлаетъ, что смотритъ по цѣлымъ днамъ въ окно на проходящихъ мимо. Новобранцы переживаютъ ужасное время. Въ они ожидаются съ нетерпѣніемъ призыва покинуть лагерь. Всѣ изнервничались, ибо находятся 3 недѣли подъ карантиномъ безъ всякой занятости и работы. Всюль лавочки ожидали Уѣскаго. Онъ даетъ намъ письменный приказъ и мы: Юрий Поповичъ, Макаръ и я, бѣремъ наши вещи и переходимъ въ 20-й баракъ. Спать приходится по двумъ на одномъ сѣнникѣ. 20 новобранцевъ власти переводятъ въ круглые бараки, но почему? „Приказъ есть приказъ“. Параничъ умеръ.

12. авг. — День хороший. Мы получаемъ отъ фотографа наши

снимки. Уѣзжаютъ изъ лагеря: Розалья Скалько, русская патріотка изъ Угерецъ минеральныхъ (уѣздъ Йѣско) Гарбера, Трохановская Марія изъ Криницы и еще 9 человѣкъ. Скука смертная. Юрко П. ходить изъ барака въ баракъ и играть въ „тарока“. А. Дутка освобожденъ. Ольга Байкова, урожденная Ладижинская изъ Самбора, сидитъ на скамейкѣ и шьетъ что-то. Много людей уѣзжаютъ на свободу, а многиеѣ єдутъ на работы. Всѣхъ новобранцевъ снова переводятъ въ 21 баракъ. Снова прибылъ транспортъ интернированныхъ въ числѣ 27 человѣкъ.

13. авг. — Пятница. Снова по приказанію властей новобранцевъ переводятъ въ землянки. Буря съ громомъ и молнией и проливнымъ дождемъ. Отдаю сапоги для починки, а бѣлье въ майку, словомъ готовлюсь къ отѣзду. Читаю сочиненіе Виргилия. Ужасная бѣготня въ лагерь. Новый приказъ и такъ чутъ ли не каждые полчаса!

Наши люди прямо таки теряютъ голову. Вижу постоянное переселеніе людей изъ одного барака въ другой. Однѣ старикъ, жалуясь, говоритъ мнѣ: „А знаете, господи, что въ теченіе 50-лѣтней своей жизни я не мѣнялъ квартиръ столько разъ, сколько мѣнялъ бараки въ лагерь въ теченіи этихъ 10 мѣсяцевъ“. Это даже не даетъ мнѣ спокойно спать, ибо часто мнѣ снится, что надо складывать вещи и идти въ другой баракъ“.

Въ землянкахъ новобранцы уже кое-какъ разгостились. Они принесли на плечахъ свои сѣнники и вѣ-

щи и, уложивъ сбъники у стѣнь, разложили свои вещи и на новоселья закурили папиросы. Но льетъ такъ сильный дождь, что протекаетъ черезъ крышу. Поляки пьютъ пиво. Напротивъ меня помѣстился о. Игнатій Гудима и учится усердно французскому языку.

14. авг. — О. Вас. Курилло даетъ себѣ остричь машинкой нульевымъ номеромъ, а бороду стричь не позволяетъ. Онъ дѣлить помежу людей терезинскаго транспорта 650 кронъ, присланыхъ изъ Америки. Субсидія присланная изъ Америки для лемковъ въ суммѣ 450 кронъ будеть между нихъ раздана на днѧхъ. Прибыль транспортъ изъ Оломоуца. Отъ оберлейтенанта Герца получаю извѣщеніе, что мнѣ признана одногодичная служба въ качествѣ добровольца.

15. авг. — Воскресенье. Въ 9 ч. утра совершаются богослуженіе въ церкви и въ 18-омъ баракѣ. Мерениха изъ Береста находится подъ карантиномъ. Юстинъ Воргачъ изъ Флоринка даетъ ей взаймы 10 кронъ на дорогу въ присутствіи Маріи Холей изъ Береста.

16. авг. — 80 новобранцевъ уѣзжаютъ въ 9-ый краковскій полкъ. Въ 6 ч. вечера лагерь посещаетъ для осмотра врачебная комиссія. Послѣ обѣда идетъ дождь. Повизавшую бабку двое солдатъ караулъныхъ выпроваживаютъ изъ лагеря. Получаемъ на завтракъ картофельный супъ, на обѣдъ — фасоль, полбу и рисъ, вмѣстѣ сваренные, а на ужинъ тминную похлебку. Въ 8 и 32 баракахъ уже постоянно нѣть чаю.

17. авг. — Новобранцевъ отправили въ 4 разные полки. Въ 32 баракѣ упражненія хорового пѣнія. Получаемъ кофе, кукурузянку и капусту съ турецкимъ перцемъ (паприкой). Уже довольно продолжительное время не получаемъ мяса. Изъ лагеря уѣзжаютъ: Зѣринъ, Патроникъ, гимназистъ Савчакъ, Кметъчикъ и Кузьмакъ.

18. авг. — Тезоименитство Франца Йосифа I. Торжественное богослуженіе въ церкви и 18 баракѣ, съ участіемъ хора. Возлѣ молочной лавки играютъ на музыкальныхъ инструментахъ: Гринбергъ, Ревсь, Пепи, Сеникъ и др. Въ 8 ч. музыка у полкового врача. Сегодня получаемъ на завтракъ: кофе, на обѣдъ гуляшъ, а на ужинъ — кофе. Новобранцы уѣзжаютъ въ 20 полкъ ополченцевъ. Власти поменяли улицы и площади лагеря. Ночи бываютъ холодныя, а утро пасмурное.

19. авг. — Преображеніе Господне. Въ 18 баракѣ во время богослуженія поетъ хоръ. Ревѣтъ играть на скрипкѣ у главного врача лагеря. Снова заставляютъ студентовъ записываться въ пожарную дружину. Михаиль Перегинецъ и Мудрый удрали изъ барака предназначеннаго для пожарной дружины въ 21 баракъ. Командантъ пожарной дружины назначенъ Максимовичъ. Въ молочной лавкѣ недѣлью тому назадъ назначенъ прдававшемъ одинъ изъ студентовъ. Кедыкъ продаётъ водку, папиросы, «бриндуз», чешскіе кваргли и пр. Я прощаюсь со всѣми, ибо утромъ нашъ транспортъ новобранцевъ дол-

женъ отправиться въ 20 пѣхотный полкъ въ Тарновъ.

20. авг. — Прощаю со всѣми еще разъ. Цѣлая толпа нашихъ сопровождаетъ насъ до рѣшетки. Производятъ ревизіи нашихъ вѣщій. Мои записи я попряталъ частично въ сапогахъ, частично въ карманахъ, а частично въ чемоданчикѣ съ двойнымъ дномъ. Прощаю со своимъ отцомъ въ послѣдній разъ, отъ благословляю меня на новый

Нагрузка багажа передъ отправкой на вокзалъ.

путъ словами: «чаще пиши мнѣ и не забывай обо мнѣ». Это были его послѣднія слова до новой съ нимъ встречи. Но тогда ни онъ ни я не думали, увидимся ли снова, а ожидали каждый въ отдѣльности самаго худшаго, и потому такъ прощались, какъ будто уже больше не встрѣтимся въ сей жизни. Я ходилъ на фронтъ, гдѣ шальная пушка легко могла лишить меня жизни и покидать отца-старика въ潭омъ меѣсть, откуда живымъ и здо-

и смотрѣть на махавшихъ намъ платками и шляпами прощающихся съ нами до тѣхъ поръ, пока лагерь не скрылся отъ глазъ нашихъ. Плодой къ станціи желѣзной дороги, увидѣли ожидающей насъ поѣздъ и немедля заняли отведенныя намъ въ этомъ поѣздѣ меѣства. Поѣздъ тронулся и тутъ въ пути я еще разъ имѣлъ возможность изъ окна вагона посмотретьъ на удали ющийся отъ насъ талергофский лагерь.

Свидѣтельство узника изъ Снятинщины.

с. Волчковцы, Снятинского уѣзда.
(Сообщеніе Ивана А. Васюты).

Въ послѣднюю ночь передъ отѣзdomъ изъ сионцкой тюрмы, узнаемъ, что мы будемъ отправлены въ Градецъ. Однако мы ошиблись въ нашихъ разсчетахъ на улучшение нашего положенія, ибо проѣхавъ черезъ Градецъ, мы очутились въ Талергофѣ.

Быть мѣсяцъ ноября. Мы были размѣщены въ палаткахъ, въ которыхъ господствовали грязь, насѣкомыя и холода. Позаже мы узнали, что въ этихъ палаткахъ побывали до нашего прїѣза тысячи людей.

Палатки были назначены для карантинна. Купить нечего, голодъ докладаетъ и нельзя выйти на просторъ, ибо палатки окружены колючей проволокой.

Послѣ двухнедѣльного карантинна отправляемся въ весьма своеобразную баню. По серединѣ котель съ полуутопленной водой, рядомъ разставлены грязные корыта, полъ вымощены каменными, ледениющими ноги плитами. Велять раздѣваться до дворъ, на снѣгу. Одежды забираютъ для дезинфекции, насть гонять въ ангары купаться, а поспѣхъ купанья опять на снѣгъ — одѣваться.

Въ новыхъ баракахъ, въ которыхъ мы размѣстились послѣ бани, страшная скучность. По 250 — 280 человѣкъ въ одномъ, ночью трудно обернуться.

Ежедневно прибывали въ Талергофъ новая партии, ежедневно

ихъ раздѣвали на снѣгу, послѣдствиемъ чего были массовая забѣльванія заключенныхъ сыпнымъ тифомъ и другими болѣзнями. Эпидемія косила народъ десятками и сотнями. Въ одно время казалось, что весь лагерь вымретъ и живой душѣ въ немъ не останется.

Были между нами свои врачи, и. пр. д-ръ Влад. Могильницкий изъ Бучача и д-ръ Бойтовичъ изъ Перемышля. Они работали сверхъ своихъ силъ, однако результаты были неизначительны. Нехватало лекарствъ, инструментовъ и средствъ.

Эпидемія между тѣмъ распространялась съ ужасающей скоростью. Какъ я уже упомянулъ, въ баракахъ находилось по 250 — 300 человѣкъ, а были бараки съ насыпями въ три этажа, которые вмѣщали по 500 человѣкъ. Большили рѣшительно всѣ. Въ начальѣ такой болни чувствовалъ себя весьма несчастнымъ и одинокимъ. Когда же позже большой тифомъ видѣлъ, что соѣдѣ его справа мертвъ, слышилъ его дыханіе, сверху стягиваются покойники, а въ коридорѣ лежитъ рядомъ нѣсколько человѣкъ и бредятъ въ тифозномъ жару, тогда дѣялся постепенно равнодушіемъ къ своимъ болѣзнямъ и къ окружающимъ его средѣ. Нынѣ его ташатъ на кладбище, потащать замѣяния, и такъ продолжалось безъ конца. Когда человѣкъ поднималъ утромъ съ постели, видѣлъ на ул-

ице передъ бараками покойниковъ въ разныхъ видахъ — голыхъ, въ лохмотьяхъ, одни лежали подъ насыпями крыши, иные прямо въ грязи — на землѣ, а подъ часовенкой къ полуночи собиралось ежедневно 30 — 40 — 50 гробовъ со покойниками:

Эпидемія унесла въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ до трехъ тысячъ жертвъ. Если они похоронены „подъ сосновами“.

Въ другой половинѣ лѣта проявился рекрутскій наборъ. Были зачислены на военную службу всѣ до 50-лѣтнаго возраста. Молодыхъ сбѣжалъ же погибли изъ позиций, а кто постарше, то были взяты въ началѣ 1916 г. Настало именно времѧ, когда австрійскіе вожди почувствовали недостатокъ въ пушечномъ мясе. Тутъ уже не стали разбирать, благонадѣженъ ли человѣкъ или же политически заподозрѣнъ, всѣ мало-мальски вѣйшіе здоровые оказались подходящими солдатами.

И я былъ определенъ въ началѣ марта 1916 г. на военную службу. Не стану скрывать не понравился мнѣ этотъ спорѣзъ, однако, съ другой стороны, я почувствовалъ до нѣкоторой степени удовлетвореніе, надѣясь вырваться изъ волю изъ грязной клѣтки.

Не долго радовался я свободѣ, ибо на третій день Пасхи я былъ опять арестованъ, благодаря маэстро экс-жандарму Добринскому-Демковичу, вергтишемуся между вами въ полку. Именно онъ обвинилъ насть четырехъ въ государственной измѣнѣ, послѣдствіемъ

чего мы очутились въ военной тюрьмѣ въ Градецѣ.

Послѣ предварительного слѣдствія продолжавшагося въ общемъ два мѣсяца, получаемъ, я и мой товарищъ Іосифъ Кебузъ, изъ с. Пикичъ, Перемышльскаго уѣзда,

Ведомагородская бани.

по 15 мѣсяцевъ военной тюрьмы, студентъ Зваричъ изъ Сулимова жолковскаго уѣзда, 12 мѣсяцевъ, а студентъ М. Гукъ изъ Львова — 18 мѣсяцевъ. Судъ опредѣлилъ намъ въ защитники украинофилъ д-ра Чирковскаго, который на судѣ —

своими разъяснениями относитель-
но опасности для государства "рус-
софийского" движений больше за-
щищала свидѣтеля, то есть экс-
жандарма Добринского, а намъ тѣль
самыи оказать медвѣдью услугу.

По прочтѣніи приговора мы
внесли жалобу, но принесшую намъ,
однако, ни малѣйшей пользы.

По истечѣніи двухъ мѣсяцевъ
прѣзжалъ осматривать тюрьму ка-
кой то генералъ, по національности
изъ южныхъ славянъ. Во время
обыкновенного допроса генераломъ
арестантовъ, относительно обра-
щеній тюремной администраціи, про-
питанія и вообще порядка, я, скрѣ-
пя сердце, выступилъ впередъ и,
изложивъ свою жалобу и лишен-
ную оснований клевету со стороны
доносчика, послужившую причиной
незаслуженнаго наказанія просилъ
генерала о пересмотрѣ моего и то-
варищей дѣла. Не знаю, погрѣбъ
ли генералъ моей жалобѣ, а быть
можеть знать кое-что о массовыхъ
ссылкахъ галичать въ глубь Авст-
рии, но оѣъ пообщаться намъ за-
няться ближе нашей судьбы. Нѣ-
которое время спустя послѣ его

отъѣзда намъ объявлено, что будь
пересмотръ дѣла въ дивизион-
номъ судѣ и допросъ нами постав-
ленныхъ свидѣтелей.

Мы были отправлены въ роту,
а черезъ нѣсколько недѣль затѣмъ
оправданы и освобождены отъ на-
казанія.

Во времѣн второго разбиратель-
ства выяснилось, что нашъ споръ
съ экс-жандармомъ не имѣлъ на-
литического характера, а заклю-
чался въ препирательствѣ относи-
тельно существованія въ Галичинѣ
русскихъ просвѣтительныхъ инсти-
тутуцъ и обществъ по окончаніи
войны. Мы конечно отставали свою
позицію, а доносчику хотѣлось ви-
дѣть въ Галичинѣ монопольную ма-
зенію, потому что постыднѣлся оклев-
етывать настъ передъ военными вла-
стями.

На судѣ признали жандарма неимѣющимъ, а настъ послѣ осво-
божденія отправили на итальянскій
фронтъ, сперва въ Сиранъ, а по-
слѣ въ Кальдонасъ и Асіажо. Такъ
томились мы, взбираясь съ кирка-
ми и винтовками по Альпамъ, вплоть
до развали Австрии. II. A. B.

Дневникъ священника изъ Самборщины.

(Сообщеніе Евгений Степ. Березской).

Въ Талергофѣ пробылъ мой
покойный отецъ, Степанъ Андре-
евичъ Березский, три мѣсяца испы-
тывая всѣ лишенія и страданія, ко-
торыми прославился Талергофъ.

Голодъ и холода подорвали
его слабое здоровье. По истечѣніи
трехъ мѣсяцевъ онъ былъ переве-

денъ въ Вѣну, а отсюда по истечѣніи полутора въ Чехию, гдѣ жилъ
подъ надзоромъ полиції, въ мѣ-
стности Veseli Mezi-mosfi, до конца
мая 1917 г.

Возвратившись домой, измучен-
ный физически и нравственно, опасно
заболѣвъ и пролежавъ шесть мѣ-

сяцевъ въ кровати. Не взырая на
всевозможныя старанія, изнуренный
организмъ не побѣдилъ тяжелой
болѣзи и, хотя отецъ жилъ еще
четыре года, здоровъ не былъ, и
умеръ 10 марта 1922 г.

Подако отрывки изъ его днев-
ника, которые до нѣкоторой степ-
ени рисуютъ незавидную жизнъ
въ Талергофѣ:

20 сентября, проѣхавъ два про-
лета за Градецомъ, мы вышли изъ
вагоновъ въ Abtissendorf. Отсюда
прошли пѣшкомъ и черезъ чет-
верть часа очутились въ Талерго-
фѣ. Наши эшелоны состояль изъ
333 человѣкъ.

Талергофъ представляетъ изъ
себя пространную равнину въ нѣ-
сколько миль въ окружности, зам-
кнутую непрерывнымъ колыцемъ
горъ. Тутъ-то практические нѣмы
устроили величайшую въ мірѣ, не-
слыханную въ исторіи тюрьму, по
строивъ настѣль нѣсколько сотень
разнаго типа бараковъ. Въ этой
рукотворной тюрьмѣ вадумали за-
ключить и уничтожить русскій духъ,
спокойно боровшійся за свои пра-
ва на своей русской землѣ При-
карпатья.

Отъ пятницы до понедѣльника
никто не спросилъ настъ, кушали
ли мы что-либо или голодны. Не
разрѣщалось на собственныхъ день-
ги приобрѣтать продукты пропитанія.
Заключенные дѣлились другу
съ другомъ послѣдними крохами,
приобрѣтными еще въ Галичинѣ
и Чехии. И только вечеромъ въ по-
недѣльникъ было поданъ намъ
скверный супъ, который волей-не-
волей пришлось ёстъ,

Начиная съ 22 сентября и до кон-
ца этого мѣсяца выдавалась на че-
ловѣка половина казенного хлѣба,
супъ и первовая каша пополамъ
съ картофелемъ. Въ этотъ про-
межутокъ времени умерло отъ ис-
тощенія 20 человѣкъ.

30 сентября умеръ свящ. Куш-
нѣръ изъ Сторонной.

1 октября умерло трое чело-
вѣкъ. Ночь была морозная, день
теплый. Была дана нѣкоторая сво-
бода: разрѣшено прохаживаться
между бараковъ безъ конвоя. Вече-
ромъ получили мы чай, ночью
разрѣшено выходить въ уборную
безъ конвоя.

2 октября хоронили четырехъ
покойниковъ. Днемъ было жарко,
ночью холодно и морозно.

3 октября хоронили покойни-
ка. Настъ перевели поспѣ бани изъ
палатокъ въ деревянные бараки.
Обѣда не получили, вечеромъ пили
кофе безъ хлѣба, ночью спали на
землѣ безъ подстилки.

4 октября въ воскресенье, по-
слѣ утреннаго кофе служили пе-
редъ бараками молебенъ въ при-
сутствіи офицеровъ. Послѣ молеб-
на пѣли многоголосіе и держав-
ный гимнъ по нѣмецкому и по рус-
ски. Священникъ изъ Талергофѣ
во львовской духовной семинаріи, престарѣлый о.
Дольницкій (90 лѣтъ), находившій-
ся здѣсь также на положеніи "из-
мѣнника" и "шпиона". Между нами
распространилась вѣсть, что Пе-
ремышль и Краковъ заняты рус-
скими войсками.

5 октября, вѣкій украинофиль
сдѣлать доносъ полковнику, что
свящ. Сеникъ, поблагодаривъ по-

слѣ молебствія австрійскихъ офицеровъ за разрѣзанный молебень, пращаѣтъ ихъ „сердечнымъ русскимъ словомъ“. Полковникъ отвѣтилъ доносчику, что онъ не различаетъ здѣсь Ruthen-овъ, Ukrainer, ни Russen, а всѣхъ считаетъ Gefangene (заключенными).

6 октября утромъ умеръ свящ. Влад. Полосиновичъ. Похорони состоялись по полудни.

7 октября были мы встревожены вѣстью, что въ Перемышль сбомбардированъ русский соборъ и всѣ русскіе общественные дома.

8 октября умерло двое крестьянъ.

9 октября, еще два похороны.

10 октября хоронили крестьянина и еврея. Оба умерли отъ дементіи.

11 октября, въ воскресенье, священпостыдствовало о. Дольницкій. Меня нарядили за хлѣбомъ. Умеръ старикъ Шемердякъ изъ Старого Самбора и именовавшись Чайковскій, довольно захижточный человѣкъ, оставилъ нѣсколько тяжь коронъ на благотворительные цѣли.

12 октября хоронили православного священника.

13 октября встрѣтился я съ свящ. Евгениемъ Льв. Козаневичемъ изъ Стратевичъ.

15 октября умеръ свящ. д-ръ Людкевичъ, проф. богословія въ Перемышль. Похорони состоялись на слѣдующий день при участіи свыше тысячи человѣкъ, въ томъ числѣ около 250 священниковъ.

17 и 18 октября похорони крестьянина.

20 октября. Въ отмѣстку за анонинную открытуку, угрожавшую жалобой передъ высшимъ начальствомъ по поводу плохого харча, полковникъ наложилъ барачный арестъ.

21 октября хоронили крестьянина. Барачный арестъ вошелъ въ силу. На слѣдующій день арестъ отмѣняется. Опять похорони крестьянина.

25 октября три похорони утромъ, одинъ по полудни.

26 октября хоронять крестьянина.

27 октября полякъ Дуда дѣлаетъ доносъ начальству, что въ 4-омъ баракѣ ведутся политическая разговоры. За это были запреты въ темницѣ: Папій, Витошинскій, Великій и Кинасевичъ, а остальные были наказаны комнатнымъ арестомъ.

28 и 29 октября по однимъ похоронамъ. Комнатный арестъ отмѣняется; страдаю болью зубовъ.

Съ 30 октября по 4 ноября ежедневно похорони.

5 ноября хоронять пятерыхъ. 6 ноября, ночью, съ четверга на пятницу, конвойные вынесли за черту бараковъ, подозрѣнныхъ въ холерѣ.

Съ 7 по 12 ноября морозъ. Въ этотъ промежутокъ времени отпущенено на волю 76 человѣкъ украйніофоловъ.

16 ноября разрѣшено курить за бараками.

19 ноября ночью умеръ свящ. Шандровскій.

20 ноября умеръ крестьянина.

21 ноября, въ правдникъ св. Михаила встрѣчаю съ крестомъ

Степаномъ Гнатишинымъ изъ с. Мистковичъ и со знакомыми изъ села Ковиничи.

24 ноября умерло семь человѣкъ вслѣдствіе простуды послѣ бани.

25 ноября умеръ одинъ человѣкъ.

27 ноября умеръ одинъ человѣкъ.

1 декабря отпущена на волю партия украинофоловъ. Привезли 21 чел. русскихъ пленныхъ. Всѣ также раненые, у одного нога еле держалась у туловища.

4 декабря распространялось извѣстіе, что 400 человѣкъ будутъ освобождены. Хоронять крестьянина изъ с. Корминичъ.

5 декабря. Умеръ крестьянинъ. Карапунный солдатъ выстрѣлилъ въ мимо убѣгающаго интернированаго и застрѣлилъ человѣка мирно сидѣвшаго въ баракѣ.

6 декабря похорони.

10 декабря умеръ свящ. Спрысь изъ Телешинцы.

11 декабря хоронять троихъ.

12 декабря хоронять одного.

14 декабря хоронять четверыхъ.

17 декабря я освобожденъ и уѣзжу въ Градецъ.

18 декабря, въ пятницу, уѣзжу изъ Градца въ Вѣну. На слѣ-

дующий день съ помощью нашель я себѣ квартиру и съ тѣхъ поръ начинаю вести нормальную жизнь.

25 декабря я узнаю о смерти своего тестя Льва Козаневича, наставителя прихода въ с. Козаневичи. Въ то время умерли въ Талергофѣ отъ тифа слѣдующіе знакомые: Черкаскій, Алекс. Сѣлецкій, Иванъ Гринь, Венгриновичъ, Николай Гмыртыкъ, Застирецъ, Москалинкъ, Мих. Кузьмакъ, Алекс. Полянскій, Дроботъ, Коломыецъ.

На томъ записки отца кончатся.

По разсказамъ отца подстилочная солома въ баракахъ не мѣнялась въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Днемъ топтали по ней, а ночью на ней спали. Съ наступлениемъ морозовъ, солома покрывалась морозомъ, особенно ночью. Отца заставляли носить тяжелыя бревна, не смотря на его преклонный возрастъ, плохое здоровье и духовный станъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ примѣръ издѣтельства. Съ цѣлью посмѣяться надъ священникомъ, солдаты набирали въ тачки всякой нечисти, сажали туда еврея, а священнику всѣлья возводили тачку между бараковъ. Потомъ роли мѣнялись. Въ тачку сажали священника, а еврея заставляли его возить.

Е. В.

Екатерина Яникъ

о смертной казни своего мужа Андрея Яника.

Въ бытность мою въ Талергофѣ, вмѣстѣ съ дочерью Ярославою и затемъ Василемъ Лазоремъ, въ баракѣ № 17, я замѣтила молодую вдову съ пятнадцатимъ мальчикомъ, часто молившуюся и плачущую. Желая узнать ея тайну и по возможности облегчить ея горе, я пригласила ее въ свою семью. Женщина разъ сказала намъ слѣдующее:

„Я жила съ мужемъ, Андреемъ и пятнадцатимъ сыномъ и старухой матерью въ с. Бачинъ возль Старого Самбора. Имя мое Екатерина Яникъ. Мой мужъ служилъ почтальономъ. Обязанности свои исполнялъ не за страхъ, а за совѣсть, и съ вступленіемъ въ Самборскій уѣзда русскихъ войскъ онъ былъ оставленъ на прежней должности. Когда русскіе войска отступили, а австро-ѣпты обратно вернулись, мой мужъ былъ арестованъ по доносу украинофиловъ и присуждена къ смертной казни. Всѣ вина его состояла въ томъ, что онъ былъ сознательнымъ русскимъ человѣкомъ.“

На четвертый день арестованія мужа вызвали меня съ ребенкомъ въ тюрьму. Я должна была смотрѣть на насильственную смерть своего мужа“.

Спрощенный передъ повышениемъ о послѣднемъ своемъ желаніи, Андрей Яникъ отѣтилъ, что онъ умираетъ невинно. Упавшую безъ чувствъ Екатерину Яники заперли съ ребенкомъ сначала въ Самборскихъ арестахъ, а затѣмъ

она была отправлена въ Талергофъ.

По поводу казни Андрея Яники писала въ свое время официальная газета „Gazeta Lwowska“: Приговоръ предателя. Андрей Яникъ, рожд. въ августѣ 1879 г. въ Недѣльной и тамъ-же приписанѣ, греко-католикъ, вѣроисповѣданія, отецъ одного ребенка, почтальонъ почты въ Старомъ Самборѣ, былъ признанъ приговоромъ имп. суда 2 этапной команды арміи отъ 11 іюля 1915 г., виновнымъ въ государственной измѣнѣ по § 58 у. з. и § 327 в. у. з. и приговоренъ къ смертной казни черезъ повышеніе. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 11 іюня 1915 г. въ 3:30 ч. по полудни.“⁹⁾

Учит. М. Ф. Касицк.

⁹⁾ Полное попольски:

„Skazanie zdrajcy Andrzeja Janyk, urodzony w sierpniu 1879 roku w Niedzialej i tam przynalezly, religji grecko-katolickiej, zonaty, ojciec jednego dziecka, woźnica przy c. k. urzędzie pocztowym w Starym Samborze, został prawomocnym wyrokiem sądu c. i k. 2 komendy etapowej armii z dnia 11 czerwca 1915 uznany między innymi winnym zbrodni zdrady głownej z § 58 u. k. i zbrodni z § 327 u. k. wojsk. Za to zasądzonego po karę śmierci przez powieszenie, która wykonano dnia 11 czerwca 1915 o godz. 3:30 po południu. Wobec tego c. k. Sąd krajowy karny we Lwowie zarządzia celem zabezpieczenia roszczeń państwa o wynagrodzeniu wszelkiej szkody powyższym czynem zbrodniczym lub pośrednio wyorzadzonej, zajęcie i tymczasowe zabezpieczenie pozostalego w Austrii spadku po s. Andrzeju Janyku jeszcze nieprzyznanego.“

Талергофскій узникъ изъ Сокальщины.

(Сообщеніе Александра Маковскаго).

Послѣ нѣсколькоидневной воловитки по галицкимъ тюрьмамъ, показавшейся намъ вѣчностью, мы очутились въ Талергофѣ.

Изъ ближайшихъ къ моему мѣстожительству селъ Скоморох и Свигаузова находилось здесь до 40 человѣкъ, не считая стего-

до смѣсью и называемая супомъ. Изголодавшіеся заключенные, за немнѣніемъ посуды, получали ее, кто въ шапки, кто въ шляпы только бы немного подкрепиться на силахъ. Помню, какъ однажды заключенный солдатъ одного крестьянина взоѣлъ котла во время раздачи объ-

Общий видъ бараковъ 3-го десантка.

нятинцевъ. Каравули насы солдаты 27 п. градскаго полка.

Обращеніе ихъ было куда же-сточе обращенія львовскихъ тюремчиковъ. За малѣйшую оплошность кололи на смерть. Ежедневно утромъ лежало подъ бараками по нѣсколько окровавленныхъ труповъ.

Какъ пиши, подавалась мутная, теплая вода, разбавленная какой-

да. Давка была невозможная. Нажимавшіе сзади и толкнули переднихъ и такимъ образомъ человѣческая волна заколыхалась. Ближайший изъ арестованныхъ стоявшій рядомъ съ карауломъ нехотя толкнулъ солдата, за что пришлось ему заплатить жизнью.

Иной разъ былъ я свидѣтель подобного случая, разыгравшагося подъ баракомъ. Солдатъ

нанесь закутому въ цѣпи политическому 13 колотыхъ ранъ, и тутъ же бросиль его на солому, на приволь з судьбы.

На допрость вызывали насть въ Градецъ, а послѣ списаній протоколовъ и переведенного слѣдствія, были мы опредѣлены обратно въ Талергофъ. Что бы не умереть съ голоду, приходилось братися за вскую роботу. Чистили отхожа мѣста, навозили ихъ нечистотами нѣмецкіи огороды и т. п. Въ слѣдствіи я былъ назначенъ артельщикомъ одной изъ талергофскихъ рабочихъ группъ, а затѣмъ начальникомъ арестантской пожарной команда.

Лемковскіе священники.

(Сообщеніе свящ. Михаила Соболевскаго).

Нашъ транспортъ въ грузился въ Аптиссендорфъ.

Сейчасъ обскочили насть "канарейки" (градецкий полкъ) и, уставивъ въ ряды, вѣлѣли двинуть впередъ. Видно было виды мерцающіе огньки, однако насть не было извѣстно, куда настъ гонять и что ждетъ настъ впереди.

Огньки были видны изъ Талергофа, где мы очутились послѣ двадцатиминутной ходбы. Втакли мы бешеремонно въ какое то зданіе, когорто конторы были видны въ ночномъ туманѣ, при настъ ливомъ нѣмецкомъ "maschen sie sich beiemt" (разговариваетесь), падали мы настъ на тухую солому и засыпали. Это былъ нашъ карантинъ; строжайше запрещалось выходить наружу. Скоро пригнал

Въ Талергофѣ встрѣтился съ землякомъ свящ. Ст. Кѣко и познакомился съ о. о. Паппъ, Ал. Долошицкимъ, Юл. Гумецкимъ и г. М. Гумецкимъ и другими.

Послѣ опредѣленія меня на военную службу, я побывалъ въ Вадовицахъ и Шимбергу, а въ чешской Прагѣ дождался республики. Возвратясь домой, засталъ я въ живыхъ двое своихъ дѣтей 4 и 7 лѣтъ, на содержаніи у добрыхъ сестеръ.

Жена, мать, бабушка и шуринъ умерли въ 1915 г., во время моего пребыванія въ Талергофѣ.

А. М.

щеники: Як. Вергановскій съ сыномъ, Куриловичъ съ семьей, Секеринскій, Гр. Журавецкій, бл. п. Кириллъ Козаркевичъ (правосл. монахъ изъ Буковины здѣсь же умеръ), Даниловичъ, Серединскій, Богданъ Дрогомирецкій, Петръ Дуркотъ и др. Изъ вольныхъ помню

г. Фердинъ, Левицкаго и г-жу Анну Чиряинскую.

Когда въ 1917 намъ объявлено о разрѣшении вернуться на родину, мы радостно оставили непривѣтливую страну и въ концѣ июня прѣѣхали въ родныя палестини.

М. С.

Окружное письмо намѣстника Галичины.

За нѣсколько лѣтъ до начала войны 1914 г., приблизительно съ 1908 г., австро-їа военная власти прямо или же чрезъ правительственные органы гражданской администрации стали усиленно собирать свѣдѣнія о настроеніяхъ, политическихъ взглядахъ и группировкахъ галицко-русскоаг населенія.

По требованію военныхъ властей намѣстник Галичины, Бобринскій, образовалъ съ тайными окружными письмомъ, отъ 7-го февраля 1912 г., во всѣ старости (уездныя начальства) Восточной Галичины и въ тѣ Западной Галичинѣ, въ составѣ населенія, которыхъ насчитывается значительное число русскихъ жителей, въ возведеніи представлять процентное отношеніе числа галицко-русскоаг населенія въ уѣздахъ, принадлежащаго къ политическимъ партіямъ:

- 1) русской радикальной (партии Дудыкевича);
- 2) русской умѣренной (т. н. альтрутенской) и
- 3) украинофильской;

а также свѣдѣнія о ихъ представителяхъ и агитаторахъ.

Однинъ экземпляръ этого циркуляра и отвѣта на него со стороны одного старости, именно въ Косовѣ, на Покутѣ, приводимъ здѣсь полностью, въ польскомъ подлиннике и русскомъ переводѣ, а также помѣщаемъ факсимиле его первой страницы.

Роковая послѣдствія этого циркуляра сказались весьма скоро: полтора мѣсяца спустя, какъ, известно, т. е. въ концѣ марта 1912 г., послѣдовали многочисленныя арестованія русскихъ во Львовѣ и въ провинціи. Арестованныхъ тогда галицко-русскоаг журналистовъ и православныхъ священниковъ поддержали австрійскія власти во львовской тюрмѣ два года и три мѣсяца и устроили надъ ними извѣстный политический процессъ (львовский процессъ), длившійся свыше 3 мѣсяца, начинувшій войны (май — іюнь 1914), въ главной государственной измѣнѣ (Hochverrat).

Текстъ циркуляра гласить:

Тел. Альманахъ III т.

Prezydium c. k. Namiestnictwa.

L. 27/g.

Wykaz rozdziału partyi ruskich
w powiatach.

Lwów, dnia 7. lutego 1912

O K O L N I K

Do wszystkich Panów c. k. Starostów w Galicji Wschodniej tudzież
w Krośnie, Jaśle, Gorlicach, Grzybowie, Nowym Sączu i Pana c. k. Dy-
rektora Policyi we Lwowie.

[Poufnie – do rąk własnych].

Wzywam Pana, aby stosownie do życzenia wyrażonego ze strony
Władz wojskowych doniósł mi do dni 8-mu, jaki jest w przybliżeniu
procentowy stosunek liczby ludności należącej do partyi politycznych:

- 1) Rusofilów radykalnych (partyi Dudykiewicza);
- 2) Rusofilów umiarkowanych (Starorusinów);
- 3) Ukrainofilów.

Wymienić przystem należy głównych przywódców i agitatorów powyż-
szych partyi w tamtejszym powiecie, podając ich imię i nazwisko, zajęcie
(stanowisko społeczne) i miejsce stałego zamieszkania.

C. k. Namiestnik
Bobrzyński

Pr. 9/2. 1912.

L. 35
pr.

Wykaz rozdziału
partyi ruskich.
L. 15
K. 2 1912.

Prezydium c. k. Namiestnictwa!

Wykonując reskrypt z 7/2 1912, l. 27/g donoszę co następuje:
Ludność powiatu według ostatniego spisu wynosi 85.804.

Z tego przypada:

na rusinów 71.462,
polaków łącznie z ormianami 4 565,
izraelitów 9.701.

Procentowy stosunek liczby ludności ruskiej w powiecie należącej do
partyi politycznej:

Prezydium c. k. Namiestnictwa.

Lwów, dnia 7. lutego 1912

L. 27/g.

Wykaz rozdziału partyi ruskich
w powiatach.

O K O L N I K

do wszystkich Panów c. k. Starostów w Galicji Wschodniej
tudzież w Krośnie, Jaśle, Gorlicach, Grzybowie i Nowym
Sączu i Pana c. k. Dyrektora Policyi we Lwowie.

/: Poufnie – do rąk własnych :/

Wzywam Pana, aby stosownie do życzenia wyrażonego
ze strony Władz wojskowych doniósł mi do dni 8-mu, jaki
jest w przybliżeniu procentowy stosunek liczby ludności
w powiecie należącej do partyi politycznych:

- 1/. Rusofilów radykalnych :/ partyi Dudykiewicza :/
- 2/. Rusofilów umiarkowanych :/ Starorusinów :/
- 3/. Ukrainofilów.

Wymienić przystem należy głównych przywódców i agita-
torów powyższych partyi w tamtejszym powiecie, podając
ich imię i nazwisko, zajęcie :/ stanowisko społeczne :/
i miejsce stałego zamieszkania..

C. k. Namiestnik:

35		
Przydym c. k. Namiestnictwa.		
Lwów, dnia 7. lutego 1912		
L. 27/g.		
Wykaz rozdziału partyi ruskich w powiatach.		
O K O L N I K		
do wszystkich Panów c. k. Starostów w Galicji Wschodniej tudzież w Krośnie, Jaśle, Gorlicach, Grzybowie i Nowym Sączu i Pana c. k. Dyrektora Policyi we Lwowie.		
/: Poufnie – do rąk własnych :/		
Wzywam Pana, aby stosownie do życzenia wyrażonego ze strony Władz wojskowych doniósł mi do dni 8-mu, jaki jest w przybliżeniu procentowy stosunek liczby ludności w powiecie należącej do partyi politycznych:		
1/. Rusofilów radykalnych :/ partyi Dudykiewicza :/		
2/. Rusofilów umiarkowanych :/ Starorusinów :/		
3/. Ukrainofilów.		
Wymienić przystem należy głównych przywódców i agita- torów powyższych partyi w tamtejszym powiecie, podając ich imię i nazwisko, zajęcie :/ stanowisko społeczne :/ i miejsce stałego zamieszkania..		
C. k. Namiestnik:		
1/2 1912		

1) rusofilów radykalnych (party Dudukiewicza) łącznie z rusofiliami umiarkowanymi (starorusinami) 5%.

Różnicy wielkiej między rusofiliami radykalnymi a rusotiliami umiarkowanymi niema, prześlo ich od siebie odróżnić niepotrzebna, gdyż z powodu małej ilości wspólnie występują:

- 2) Ukrainofilów (narodowców) 10%;
- 3) Ukrainofilów radykalnych tak zwanych Trylowszczyków, 65%;
- 4) bezpartyjnych 20%.

Przywódcami rusofilów są:

- I. Dr. Roman Aleksiewicz, adwokat krajowy w Kosowie.
- II. Dom ks. Aleksandra Gielitowicza proboszcza gr. kat. w Kosowie.
- III. Antoni Guła, sędzia w Kosowie.

Agitatorami rusofilów są:

- I. Wasyl Pecejczuk wójt w Kobakach.
- II. Onufry Marfej, gospodarz w Kobakach.
- III. Dmytro Szekierek wójt z Perechrestnego.

Przywódcami i agitatorami ukraiñofilów narodowców:

I. Roman Giziowski, koncyptent adwokacki w Kosowie, mała częśc ksiązycieli i wszyscy sędziowie rusini.

Przywódcą ukraiñofilów radykalnych jest Dr. Cyryl Trylowski, adwokat krajowy w Jabłonowie.

Agitatorami przeważają częśc tutejszych nauczycieli ludowych, oraz koszowi (przełożeni) Sicy.

(соб. r. neraž. podpis)

M — 15
— 2 — 1912.

Въ перевоđѣ:

Президиумъ цесарско - королевскаго Намѣстничества.

Львовъ, 7-го февраля 1912 г.

Н-ръ 27/г.

Схема распределения русскихъ партий въ уѣздахъ.

ОКРУЖНОЕ ПИСЬМО

Ко всѣмъ Гг. ц. к. Старостамъ Восточной Галичини, а также въ Крѣснѣ, Яслѣ, Горлицахъ, Грибовѣ и Новомъ Санчѣ, и Гнац. к. Директору полиции во Львовѣ.

(Довѣренно — въ собственныя руки).

Взызвю Васъ согласно выраженному военными властями желанию, сообщить мнѣ, въ течениі 8-ми дней, приблизительное процентное отношение числа населения въ уѣздахъ по принадлежности къ политическимъ партиямъ:

- 1) радикально-русофильской (партиї Dudukiewicza),
- 2) умѣрено-русофильской (старорусской);
- 3) украинофильской

Указать притомъ слѣдуетъ главныхъ вождей и агитаторовъ этихъ партій въ тоиншнемъ уѣздахъ, приведя ихъ ими и фамилии, занятие (общественное положение) и постыяніе мѣстогорѣбываніе.

Ц. к. Намѣстникъ:

(собр. подпись): Бобржинский.
Пр. 9/2 1912. № 35
— 35 —

Схема распределения русскихъ партий.

К. 5/2. 1912.

Президиумъ к. К. Намѣстничества

Въ исполненіе реєскрипа отъ 7/2. 1912. и 27/г. сообщаю слѣдующее:

Населеніе уѣзда по послѣдней переписи — 85 804 чел.

Въ этомъ числѣ: русиновъ — 71 462 ч., поляковъ, вмѣстѣ съ армянами — 4 566, евреевъ — 9 701.

Процентное отношение русского населения въ уѣзда по принадлежности къ политическимъ партіямъ слѣдующее:

- 1) радикально-русофильской (партиї Dudukiewicza), вмѣстѣ съ умѣренно-русофильскими (старорусинами) — 5%.

Нѣтъ большой разницы между рацionalnymi, a umѣrennymi russophilosami, потому отличить однихъ отъ другихъ невозможно, такъ какъ по своей малочисленности выступаютъ сообщи:

- 2) украинофильской (народовцевъ) — 10%;
- 3) радикально-украинофильской, т. зв. Трилесницкой, — 65%;
- 4) безпартийныхъ — 20%.

M. 15/2 — 1912.

Вожди: russophilosы:

- I. Д-р Роман Алексевичъ, краевый адвокатъ въ Косовѣ.
- II. Домъ свящ. о. Александра Гелиовича, гр.-кат. настоятеля прихода въ Косовѣ.
- III. Антонъ Гулля, судья въ Косовѣ.
- IV. Русофильские агитаторы:
- V. Василий Пецебичукъ, войтъ въ Кобакахъ.

VI. Onufrij Marfej, землемѣръ въ Кобакахъ.

VII. Дмитрий Шекеринъ, войтъ въ Перекрестномъ.

Предводители и агитаторы украинофиловъ-народовцевъ:

- I. Романъ Гизовскій адв. конц. въ Косовѣ, искимыи соященикъ и учитель, вѣдь судьи-русины.
- II. Предводитель рацionalныхъ украинофиловъ — д-ръ Кирилъ Трилесний, краевыи адвокатъ въ Яловчѣ агитаторами же преобладающая часть адміністративныхъ народныхъ учитеѣ и кошовыи (предѣдатели) „Слѣч“.

(неразб. подпись).

Одиночное заключеніе и подвѣшиваніе галицко-русскихъ студентовъ и др. лицъ.

Наказаніе за название себя русскимъ (Russe) и своего родного языка русскимъ (Russisch).

(Списокъ наказанныхъ и замѣти изъ записокъ инн. К. В. Чижка).

Въ помѣщенному выше дѣчинникѣ Ф. В. Курчило отведенъ нѣсколько мѣстъ для записи о наказаніи галицко-русскихъ студентовъ, преимущественно, и также др. лицъ за то, что во время прекурскаго набора заявляли себѣ russkimi (Russ.) въ своей родной языке russkymъ (russisch Sprache).

Изъ представленныхъ любезно въ наше распоряженіе записокъ талергофіа, къ особности, относящейся къ этому наказанію,

Списокъ лицъ сидѣвшихъ въ одиночкѣ (Einzellarrest*) съ 2-го юля по 3-го

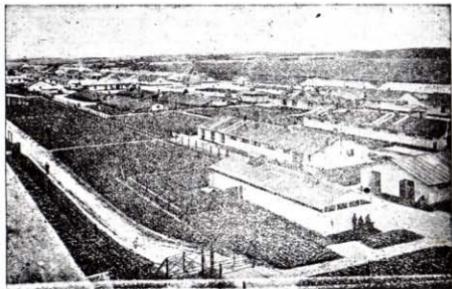
августа 1915 г.:

1. Д-ръ Феодорт Хилякъ, адвокатъ изъ Лѣска.
2. Д-ръ Емиліанъ Вальницкій " Устрікъ.
3. Алексѣй Гриневичъ, изъ Олеська.
4. Антоній Генсерскій, абс. философ. фак. въ Петроградѣ.
5. Мелітонъ Голинаткъ, журналистъ изъ Львова.
6. Кирилль Чижъ, инж. эмер. ц. к. чин. изъ Львова.
7. Лонгінъ Мокрицкій, абс. инж. изъ Львова.
8. Василій Галушка, студентъ политехнікума изъ Львова.
9. Еміліанъ Спачинскій, студ. юрид. фак. изъ Львова.
10. Романъ Студинскій, чиновникъ ц. к. казначейства.
11. Амвросій Кенсь, студентъ юрид. фак.
12. Петръ Химякъ.
13. Северинъ Балинкевичъ, преп. гімназії изъ Львова.
14. Романъ Дуркотъ, студ. юрид. фак., изъ с. Добросина.
15. Николай Сковронъ "
16. Д-ръ Владіміръ Застирецъ, адвок. конц. изъ Львова.
17. Петръ Швайка, студ. юрид. фак. и чин. кредит. зав.
18. Феодосій Лесевъ, препод. гімназії.
19. Михаїль Хавроня, студ. юрид. фак.
20. Осипъ Раставецкій, студ. юрид. фак. изъ Сельца Белзскаго.
21. Іванъ Яворскій, студ. юрид. фак.
22. Кузьма Пелехатый, журналистъ изъ Львова.
23. Осипъ Кардашъ, студ. юрид. фак.
24. Петръ Бедзыкъ, учитель изъ Сенявы, возлѣ Рыманова.
25. Йосифъ Переломъ, студ. юрид. фак.
26. Іванъ Мудрый, чин. "Ризиції" изъ Самбора.
27. Ярославъ Гелитовичъ, судья изъ Косова.
28. Д-ръ Орестъ Гнатышакъ, адв. конц. изъ Лѣска.
29. Владіміръ Навроцкій " Устрікъ.
30. Іванъ Сѣрко, студ. юрид. фак.
31. Петръ Федоровъ, студ. учит. сем. изъ Ляцкаго мал.
32. Василій Мельникъ, студ. юрид. фак.
33. Іванъ Вислоцкій, канд. адв.
34. Михаїль Перегинецъ, студ. филос. фак. во В'єнѣ.
35. Алексѣй Сваричевскій, канд. адв.
36. Владіміръ Добрянскій, студентъ и орган. молоч. кооператив.
37. Антоній Яворскій, нар. учитель изъ Коломийщины.
38. Алексѣй Заяцъ, канд. адв.
39. Петръ Сушкевичъ, студ. юрид. фак.
40. Д-ръ Евгений Шатинскій, канд. адв.
41. Іванъ Лысенко, студ. юрид. фак.
42. Владіміръ Киричинскій, организаторъ молоч. кооперативовъ.
43. Кирилль Вальницкій, канд. адв.
44. Григорій Пирогъ, студ. юрид. фак.

45. Романъ Макаръ студ. юрид. фак.
46. Василій Бугера, студ. богосл. фак.
47. Николай Бугера, студ. богосл. фак.
48. Павелъ Гайда, учитель изъ Мишковой, у. Кросно.

Оти запись-же въ записной книжечкѣ К. В. Чика гласить:

Передъ обѣдомъ, въ 10 ч. утра, имѣть права на лѣчение, а развѣ 10-го июля 1915 г., д-ръ Вейсъ во- только на висѣлицу, приемъ по- шелъ въ нашу комнату н-ръ 2, гдѣ я и г. Иванъ Мудрый, чинов- казаль на горло. Послѣ такої рут- никъ "Ризиції" изъ Самбора, си- ни, даль Мудрому два порошка дѣли. Съ нимъ были также: его аспирина и вышелъ въ дверь. Толь- помощникъ Дмитрій Возній, студ- ко когда я еще разъ къ нему об- ентъ унів., и одинъ солдатъ, тоже ратился съ требованіемъ, чтобы осмотрѣть Мудраго, такъ какъ,

Общий видъ лагеря въ 1917 г.

какъ помощникъ и профѣсъ, бо-
сніецъ.

Д-ръ Вейсъ долженъ быль
осмотрѣть г. Мудраго, тяжело боль-
ного, но вмѣсто того, чтобы осмат-
ривать его, онъ началъ насъ бра-
нить и ругать "фатерладсферрете-
рами" (измѣнниками отечеству), за-
то, что мы будто бы не хотѣли
дать присягу при рекрутскомъ на-
борѣ, и что, слѣдовательно, мы не
повидимому, онъ тяжело боленъ и
у него, быть можетъ, воспаленіе
легкихъ, онъ осмотрѣть больного
и приказалъ взять въ больницу.
Но все таки еще повторилъ свою
угрозу, что такихъ "измѣнниковъ"
будуть впредъ такъ лѣчить, чтобы
не могъ излечить отъ русофильства.
Но мое замѣчаніе, что мы такіе же
граждане, какъ и другіе и всѣ свои
гражданскія обязанности въ виду

государства исполяемъ лояльно: и подати платимъ и своей грудью отечество защищаемъ, о чёмъ наилучше свидѣтельствуетъ послѣдній рекрутскій наборъ, и что мы до сихъ поръ не совершили ничего противозаконнаго, онъ внезапно разсвирѣпѣлъ до крайности, набросился на меня и пригрозилъ мнѣ еще лютѣ.

Оберлейтенантъ Чировскій вскому, кто изъ настъ русскихъ га-личанъ скажетъ, что его материн-скій языкъ — русский, съ дикой яростью выкрикивалъ, что это ложь, такъ какъ въ Галичинѣ-де — нѣтъ такого языка.

Рекрутскій наборъ въ Талергофскомъ лагерѣ начался 27-го йюня 1915 г. Прежде всего брали въ солдаты узниковъ изъ слѣд. уѣздовъ Галичина: Краковъ, Тарновъ, Перемышль, Коломя, Львовъ, Станиславовъ, Стыръ, Ярославль, Бѣла, Горлицы, Домбровъ, Добромиль, Долина, Дрогобычъ, Городокъ, Гри-бовъ, Гуситинъ, Ясло, Яворовъ, Хрижановъ, Іѣшановъ, Чортковъ и т. д. Каждый день осматривали около 300 чел. и брали почти всѣхъ. Оставляли только язочатыхъ въ высшей степени или больныхъ неизлечимыми болѣяніями или же безнадежныхъ калѣкъ (слѣпыхъ, без ноги или руки и т. п.). Другихъ, хотя и нездоровыхъ и даже калѣкъ, брали, напр. горбатыхъ и пр. под. Изъ числа интернированныхъ, въ об-щемъ, взяли большую ихъ половину.

Въ первый, второй день осмотра не обращали вниманія на ма-теринскій языкъ (*Muttersprache*) рекрутъ. Только въ третій день стали спрашивать каждого, про его

родной языкъ, хотя вопросъ былъ линзий, ибо родной языкъ каждого и безъ того быть уже на опросныхъ бланкахъ записанъ. Кто заявлялъ, что его родной языкъ — русскій, такого фамилію сейчасъ записывали на особомъ листѣ и передавали постовому съ приказомъ отвести въ одиночное заключеніе (*Einzelarrest*). Постовые же момен-тально уводили такъ записанныхъ, не разрѣшая имъ взять съ собой хотя бы и самыхъ необходимыхъ вещей, ни бѣлья, ни куска хлѣба, а только, жестомъ, показывая въ горло, здѣ подтрунивая и окладывая тяжелыми побоями, приклады-ми штыковъ, каждого быстро уво-дили въ арестное помѣщеніе. Тамъ сейчасъ передавали его подъ стражу двумъ боснѣцамъ (магомета-намъ), которые тутъ же произво-дили тщательный обыскъ, отнимали у доставленного все, что еще имѣлъ при себѣ, и толкали его въ камеру.

Въ камерь не было ничего кроме наряда съ голымъ сѣнникомъ да одно одѣяло, но въ иѣкоторыхъ не было и этого одѣяла такъ, что люди эти при чувствительномъ холо-дѣ ночью, какой вѣдь, въ горной ме-стности, бываетъ, заключенные, очень мерзли и заболѣвали. Не было никакой подушки и съ начала, и то долго, не было даже нужника (*„параша“*), а только разрѣшилось выходить въ отхожее дважды въ сутки и всякий вынужденъ былъ долго ждать, пока дойдетъ до него очередь, и боснѣцъ позво-литъ ему выйти.

Каждаго, только что приведен-наго въ камеру, боснѣцы прежде

всего избили тяжело, иѣкоторыхъ до крови, д-ру Добию, напр., посто-вой прокололъ ногу въ двухъ мѣ-стахъ. Въ одиночной камерѣ, нель-зя было заключенному ничѣмъ за-ниматься, даже читать было стро-жайше запрещено. Если же кого-то поймали на куренї, такой сей-часъ получалъ „шпанги“, кандалы,

т. е. заковывался въ кандалы по ногамъ и рукамъ на-крестъ, или какъ истязателю захотѣлось, какъ напр., были закованы ступни юри-дик. Яворскій и цѣлый рядъ ре-дентовъ. Заключенному запре-щено было смотрѣть чрезъ окно-шко, иначе постовой бросалась про-колотъ его штыкомъ въ лицо, гла-за. Кушать заключенные получали такъ мало, что все время ослабля-вали и примиряли съ голодомъ и му-чились предчувствіемъ, что умрутъ голодной смертью. Получать сѣ-стые припасы „со свѣта“, извѣ-шили. Талергофскій лагерь мож-но называть „вѣнѣніемъ свѣтѣ“, было строго запрещено, и случай-ва года да одинично заключеннымъ хлѣба со стороны товарищей изъ лагеря, соприженая была для по-слѣднихъ тающе съ большимъ ри-сокомъ. Постовыи дань былъ при-званъ обращаться съ заключенны-ми съ возможно самой безпощад-ной строгостью.

Затѣмъ 15-го йюля, кажется, пршелъ оберстъ (полковникъ) Гриммъ, въ сопровождѣніи профес-совъ, вахомандентъ и постовыхъ, вызвалъ настъ въ коридоръ и тутъ же объявилъ намъ, что мы будемъ судимы по военнымъ законамъ и что смертной казни намъ не избѣ-жать. Обратившись къ сопровож-

дающимъ его, сказалъ: „Вотъ, предъ вами государственные преступники, знаете, что это значитъ... Вы дол-жны съ ними обращаться со все-возможной строгостью“.

И стража дѣятельно такъ съ нами и обращалась. На прогул-кахъ, которая происходили съ 6 ч. 30 м. до 7 ч. 30 утра и съ 1 — 2 пополудни, мы подвергались все-возможнымъ издѣятельствиямъ и истязаніямъ: постовые были настъ прикладами, запрещали ходить по-парно, не только промолвить словечко къ другому товарищу, но дажѣ улыбнуться, за малѣйшій обмынъ словомъ били тутъ же, во дворѣ, а затѣмъ сейчасъ отведа въ каме-ру, заковывали въ кандалы. Въ дѣ-гонку за гуляющими неизмѣнно и все время срывалась съ ревѣвшихъ харей постовыхъ и носилась въ воздухѣ сплошная невозможная ру-гани, послѣднѣйшими словами швѣ-ской рѣчи.

Пожаловать было некому, да и жалоба влекла за собой ухуд-шение положенія. Такъ мучили лю-дей цѣлый мѣсяцъ, все при каж-домъ случаѣ показывая имъ на гор-ло, т. е. что вскорѣ будуть повѣ-шены. Но не только стража, но даже частные лица, иѣмцы, при вся-комъ удобномъ случаѣ, впадали въ крайнюю ярость при одной только встрѣчѣ, съ миними, „фатерлан-дерреретами“. Даже простыя ра-бочие, иѣмцы, проходя или проѣз-жая мимо заключенныхъ, вышед-шихъ на прогулку, дико ревѣли, ру-гались и угрожали.

Послѣ такихъ истязаній, до-просовъ и угрозъ и цѣломъ счи-таго одиночного заключенія, въ пер-

вые дни августа, военные власти привнесли и возвигли столбы, при вязали веревки и заключенныхъ поочередно стали подвѣшивать. Воз двинуты были 4 столба: 2 въ одной „Einzelsammer-ѣ“ и 2 въ другой. Каждый висѣлъ приблизительно по 2 часа, и такъ 48 человѣкъ поочередно висѣли на этихъ столбахъ въ теченіе свыше 2 сутокъ.

Послѣ этого всѣхъ перевели уже въ общий арестный домъ, съ

постановленіемъ держать ихъ тамъ продолжительное время, но по усиленіемъ настоянья и мольбамъ со стороны родителей студентовъ и благожелательныхъ людей, а также представленіямъ и ходатайствамъ у ген. Бачинскаго, дальнѣйшее наказаніе было отмѣнено. Генералъ призвалъ 6-го августа всѣхъ изъ арестного дома выпустить и перевезти обратно въ лагерь интернированныхъ.

Изъ думъ Талергофскихъ узниковъ.

Тяжелыя переживания чувства и думы Талергофскихъ узниковъ вызвались въ пламъ рдѣа записокъ стихомъ и прозою, отчсти уѣзжавшихъ и спасенныхъ. Однѣ отчсти были уже наданы (нр. стихотворенія нашего крестьянина-поэта Ивана Федоричка, д-ра В. Р. Вакрика и др.) или же еще будуть наданы позже.

Частные указанія въ дневникѣ Ф. В. Курилова и въ другихъ Талергофскихъ запискахъ на то, что многиѣ узники коротали бѣженческое и мертвенно скучное времѧ заключеніемъ печальнымъ и оно постигшей ихъ и весь галицко-русский народъ недолѣ, помнъ глубокимъ смасла. Эти размышленія и переживания были кое-кѣль записаны тогда же и, хотя изъ записанного многое, изъ-за частыхъ обмылокъ и опасеній попасть т. е. быть уличенными въ неблагонадежномъ образѣ мыслей, пропало, все же немало литературныхъ опыта на галицко-русскомъ нарѣчи и русскомъ литературномъ языке изъ Талергофа было вынесено и сохранилось.

Ниже приводимъ какъ образецъ, статю, написанную въ Талергофскомъ узницѣ, тогдашнимъ гимназистомъ, именемъ Чехословакъ здравствующимъ В. А. Саврукомъ, сохранившуюся въ бумагахъ инк. К. В. Чижка.

Приводимъ ее полностью, съ немногими только поправками грамматическихъ

и стилистическихъ погрѣшностей, какъ свидѣтельство тогдашнихъ чувствъ и дум томившихъся въ долгомъ заключеніи галицко-русскими страдальцами, вообще въ нашего студенчества въ частности:

„И половина на насъ аланъ за ба-
гая, и невинность за вояжованіе на-
зывай.“
Пс. Дав. LXXXI. 5

„Bo ja nie ulegne przedje; bo im w-
cej cierpli nedaję.
Im wlejcej mnie godz rozgrzeć, im bie-
gaj, niej mi niech pleszysz
Im przed wrogami, jakim miaszysz,
Im wie wnetrzosciach gledniesz,
Im bardziej odarty z ciela i nadzieli
z lachmanow, z lachmanow,
Chocty ta ziemia gnat milka za mia-
szczekami kajdanow,
Nawet – nawet w żywot duszy,
Im wlejcej cierpli, niej mi niech pleszysz
Musze troszec mojej wierzce.
Bo ona maie jedna strzeza.
Serce nadziei roznieca, skośem w st-
ceństwie oświeca.
Palmy zawieszas nad czolem.“

Księgę Niezbójom —
J. Slovacki.

Въ борьбѣ за свободу русской национальной мысли, въ борьбѣ за русской литературный языкъ, въ борьбѣ за русскую забытку, народность и вѣру, въ борьбѣ за русскую школу, въ борьбѣ за раб-

ую исторію и народные идеалы, цѣлью своей жизни проводилъ карпато-русскій народъ. Въ этой неравной борьбѣ съ самагоѣнными врагами карпато-русскій народъ привнес много неминимо жертву за все родное и сердцу его — дорогое. Въ этой многоглавой борьбѣ съ озирѣющимъ преслѣдователями и гонителями ему сужено было несказанно страдать и муачться по торжествамъ, переносить лютыя штаки. Въ борьбѣ со злобой конварныхъ враговъ, въ защитѣ народныхъ сибирскихъ, нашему народу сужено было быть оплеваннымъ, униженнымъ и осмѣяннымъ, — въ защитѣ истины, спрашиванности человѣческаго достоинства, онъ нигдѣ не находилъ права, двери ведущіе къ справедливости, путь къ слѣту и къ познанію правды, добра и зла, былъ передъ ними закрытъ — онъ былъ на своей родной русской землѣ забытымъ рабомъ.

И, наконецъ нашъ народъ, гражданинъ австро-венгерскаго конституціоннаго государства, имѣлъ „право“ (обязанность) пытаться подать, въ защитѣ этого государства вертеть свою кровь и свою жизнь, съвѣтъ кости по широкимъ да залечимъ всевозможныя болѣмы въ завѣтѣхъ, кровопропитаныхъ битвахъ, за честь и славу двухдивной имперіи и онъ покрылъ эти поля своимъ холодными трупами. Нашъ народъ всегда все давалъ, что отъ него требовалось, нашъ народъ всегда вину имперіи былъ вѣрою и лоялью, онъ ей всегда ярко служилъ и точно исполнялъ все вѣличія.

Но, вѣѣсть съ тѣмъ, если не хотѣлъ отказаться отъ своего русского имени, не имѣлъ силъ защищать отцовъ и родину русской исторіи, не смѣлъ забыть о славномъ прошломъ своихъ дѣлъ и предѣлѣахъ, не могъ закрывать глаза на то, что яко и очевидно, и не признавалъ честнагоѣльма, а защищалъ свой национальныи обликъ и русскую национальную идею, его обзываляемъ измѣнникомъ и шпиономъ и сажали въ тюрьму и на цѣль, закалывали штыками и долгѣ годы гноили по скрюти темнинамъ и наконецъ выводили на политические процессы, по обвинению въ благороднейшемъ галицко-русскимъ работниковъ на народной инвѣнции государственної измѣнѣ и угрожали ему позиж-

ненной тюрьмой и смертной казнью на висѣцѣ.

Да, онъ былъ до того вѣренъ и лояленъ, что нашъ императоръ Францъ Іо-сифъ самъ говорилъ, что спокойно тогда спать не могъ, когда въ бурное время 18-го года не берегли его галицко-русскіе полки, — какъ онъ ихъ называлъ, — „тильтирыцы Востока“. Да, онъ былъ вѣренъ, и здѣрдогордъ императоръ Софія, въ доказательство благодарности за его вѣрность собственно ручно вышивала галицко-русскій флагъ со соответствующей привателемъ надписью. Но и теперь когда тамъ, на полѣ кровавой битвы, на войнѣ, тѣ самые „тильтирыцы Востока“, смыты подъ гнетомъ стонущей Прикарпатской Руси, проливаются свою юношескую, сердечную кровь, жертвуютъ своей честной и дорогой для нихъ жизнью, смыло наставляемъ груды на смертную опасность и єѣрную гибель, одновременно ихъ маленькихъ дѣлъ и женъ, братцевъ и сестеръ, отцовъ и матерей, оставившихъ дома, какъ государственныхъ измѣнниковъ, брошены убийствамъ, рѣжутъ и вѣѧщаютъ, лишаютъ достоинства и злодѣйски издѣлаются надъ ними. А остальныхъ, еще не вырѣзанныхъ, и не помѣшанныхъ, отлучаютъ отъ семействъ и родныхъ, не обращая малѣйшаго вниманія на законы, на слезы и человѣческую жизнь и честь, увозятъ съ родиной на чужбину, гдѣ стѣрискій и другія нѣмѣцкія полы и бросаютъ на пустынномъ полѣ, какъ псовъ, среди чужихъ людей, — оставляютъ въ неизвѣжденномъ положеніи за колючей проволокой, гдѣ они, какъ опасные „шпионы и измѣнники“ умѣряются скотской смертью отъ голода и холода, отъ штыковъ и иныхъ побоевъ, падаютъ жертвой эпидемій германской „культуры“.

И такъ, одинъ изъ нашего народа, какъ храбрые ратники и вѣрные граждане, склоняютъ свои кости на полѣ брани. Другіе, какъ неѣрные Эфиляты, въ тулу на мяѣстѣ убиты. Имѣе: „неблагонадежные“, гнѣтъ по гарнизонамъ и тюрьмамъ, иначе, какъ на примѣрѣ мы, которыхъ продолжаетъ свое жалкое, печальное, горькое и мученическое житѣе бытъ, гибнѣтъ медленною смертью. И вѣտъ, адѣль, тяжело, волочатъ по дорогамъ какъ тѣни, какъ муміи: очи у нихъ впадаю и опух-

алы от плача и горя, лица исхудалыя, то желтаго какъ глины, то зеленаго цвѣта, кожа почернѣла на скелетѣ какъ по лотно намоченому водой и кости торчатъ страшно и виднѣются изъ за поморщенной кожи и молять о пощадѣ и милости.

Они голодны и слоняются съ «шальками» отъ барака къ бараку и нищенски просятъ о подачѣ имъ сѣбѣстѣхъ отбросовъ, надѣю орѣмы тутъ-же бьются и дерутся, какъ голодныя животныя, дѣлого ничего нѣѣшь и заморенныхъ, какъ волки.

Бывшия зажиточные, даже богатые люди, смѣю дрениаго русскаго Галича.

Другая же и уже многочисленнѣя часть ихъ спѣть вѣчными сномы въ сырьыхъ могилахъ „подъ сосновы”, и они будуть вѣчно живыми свидѣтелями всѣхъ тѣкъ ужасовъ, произвола и гибели, которыхъ они, муки-праведники, героянски перенесли до конца, всѣ мучени, которыхъ, быть можетъ, культурному миру, покажутся даже неѣѣроятными. Вѣчна вамъ память, благородные мученики за народное, великое и святое дѣло, за Святую Русь — а мы оставившия въ живыхъ, не съмѣемъ забыть о васъ, ибо это было бы преступленіемъ и предъ Вами и предъ Родиной. Если только вернемъ на Родину, поминь и Васъ молитвенними тихими словами и разскажемъ всѣмъ близкимъ и роднымъ, дѣтьмъ, внукамъ, что были люди въ наше время, были богатыри, съ полными самопожертвованіемъ страдавши и съ несокрушимымъ мужествомъ переносивши обиды и надругательства за русское имя, за родное слово, за единую недѣлмую, намъ родную и дорогую Святую Русь.

Сострадалицѣ и сотоварѣкъ недоли, Евгѣній Винкентіевиѣ,

НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ САВУНЬ,

ГИМНАЗИСТЪ VIII. КЛАССА ВО ЛЬВОВѢ,

ур. с. Жашковичъ, юзѣдъ и почта Городокъ Ягайлонскій, въ Галичинѣ.

Талергофъ, 19(6) IV. 1915.

Выпѣмъ же, если намъ уже такъ суджено, чашу горести до дна, перенесемъ всѣ испытаніи судьбы-мачехъ честно и достойно, не унизимся малодушемъ и слабостью передъ врагами, не окажемся рабами, будемъ бороться и защищаться до послѣдняго. А если падемъ, то падемъ, какъ жертвы за великое дѣло. Мы страдаемъ за то, что были благородны, что были чисты събѣстѣ, что не кривили душой, что были честны съ другими и самими собой. Мы страдаемъ съ сознаніемъ своей правоты, съ надеждой на то, что наша русская национальная идея побѣдитъ и что наши страданія будуть намъ испулены.

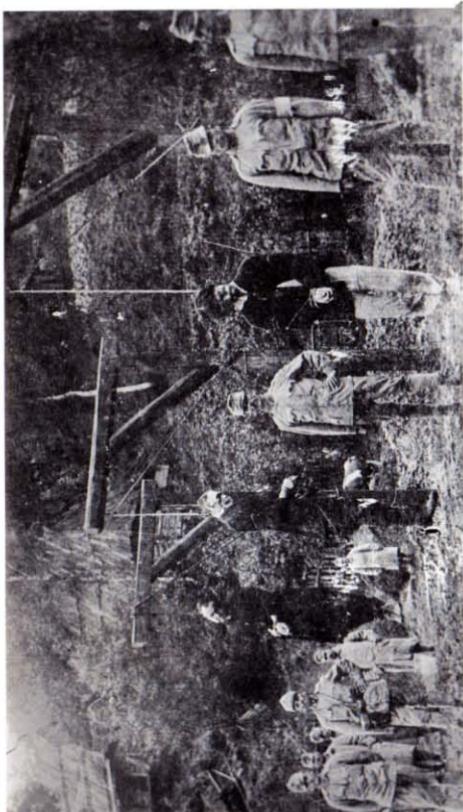
Ибо по словамъ Феодора Кернера

„Ein edles Herz muss kämpfen,
Und wird siegen“.

благородное сердце должно бороться и побѣдить. И взойдетъ для насъ радость, ясная полная зѣзды, сѣвѣтъ и жизни, засѣйтъ красное, золотое солнце, засѣйтъ мириадами лучей, прогонитъ чернью печалъ изъ нашихъ болѣоющихъ сердцъ и народъ воскresнетъ къ лучшей, новой жизни, а тогда горе вами да мѣстъ враги! Вы поплатитесь за Ваше злодѣйство, ибо:

„zbrodnia czeka zasłużonej kary,
Gdy cnót przyjmionych kiedyś znajda
się obroncę,
Kto jak słońce zagasa, wstanie jako
s ognia“.

Maryja Stuart — J. Stowacki.

Романъ Березовскій,

гр.-католическаго насторога прихода
Іигитовскаго, Іигитовскаго уезда,
р.Іигитовскаго, 1874 г. нал.,
насторогъ 26 септиембра 1874 г. нал.,
Іигитовскаго, Іигитовскаго, отецъ 3 дѣтей,
не бывший ранее поѣтъ судомъ;

Левъ Кобылинскій,

гр.-католическаго насторога прихода
Іигитовскаго, Іигитовскаго уезда,
р.Іигитовскаго, рожденный 27
января 1857 г. въ Надворнѣ, пр-
лагог. Іигитовскаго, Холмскаго, не
бывший ранее поѣтъ судомъ;

Пантелеймонъ Жабайчевъ,

крестильщикъ, рожденъ въ 1867 г. въ
Сенчевскаго уезда, жена таинственная,
не бывший ранее поѣтъ судомъ;

Ночныя пѣсни въ Галичинѣ

Боже, Боже! оть страшныхъ видѣй
Мы очнулись въ холодномъ поту.
Ниспопли намъ немногого забынья,
Нагони на глаза дремогу!
И уняль нестерпимую муку
— Снова вѣдѣть минувшее зло,
Бозложи свою легкую руку,
На готовое треснутъ чело!
Нѣтъ — еще не окончена кара
За каки-то наши грѣхи:
Мерещится отблескъ пожара
Бѣз мутныхъ водахъ карпатской рѣки.
Намъ мерещатся цѣпи обозовъ,
Отходиціе въ страхѣ полки,
Оглушительный взигъ паровозовъ,
Самоходовъ глухіе гудки.
Весь измѣять и штыками испороть,
Весь взъерошенъ, нахожденъ и золь,
Есть Перемышль, древній княжескій городъ,
Залетаѣтъ австрійскій орѣлъ.
И откинувъ языктъ, словно жало,
Несспособный бороться въ строю,
Бѣгть когтиами кого ни попало,
Какъ-бы чуя кончину свою.
Вотъ идѣть подъ конвоемъ мадьяровъ
— Измождѣнныхъ страдальцевъ толпа.
Затекла ихъ спина отъ ударовъ,
Капли крови струятся со лба.
А когда, не осилившіи муки,
Кто нибудь изъ толпы упадеть,
— Остальные хватаютъ на руки
И влекутъ его тѣло впередъ.
Но не долго. Близка ихъ Голгофа!
Лишь одинъ небольшой поворотъ,
— И на нихъ устремляется снова
Опьянѣвший отъ злобы народъ.
Стороните — молитву Господню!
Нѣтъ на свѣтѣ того полотна,
Гдѣ бы эту кровавую бойно
Написать можно было сполна.
Засвистѣли дубинки и палки,

И взвились изъ ножонъ палаши.
Никакій вѣмъ жертвъ не жалки,
— По охотѣ своей палачи!
Такъ мѣстѣ-жъ кровавое тѣсто,
Разрывайте тѣла на куски,
Цѣльте мѣтко въ убойное мѣсто
И щыряйте о стѣны мозги.
Но среди этой жатвы багряной
Пожалѣйтъ невинный цвѣтокъ,
Что австрійскій жандармъ, слишкомъ рьяный,
Для расправы сюда приволокъ.
Этой дѣвушки имъ — Марія,*
— Такъ несчастныхъ обычно зовутъ, —
Никакіе соблазны мірскіе
Ея сердца къ себѣ не влекутъ.
Какъ сѣчка предъ иконой святою,
— Она только для Бога горитъ,
И своей неземной красотою
Надъ земными страстями парить.
Что вѣмъ лишилѣ дѣвичи стоны,
Хрипѣ еще одного мертвца?
Вѣдь и таѣтъ похоронные звоны,
Раздаются въ церквиахъ безъ конца.
Такъ внемлите-жъ двойному заклятию:
Мы возносимъ къ вамъ эту мольбу,
Принадѣль съ Маріей къ распятю,
Приткажденному здѣсь на столбу.
Но напрасно. Къ рыдалъямъ вы глухи.
Недоступны вы страшнѣмъ мольбамъ.
Что вѣмъ съ нашей словесной поруки,
Коли кровушкы надобно вѣмъ?
Пронеслась надъ толпою команда:
— «Не рубить, а по взводно стрѣлять!»
Окружившая дѣвушку банда,
Инстинктивно попытилась вспять.
Загремѣли удары сухie,
— Искривились отъ боли уста —
И произѣнна пулей Марія
Опустилась къ подножью креста...
А вверху возвѣдалъ на верандѣ
Генералъ съ папирошкой во рту.

Онъ внималъ смертоносной командѣ,
Точно быль на солдатскомъ смотру.
И когда послѣ залпа склонился
Надъ ѹшткой лихой генералъ,
— У него вдругъ монокль заискривлъ
И отъ смѣха въ глазу заскакалъ.
Хохочи-же до слѣзъ, до упаду,
Беселися при видѣ крови,
Находи въ этой казни награду
За военные бѣды свои.
Намъ-же, маленькимъ людямъ, — сдаѣтся,
Что изъ дѣлъ смѣется лишь тотъ,
Кто послѣдній отъ сердца смѣется,
Кто хохочеть изъ концъ во весь ротъ.
Можетъ быть, — уже близко мгновеніе,
Можетъ быть, — недалѣкѣ уже часъ
— Избавленья, когда Прозидѣнѣ
Неожиданно вспомнитъ о настѣ.
Послѣ тысячи лѣтъ мученій,
Послѣ пытокъ «огнемъ и мечемъ»,
Послѣ пышихъ въ борьбѣ поколѣній,
Можетъ быть, — мы свободно вздохнѣмъ.
Но тогда не для празднаго смѣха
Вскользъхнѣтъ запавшая грудь.
Не такая пустая утѣха
Завершить нашъ страдальчески путь.
Мы завѣтнаго срока не знаемъ,
Но когда онъ настанетъ — клянусь —
Мы свободно тогда зарыдаемъ,
Зарыдаемъ на цѣлую Русь!
О пренесенныхъ въ жертву — Россіи,
О погибшихъ во славу Христа,
О невинно убѣжній Маріи
Мы наплачемся идололь тогда.
А пока въ незѣмѣнномъ терпѣнїи,
Гробовсе молчаніе храня,
Стиснувъ зубы, — падѣмъ на колѣни
Передъ памѧтю свѣтлой ея....

Б. И. Лелявекій.

*) Марія Мокнацкая † 15 сентября 1914 года въ Пс-
ремышль.

